

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ПОВОЛЖЬЯ

Юрий СМИРНОВ

**ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
(КОМИССИЯ)
И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАВОЛЖЬЯ К РОССИИ
в 30-40-е гг. XVIII века**

Издательство "Самарский университет"
1997

**SAMARA STATE
UNIVERSITY**

**INSTITUTE OF POVOLZHYIE
HISTORY AND ARCHEOLOGY**

Yuri SMIRNOV

**ORENBURG EXPEDITION
(COMISSION)
AND THE ANNEXIATION OF TRANSVOLGA
TO RUSSIA in 1730–1740s**

**Samara University
1997**

ББК 63.3(2)46

С 506

СМИРНОВ Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40–е гг. XVIII века. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 1997. – 190 с. Илл. 17

ISBN 5–230–06078–6

В книге рассматривается один из важнейших этапов в истории Заволжья — включение его территории в состав Российского государства в 30–40–х годах XVIII столетия. Описание событий этого времени и процессов формирования постоянного оседлого населения региона соединяется с рассказом о выдающихся государственных деятелях–руководителях Оренбургской экспедиции (комиссии), оставивших свой след в судьбах России и ее юго-восточных окраин.

Книга предназначена для студентов–историков, а также для всех, интересующихся прошлым родной страны и нашего края.

Научный редактор доктор исторических наук, профессор
П. С. Кабытов

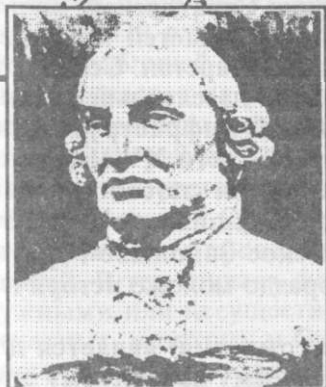
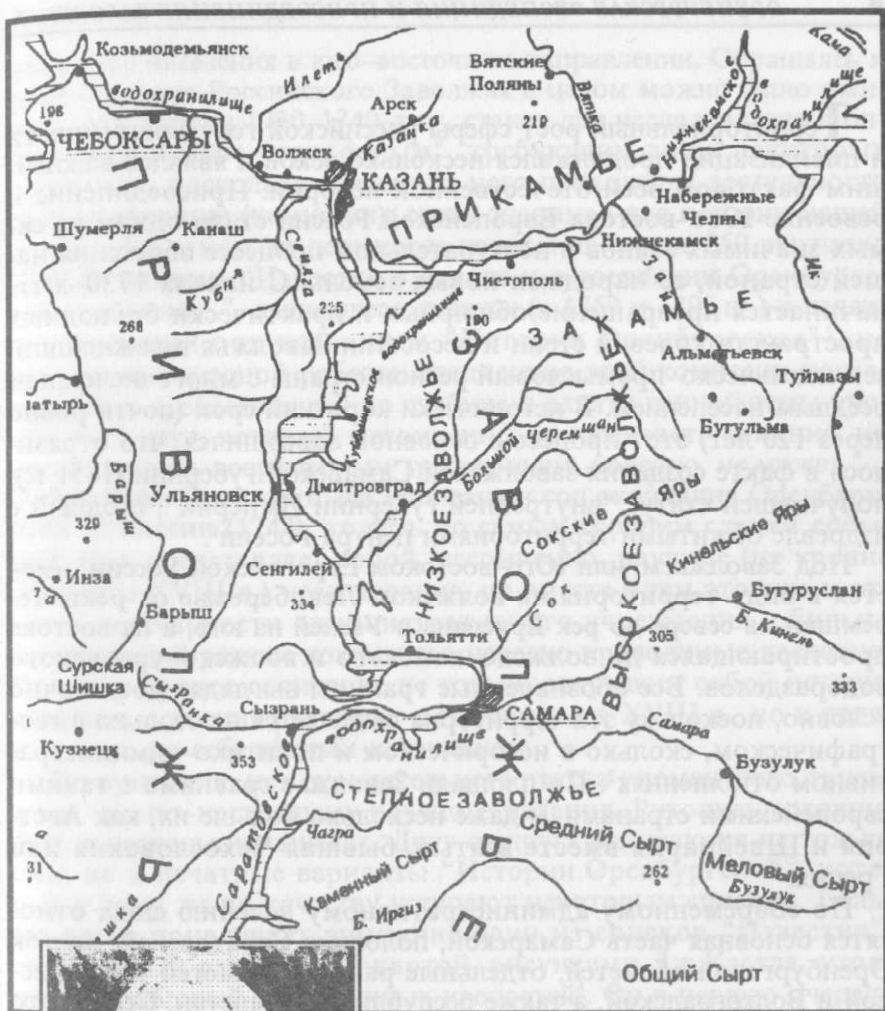
Рецензент зав. кафедрой региональной культуры и этнографии Самарской гос. академии культуры и искусств, кандидат исторических наук, доцент **Т.И. Ведерникова**

Макет подготовлен в историко-эко-культурной ассоциации
“Поволжье”

0503020200 — 016
С ————— 3 — 97
6К4(03) — 97

ISBN 5–230–06078–6

© Смирнов Ю.Н., 1997

Введение

Территориальный рост сферы российской государственности и цивилизации продолжался несколько веков и являлся важнейшим фактором всей отечественной истории. Присоединение и освоение Юго-востока Европейской России стали одним из самых значимых этапов в поступательном процессе обретения нашей страной, ее народами новых земель. С начала 1730-х гг. начинается превращение обширных и практически безлюдных пространств кочевой степи и лесостепи Заволжья в важнейший земледельческо-промысловый регион страны с многочисленным оседлым населением. В исторически короткий срок (почти ровно через 120 лет) этот процесс в основном завершился, что отразилось в факте создания заволжской Самарской губернии (1851 г.), получившей статус "внутренней губернии Империи", сходный с издревле обжитыми территориями центра России¹.

Под Заволжьем, или Юго-востоком Европейской России, имеется в виду территория на волжском Левобережье от реки Черемшан на севере до рек Еруслана и Узеней на юге, а на востоке простирающаяся до волжско-камского и волжско-уральского водоразделов. Все обозначенные границы выглядят достаточно условно, поскольку эта территория выделяется не столько в географическом, сколько в историческом и политико-административном отношениях². По площади Заволжье сравнимо с такими европейскими странами, и даже несколько больше их, как Австрия и Швейцария вместе взятые, бывшая Чехословакия или Греция.

По современному административному делению сюда относятся основная часть Самарской, половина Саратовской, восток Оренбургской областей, отдельные районы областей Ульяновской и Волгоградской, а также республики Татарстан. Сейчас это развитый индустриально-аграрный, плотно населенный район с богатой культурной традицией и мощной инфраструктурой. Трудно даже представить, что еще в первой трети XVIII века он практически не имел ни оседлых жителей, ни способов хозяйствования, им свойственных, обладал принципиально иным этническим составом населения. Российское Заволжье гораздо ближе географически к Москве, но и гораздо моложе исторически, чем, например, Российская Сибирь.

Оренбургская экспедиция (позднее комиссия) является для XVIII в. отправным и самым ярким по своему драматизму эпизодом расширения пределов Российского государства и продви-

жения его населения в юго-восточном направлении. Обращаясь к теме освоения Российского Заволжья в целом можно было ожидать, что период 1730–1740-х гг. станет для исследователя в определенной мере “проходным”, требующим лишь некоторых доработок, поскольку именно на него приходится деятельность этой экспедиции (комиссии), столь значимая для истории нашей страны. На самом же деле после написания свыше 250 лет назад П.И. Рычковым “Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии...”, вышедшего дважды (в 1759 и 1896 гг.) в печатном издании под названием “История Оренбургская”³, не появилось ни одной работы, специально этой комиссии посвященной и превосходящей по глубине и охвату данной темы упомянутый труд, который, несомненно, заслуживает уважения, но удовлетворить современным требованиям, конечно, не может.

Рукопись Рычкова была написана в год окончания Оренбургской комиссии (1744), то есть по самым горячим следам событий. Она представляет собой, несомненно, научное (на уровне середины XVIII в.) исследование, но вместе с тем это еще и отчет о деятельности административного учреждения, обильно включающий разные документы, нередко приводимые дословно. Поэтому данное сочинение не только открывает собой историографию освоения Заволжья и Приуралья в XVIII в., но и является само по себе ценным источником.

По сути дела, нет окончательного текста упомянутого труда, и нет его по-настоящему научного издания. Рукопись сохранилась в нескольких списках. Друг от друга отличаются не только они, но и печатные варианты “Истории Оренбургской”, которые к тому же по качеству уступают некоторым спискам. Больше всего привлекает внимание один из списков “Известия”, снабженный рукописной картой, рисунками Дж.Кэстля, уточненной таблицей пограничных крепостей⁴. Он в первую очередь напрашивается на роль авторского подлинника, но от окончательного вывода удерживает бросающаяся в глаза сбитая нумерация параграфов.

Из-за отсутствия специальных работ, посвященных “Известию” (“Истории Оренбургской”) П.И. Рычкова, нам пришлось самостоятельно проводить сверку списков для выявления разночтений. В тех случаях, когда подобные уточнения оказались ненужными или несущественными, ниже даны сноски на одно из печатных, а потому и более доступных изданий, хотя о доступности этих библиографических раритетов для современного читателя можно говорить лишь с немалой натяжкой.

К некоторым сторонам деятельности Оренбургской комиссии и освоения Заволжья П.И. Рычков обращался в других своих сочинениях, как опубликованных, так и неопубликованных. Среди них на первом месте стоит "Оренбургская топография", образцовое для XVIII столетия статистико-географическое исследование с серьезными историческими и этнографическими экскурсами. Оно также известно всего в двух печатных изданиях (1762 и 1887 гг.), ставших редкостью, и имело хождение в списках⁵.

Последующая историография Оренбургской комиссии состоит из рассмотрения отдельных эпизодов ее деятельности, а потому в совокупности рисует весьма отрывочную, неполную и схематичную картину, притом изобилующую ошибками. Она сводится в основном к небольшому числу работ по ранней истории Оренбургской губернии, отдельным параграфам и страницам в некоторых обобщающих трудах по русской истории и биографических очерках деятелей Оренбургской экспедиции, упоминаниям в работах о колонизации новых земель на востоке страны⁶.

Встречающиеся в литературе неточности показывают недостаточное знание источников по Оренбургской экспедиции (комиссии), в том числе весьма уважаемыми авторами, а потому заставляют осторожно относиться и к общим выводам, ими предлагаемым. Для примера укажем на отношение к одному из инициаторов и видных деятелей этой экспедиции А.И. Тевкелеву, которому особенно не повезло в историографии. Его, правоверного мусульманина, постоянно именуют "крещеным мурзой" или "обрусевшим азиатцем", неправильно излагают обстоятельства его отъезда из Самары в Петербург в конце 1738 г.⁷ Некоторые путают его с троюродным братом М. Тевкелевым. После таких и подобных огрехов, уже не вдаваясь в существо споров, нельзя не признать того, что есть все основания сомневаться в обоснованности и других высказываний ряда историков как в адрес этого и других конкретных деятелей Оренбургской экспедиции, так и по поводу деятельности данного учреждения в целом.

В общих работах по истории России, учебниках и лекционных курсах интересующие нас вопросы присоединения к России Заволжья (вкуче с Оренбуржьем, Приуральем и Южной Сибирью) излагаются с недостаточной полнотой. Достаточно сравнить их освещение с повышенным вниманием к северокавказско-причерноморскому региону. Объективного объяснения

этому нет, поскольку ничем не доказано, что расширение России в юго-западном направлении имело большее значение для судеб страны и ее народов, чем в юго-восточном. Субъективные же причины интереса историков можно понять. Движение на Кавказ и в Причерноморье сопровождалось внешне более драматическими событиями и было сопряжено с европейской политикой, которая привычно рассматривается как главная в области международных отношений. Показательно, к сожалению, наличие даже в новейшей литературе книг, которые претендуют на подробное освещение политики преемников Петра I, но при этом совсем не упоминают Оренбургскую экспедицию и важнейшие территориальные приобретения России на юго-востоке⁸.

В связи с подобной расстановкой акцентов вовсе не удивительно, что историей Оренбургской экспедиции и Заволжья мало занимались столичные ученые, и наибольший вклад в ее изучение внесли историки из провинциальных городов и национальных республик. Однако имеющиеся региональные исследования и краеведческие издания рассматривают весьма ограниченные в пространстве и времени эпизоды освоения юго-восточных территорий России. Эти публикации по своему характеру и объему не могут восполнить слабую изученность вопросов темы. Особенно это касается территории Заволжья⁹, поскольку роль экспедиции в истории Казахстана и Башкирии¹⁰, а также собственно Оренбуржья¹¹ изучалась все-таки более пристально, в том числе даже зарубежными исследователями¹².

В данной историографической ситуации была осознана необходимость новой реконструкции истории Оренбургской комиссии в целом, причем заволжские аспекты ее деятельности оставались для автора ведущими. Стремление достичь одновременно две, казалось, разноплановые цели (история самой комиссии и история освоения Заволжья не перекрывают полностью одна другую даже на едином временном промежутке) не только не внесло разлада в исследование, а, наоборот, оказалось весьма плодотворным. Не останавливаясь на всех обоснованиях, укажем на такое очевидное обстоятельство, что 10-летняя история самой комиссии (май 1734 — март 1744 гг.) по месту пребывания ее руководства делится на четыре этапа. Ее подготовительный ("петербургский и московский"), начальный ("уфимский") и последний (собственно "оренбургский") этапы, взятые вместе, оказались гораздо короче основного — "самарского". Последний продлился с сентября 1736 по август 1743 гг. Таким обра-

зом, без малого 7 лет основной базой Оренбургской комиссии, независимо от ее целей и названия, являлось именно Заволжье.

Уже один этот приведенный выше аргумент показывает невозможность изучения ключевого мероприятия в юго-восточной политике России XVIII века, каким несомненно была Оренбургская экспедиция (комиссия), без внимательного исследования заволжского "звена" правительственной стратегии. Справедливым будет и обратное заключение о необходимости рассматривать историю Заволжья обязательно в контексте работы Оренбургской экспедиции.

Следует оговориться, что сам по себе "заволжский" взгляд на юго-восточную политику России почти так же ограничен, как рассмотрение ее только с точки зрения событий в Башкирии, русско-казахских отношений или проведения географических исследований. Однако, во-первых, мы исходили из наличия уже проделанной историками работы по изучению ряда тем, связанных с правительственной стратегией на этом направлении, учитывали имеющиеся результаты такой работы в своем исследовании. Во-вторых, необходимость воссоздания истории Оренбургской комиссии и других мероприятий властей заставляла постоянно выходить за территориальные рамки Заволжья, обращаясь к столичным делам и к ситуации в соседних регионах.

Вместе с тем хронологические рамки данного исследования не могут быть ограничены временем функционирования Оренбургской комиссии, а тем более ее одного, пусть самого длительного, этапа. Они включают события как предварявшие во времени эту комиссию, так и последовавшие вслед за преобразованием ее учреждений в администрацию новой Оренбургской губернии. В первую очередь в эти рамки следует включить сооружение новой Закамской линии, которое велось в 1732–1734 гг. на заволжских землях, а также мероприятия первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева по организации управления и заселения заволжских территорий во второй половине 1740–х гг. Таким образом, процесс присоединения Заволжья к России подлежал исследованию на протяжении третьего и четвертого десятилетий XVIII в.

В зависимости от хронологических находятся и территориальные рамки исследования. Деятельность Оренбургской комиссии мало затронула степные земли Заволжья, и первые решительные шаги по продвижению туда оседлого населения были предприняты только с 1747 г. В данной работе поэтому рассматриваются процессы и события, происходившие прежде всего в

той части заволжских пространств, которые можно отождествить с природной зоной лесостепей и географическими ландшафтами Высокого и Низкого Заволжья к северу от р. Самары.

Достижение поставленной цели исследования стало возможным благодаря выявлению значительного массива источников по истории Оренбургской экспедиции и присоединения Заволжья. Разнообразные источники наиболее полно сохранились в делах Российского Государственного архива древних актов в Москве (РГАДА), Российского Государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Юго-восточная политика России отражена здесь прежде всего в фондах верховной власти, центральных правительственных учреждений, самой Оренбургской экспедиции и других местных органов управления. Некоторые материалы, связанные с темой нашего исследования, имеются в Российском Государственном Военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Самарской области (ГАСО). Интересные документы и карты обнаружены также в рукописных отделах Библиотеки Академии наук (БАН), Российской Государственной библиотеки (РГБ) и Российской национальной библиотеки (РНБ).

Архивные материалы по теме дополняются публикациями законодательных актов и других документальных источников в Полном собрании законов Российской Империи (ПСЗ), различных научных изданиях¹³. Высокую ценность представляют переписка, мемуары и сочинения современников. Среди последних, кроме уже упомянутого П.И. Рычкова, следует назвать инициатора Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, других ее сотрудников и руководителей (А.В. Тевкелева, В.Н. Татищева, И.И. Неплюева)¹⁴, а также менее известных авторов и свидетелей тех событий, в том числе иностранцев¹⁵.

Вопрос о месте и роли Заволжья в продвижении Российской Империи на юго-восток во второй четверти XVIII в. имеет несомненную научную значимость, выходящую за рамки регионального исследования. Он заслуживает самого пристального изучения и учета в общей концепции расширения границ государства и его международных связей того времени. В ходе работы над перечисленными проблемами, источниками и литературой окончательно сложился замысел данной книги как законченного исследования, с одной стороны, а с другой, как начала монографической публикации результатов работы над темой "Народ и власть в освоении Российского Заволжья".

Появление настоящей книги было бы невозможным без интереса и сотрудничества со стороны коллег-историков Самарского госуниверситета, Института истории и археологии Поволжья, Историко-эко-культурной ассоциации "Поволжье", без материальной поддержки перечисленных учреждений. Выражаю признательность сотрудникам всех архивов и библиотек, упомянутых выше, а также Самарской областной универсальной научной библиотеки за помощь в сборе необходимых материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. №1. С. 43.

² В отечественной географической науке при существующей традиции выделения заволжских территорий нет общепринятого представления об их границах, которые проводятся не только по естественным природным рубежам, но и следуют административному делению, изменяясь вместе с последним во времени. Ср.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.. Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 11–15; Салимов И.Х. Среднее Поволжье. М., 1994.

³ Подробную библиографию изданных сочинений и перечень рукописей П.И. Рычкова см.: Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. М., 1991. С. 240–244. Следует предупредить, что поиск рукописей по данному перечню затруднен устаревшими библиотечными и архивными шифрами, а также ошибками в них. Кроме списков "Известия (или как в некоторых вариантах — "Известий") о начале Оренбургской комиссии...", которые указаны в этом перечне, нами были выявлены еще: ОР РНБ. Ф. 166 Вяземский. Ф 44; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 53. Рукопись продолжения "Известий" за 1744 — 1751 г. см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 127.

⁴ ОР РНБ. Ф. 905 НСРК. Ф, 332.

⁵ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 127; ОР РНБ. Ф. 166 Вяземский. Ф 47.

⁶ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1–4. Казань, 1889–1895; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20, 22–23 // Сочинения. Кн. X–XII. М., 1993; Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861; Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1887; Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Приложение к IV тому; Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. М., 1991; Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов (географ XVIII века). М.; Л., 1964; Фирсов Н. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869 и др.

⁷ Гордин Я.А. Хроника одной судьбы. М., 1980. С. 131–132, 148–150; Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 257; Попов Н.А. Указ. соч. С. 91–192.

⁸ Ср.: Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.

⁹ В отдельных публикациях, выполненных на уровне современных научных требований, вводится в оборот, но в ограниченном объеме, новый достоверный материал по теме: Самара–Куйбышев: Хроника событий. 1586–1986. Куйбышев, 1985; Ведерникова Т.И. Аграрное освоение и формирование населения Самарского Заволжья в середине XVII — середине XIX вв. // Классы и сословия в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989; Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Самара, 1993. Кн. 1; Артамонова Л.М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. 1996. №2; Смирнов Ю.Н. Изучение языков народов Поволжья в школах Оренбургской комиссии // Там же; Его же. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996.

¹⁰ См.: Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В.П. Чкалова. Серия истории и педагогики. Вып. 1. Чкалов, 1948; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960; Акманов И.Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735 — 1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. II и др.

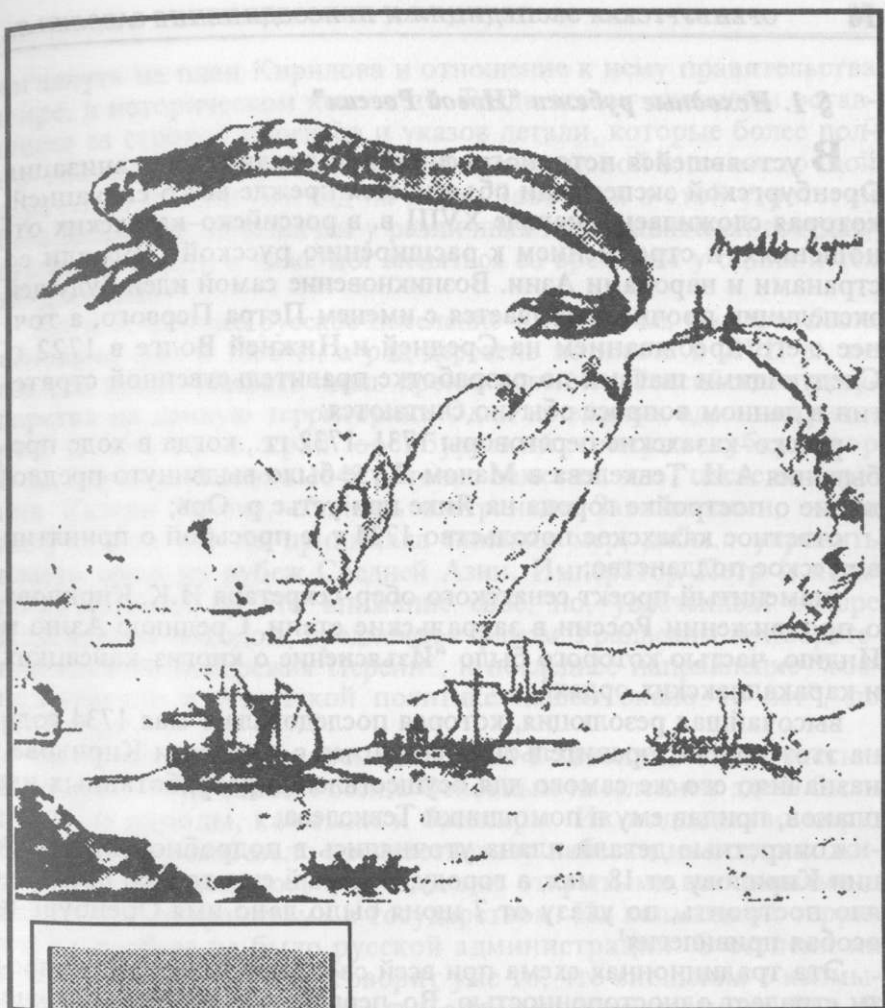
¹¹ Состояние изученности ранней истории края отражено в публикациях, вышедших к 250-летию города и Оренбургской губернии: Дорофеев В.В. Над Уралом–рекой. Челябинск, 1988; Оренбург. Челябинск, 1993; Любовь и Восток. М., 1994 и др.

¹² Коити Тоёкава. Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. М., 1996. С. 50–81.

¹³ Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734–1736 гг. // Материалы по истории России. Т. 1–2. Оренбург, 1900; Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны. Т. 1–12 // Сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1898–1915. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949; Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 2–5. СПб., 1886–1889 и др.

¹⁴ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977; Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979; Разные бумаги генерала-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах. 1762 год // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13; Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893.

¹⁵ Hanway Y. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1754. Vol. 1. (Русские дореволюционные историки в основном пользовались немецким изданием этой книги: Hanway J. Herrn Jonas Hanway zuderlassige Beshreibung seiner Reisen. Hamburg und Leipzig, 1754. B. 1.); Castl J. Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan... Reise // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730–1741. Riga, 1784.

Глава 1. “ПРИ НАЧАТИИ ВЕЛИКИХ ДЕЛ”

§ 1. Исходные рубежи "Новой России"

В устоявшейся историографической традиции организация Оренбургской экспедиции объясняется прежде всего ситуацией, которая сложилась в начале XVIII в. в российско-казахских отношениях, и стремлением к расширению русской торговли со странами и народами Азии. Возникновение самой идеи будущей экспедиции прочно связывается с именем Петра Первого, а точнее с его пребыванием на Средней и Нижней Волге в 1722 г. Следующими шагами по разработке правительственной стратегии в данном вопросе обычно считаются:

русско-казахские переговоры 1731–1732 гг., когда в ходе пребывания А.И. Тевкелева в Малом Жузе было выдвинуто предложение о постройке города на Яике при устье р. Орь;

ответное казахское посольство 1734 г. с просьбой о принятии в русское подданство;

знаменитый проект сенатского обер-секретаря И.К. Кирилова о продвижении России в зауральские степи, Среднюю Азию и Индию, частью которого было "Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах";

высочайшая резолюция, которая последовала 1 мая 1734 года на этот проект; правительство, согласясь с доводами Кирилова, назначило его же самого для осуществления разработанных им планов, придав ему в помощники Тевкелева;

конкретные детали плана уточнялись в подробной инструкции Кирилову от 18 мая, а городу, который еще только предстояло построить, по указу от 7 июня было дано имя Оренбург и особая привилегия¹.

Эта традиционная схема при всей своей фактической точности страдает односторонностью. Во-первых, что особенно важно для нашей темы, вне поля зрения остается ситуация в Заволжье. Во-вторых, недостаточно учитывается изменившаяся в начале 1730-х гг. политика в отношении степных окраин России в целом, в частности положение дел в Башкирии. Можно добавить и то, что вслед за писавшими в правление Елизаветы Петровны Рычковым и Тевкелевым историки умалчивали о поддержке кирюловского проекта людьми, руководившими государством при Анне Ивановне.

Действительно, в самих документах, разработанных Кириловым, отодвинуты на задний план башкирские дела и очень мало уделено внимания заволжским территориям. Однако нужно

взглянуть на план Кирилова и отношение к нему правительства шире, в историческом контексте. Тогда станут очевидны оставшиеся за строкой проектов и указов детали, которые более полно объясняют обстоятельства рождения новой юго-восточной стратегии России. Взгляд на место Заволжья в этой стратегии был далеко не однозначен у различных представителей государственной власти и даже мог меняться со временем у одних и тех же деятелей.

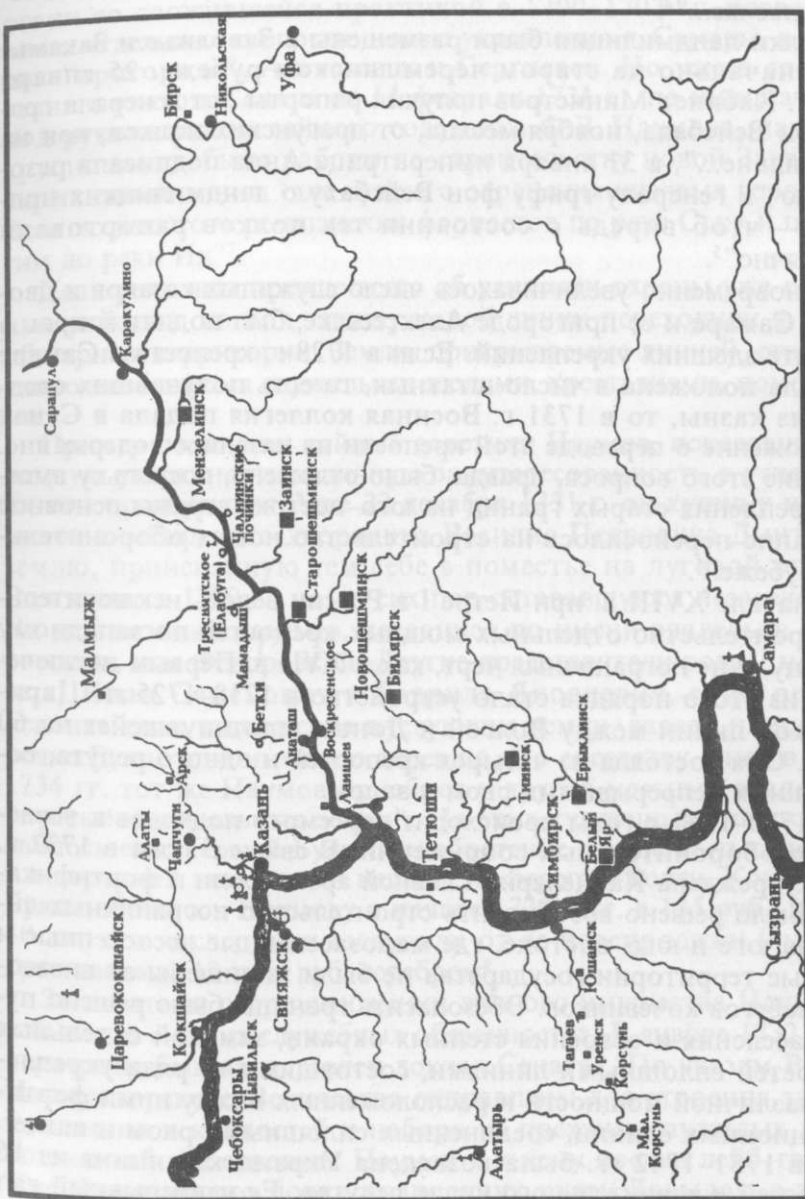
Хотя старейшее русское поселение в Заволжье, Самара, было основано еще в 1586 г., а ряд деревень возникли в XVII в., но все это можно назвать лишь проникновением Российского государства на данную территорию. Один из видных администраторов и знатоков края оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский еще в 1842 г. точно заметил, что "после покорения Казани Россия, сблизясь с странами Заволжскими, около полутора ста лет не принимала никаких мер, дабы... упрочить власть свою на рубеж Средней Азии. Император Петр I, казалось, обратил на это внимание свое, но, увлеченный вскоре Персидским походом, предпочел странам Уральским приобретение южного побережья Персии", и последнее направление "господствовало в Азиатской политике нашей около 10 лет", до 1734 года².

Действительно, во времена Петра I Заволжье было частью Империи, но не самой России. Основным населением здесь были кочевые народы, калмыки и башкиры. Их подданство царю было непрочным, мало препятствовало набегам на оседлых жителей, не раз ставилось под сомнение открытыми восстаниями и военными конфликтами с государством. На калмыцкой территории вообще не было русской администрации. О степени их интеграции в Империю говорит уже то, что сношения с калмыками поддерживались через Коллегию Иностранных Дел. В Башкирии же российские власти действовали только на ее внутренних землях и никак не контролировали районы дальних заволжских кочевий и охотничьих угодий башкир. Появлявшиеся время от времени в крае казахи ("киргиз-кайсаки") и каракалпаки даже номинально не считались подданными России. Ситуация осложнялась взаимными столкновениями кочевых народов, из-за чего, а также в силу географических и природных условий Заволжье использовалось ими только под летние пастбища и лесные ухажья, а такие места более или менее постоянного обитания, как башкирские деревни и калмыцкие зимовья, находились на значительном отдалении отсюда.

Путь через степь от Самары на Яик, особенно зимой, когда он становился легким для подвод и свободным от угрозы грабежа степняками, издавна использовался для торговых связей с яицкими казаками, чье подчинение государственной власти было также весьма относительным. Для проезжавших по нему даже во второй трети XVIII в. иноземных купцов Самара представлялась "последним местом России", а потому расположенный от нее в пяти днях пути Яицкий городок виделся уже за пределами страны, хотя и считался населенным ее подданными³. Незащищенные "уметы" (постоялые дворы) на этой дороге никак не могли в тогдашних условиях считаться постоянными поселениями или превратиться в таковые.

До начала 1730-х гг. городки Закамской линии, построенной еще в 1652–1656 гг., форпосты по р. Черемшану оставались реальным охраняемым рубежом российских владений, по которому проходила исторически сложившаяся граница между земледельческим Закамьем и пока еще неосвоенным Заволжьем. Отдельные поселения Казанского, Симбирского и Самарского уездов за этим рубежом не меняли общей ситуации в регионе и жили под постоянной угрозой со стороны степняков, от которой, впрочем, не были полностью избавлены их соседи на черте и внутри нее.

Однако в 1731 г. на юго-восточных рубежах империи намечается оживление активности с российской стороны. Вступив на престол, императрица Анна Ивановна рассматривала в том году среди важнейших государственных дел сенатский доклад "о имени команды" и положении на "Черемшанских форпостах". По представлению военного ведомства был принят целый ряд указов о починке старых и строительстве новых крепостей на границах страны, об организации новых пограничных полков. В числе последних по указу от 19 февраля 1731 г. были скомплектованы Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Их набирали из жителей городков на Закамской линии, а также из однодворцев, пахотных солдат и других бывших служилых людей, обитавших в поволжских губерниях и обращенных в число государственных крестьян. Так, с пахотных солдат и со всех "прежних служб служилых людей" г. Саранска с пригородками, как сообщали они сами, "было выбрано ... в ландмилицкую службу с 13-ти душ по человеку, и тем ландмилицам в тот первый год мундир собирались, також и провиант с нас же оставших 12-ти душ; и, буде из

Среднее Поволжье и Заволжье в конце XVII века:
■ — “городки” старой Закамской линии

тех ландмилицких людей волею Божиею умрет или заболит, берут с нас же..."⁴.

Полки ландмилиции были размещены в Заволжье и Закамье первоначально на старом черемшанском рубеже. 25 января 1732 г. Кабинет Министров получил рапорты "от генерала графа фон Вейсбаха, ноябрю месяца, от драгунских полков, кои на Черемшане...", а 31 января императрица Анна подписала резолюцию "к генералу графу фон Вейсбаху о ландмилицких полках, — чтоб впредь о состоянии тех полков рапортовали помесечно"⁵.

Одновременно увеличивалось число служилых казаков и дворян в Самаре и ее пригороде Алексеевске, был поднят вопрос о ремонте здешних укреплений. Если в 1728 г. крепость в Самаре не была положена в число штатных, то есть получавших средства из казны, то в 1731 г. Военная коллегия подала в Сенат предложение о переводе этой крепости на казенное содержание. Решение этого вопроса, правда, было отложено, поскольку вместо укрепления старых границ на юго-востоке страны основное внимание переносилось на строительство новых оборонительных рубежей⁶.

В начале XVIII в. при Петре I в России велось исключительно строительство отдельных мощных крепостей по западному образцу, а не пограничных черт, как в XVII в. Первым исключением из этого порядка стало устройство в 1718–1725 гг. Царицынской линии между Волгой и Доном, протянувшейся на 60 верст. Она состояла из четырех крепостей и одного редута, соединенных непрерывными рвом и валом.

В 1730–1740-е годы происходит пересмотр подходов к возведению оборонительных сооружений. В связи с этим в 1732 г. была учреждена Канцелярия Главной артиллерии и фортификации. Было решено возобновить строительство пограничных линий на юге и юго-востоке, где малозаселенные лесостепные и степные территории государства не были защищены от внезапных набегов кочевников. Обезопасить границы было решено путем заселения и освоения степных окраин, заменой отдельных крепостей сплошными линиями, состоящими из ряда укреплений различной мощности и расположенных между ними фортификационных единиц, соединенных сплошными рвом и валом. Так, в 1731–1742 гг. была возведена Украинская линия из 16 крепостей и значительного числа редутов. Ее непрерывный вал на 268 верст тянулся от Днепра до Северского Донца.

Такая же ситуация повторялась и в Заволжье. Там в соответствии со сложившейся практикой в 1700–1703 гг. возводятся лишь отдельные крепости: новые укрепления г. Самары, а также два "пригорода", Алексеевск и Сергиевск. Но уже в соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г., по инициативе и под руководством тайного советника Ф.В. Наумова, начались крупномасштабные работы по строительству новой Закамской укрепленной линии "для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик"⁷.

Хотя речь шла прежде всего об усилении охраны уже освоенных районов, но под защиту новой линии переходили и новые обширные территории. Земли, прикрываемые линией, стали активно осваиваться служилыми людьми, крестьянами, помещиками.

Пример подал сам тайный советник Наумов, показавший завидную уверенность и личную заинтересованность в успехе начатого предприятия. Уже 22 декабря 1731 г. он купил у наследников симбирского дворянина Василия Петровича Дмитриева землю, приисканную тем себе в поместье на луговой стороне Волги еще в 1700 г., но до сих пор остававшуюся незаселенной. На ней возникло сельцо, названное по имени владельца Федоровским, или Федоровкой. Другие представители рода Дмитриевых, Иван Семенович и Гаврила Яковлевич, сами решили освоить свои заволжские пустующие земли, заведя на них при речке Буяне одноименную деревню. По соседству с ней в 1733–1734 гг. тот же Наумов приобрел у других местных владельцев "пустые и ковыльные земли". На этих купленных участках появилось село Новый Буян. Приобретение свыше 18 тыс. десятин плодородной заволжской целины по берегам Волги, Кондурчи и Буяна обошлось Наумову в начале 1730–х гг. в 135 руб., а через 40 лет его наследники выручили от ее перепродажи (вместе с крестьянами) 12 тыс. руб. серебром⁸.

За заботами о приумножении личного имущества Наумов не забывал и о своих служебных обязанностях. В январе 1732 г. императрице был представлен доклад Сената: "По указам Вашего Императорского Величества отправлены для строения закамской линии и крепостей и набора из прежних служилых людей полков тайный советник Наумов и к нему послан лейб-гвардии Преображенского полку подпоручик князь Давыдов, а за нынешним зимним временем то строение оставлено и работные люди отпущены в дома. Ныне они... в Сенат доносят: по дан-

ной инструкции надлежит им о том строении донести аккуратно, того б ради... повелено было быть им на время в Москву, или где... быть соизволите, а за отлучкою де в наборе полков и в прочих делах никакого умедления и остановки не будет." На доклад последовала 31 января резолюция Анны Ивановны о немедленном их по почте приезде в Петербург, "чтоб еще нынешним зимним путем к делу, на них положенному, назад возвратиться могли"⁹.

Настоятельная просьба Наумова о приеме его в столице была вызвана уточнением первоначального плана с учетом конкретной ситуации в регионе. Об этом свидетельствует дальнейшее развитие событий. Наумов подал 13 марта привезенные доношения, чертежи и ведомости, по которым в Кабинете "имелось рассуждение", и уже 18 марта Анна подписала указ Наумову о строении "линии и засеки от Алексеевского и в других местах, и о переводе старых пригородков и о прочем"¹⁰.

Пограничная черта в Заволжье мало уступала главному фортификационному сооружению государства того периода — Украинской линии. Новая Закамская линия должна была протянуться на 240 километров. Промежутки между старыми пригородами (Алексеевском и Сергиевском), двумя новыми крепостями (Красноярской и Черемшанской), несколькими фельдшанцами и редутами около 175 км прикрывал сплошной вал, а остальное расстояние — лесные засеки.

Основными поселенцами на линии должны были стать служащие в ландмилиции и члены их семей, которых переводили с прежних мест жительства. В 1732 г. Наумов подал требование "об определении к нему для намеривания земель поселенным людям в новых крепостях... из симбирских канцеляристов Афанасья Киндякова", на что и получил разрешение. 15 октября 1734 г. из канцелярии тайного советника Наумова была дана подробная инструкция, по которой "при новопостроенных при Закамской линии крепостях, фельдшанцах и редутах" было повелено "ландмилиции на определенное число людей, где сколько поселено будет, как под дворы и огороды и под гумна, так и под пашню земли и сенных покосов и лесных угодий... отвести земли на каждого человека, которой служить будет и на его братьев, детей и племянников, годных в службу... да еще ж на помощников, которой с каждым ландмилицом служить будет". Предусматривалась также нарезка запасных участков "для того, когда у которого ландмилица и у помощника братья и дети и племянники подрастут и в службу явятца годные, хотя будут и

за комплектом, таким было б ис чего земли давать..." Сверх того отводились земли под полковые канцелярии, церкви, дворы офицеров, священников и церковнослужителей¹¹.

Следует пояснить, что вышеупомянутых помощников "на Закамскую линию к ландмилицам брали ж для распашки земли, к каждому по человеку с лошадьми, с косами, с сохами, и с топорами, и со всякими припасы." В селениях, определенных к содержанию ландмилиции, для этих работников "на корм собиралось... подмоги, и каждый... помощник становился по 7 руб. и больше"¹².

В целом дела на новой Закамской линии, по мнению столичных властей, шли успешно. Показателем тому было принятое 12 июня 1732 г. решение отозвать лейб-гвардии Преображенского полка подпоручика князя Давыдова, которому первоначально велено было состоять при Наумове "и смотреть, чтоб то дело линии и крепостей, тако ж выбор и поселение полков могло следовать во всем с добрым порядком и поспешением". Возвращение Давыдова к месту постоянной службы означало то, что снимался детальный сенатский и кабинетский контроль, осуществлявшийся гвардейским офицером. Строительство линии и содержание крепостей были полностью "поручены в диспозицию Военной коллегии"¹³.

Но пока шло это строительство, войска продолжали охранять старые рубежи, за чем пристально следило правительство. 7 ноября 1732 г. в Кабинет поступило через Военную коллегию доношение генерал-майора и воинского инспектора Г.А. Урусова "о Черемшанских форпостах" и при нем "смотровые табели драгунским полкам". 16 августа 1733 г. очередным рапортом из Военной коллегии Кабинет извещался о том, "что учинено" для устройства "Черемшанской линии"¹⁴.

Очевидно, что стабилизация положения при дворе и в государственном аппарате после чехарды дворцовых переворотов 1725–1730 гг., в хозяйстве и финансах страны, оправлявшихся от перенапряжения Северной войны 1700–1721 гг., других петровских походов, позволила правительству активизировать не только западное направление внешней политики России (вмешательство в польские дела, война с Турцией), но и обратить взоры, силы, средства на восток. При таком более широком подходе Оренбургская экспедиция перестает представлять пусть важное, но изолированное явление. Если даже субъективно план Кирилова безоглядно был устремлен в казахские степи, к Сред-

ней Азии, Бадахшану, Индии, то объективно он обуславливался и более географически близкими проблемами.

Процитированный выше В.А. Перовский связывал поиск путей на восток через заволжские степи с уходом России из прикаспийских провинций Ирана. Предположение это заслуживает внимания, хотя в документах первой половины XVIII в. и записках современников прямых указаний на такую связь не встречается. В источниках того времени отмечается прежде всего необходимость обезопасить уже освоенные российские земли.

В качестве примера можно привести высказывание самого Кирилова из его проекта 1734 года: "От сего народу (казахского — Ю.С.) российским, казанским, яицким, волским, уфинским, тобольским граничным жителям непрестанные воровские малыми партиями набеги чинились, и ежегодно, как скот, пленников отгоняли и в Бухарию, и в Хиву в роботу продавали, купецкие караваны разбивали и многие пакости делали, о чем, хотя публично не ведомо и не видно, но токмо одно разсудить надлежит, что в Хиву и в Бухару таких русских пленников натаскано и ныне там обретаецца несколько тысяч, oprичь иных владений, куды такожде развозятца"¹⁵. Ставя вопрос об укреплении границы, Кирилов, по сути, связал казахские дела с недостаточной прочностью как старых рубежей, так и новой Закамской линии, хотя прямо не упоминал последнюю в предложенном проекте.

Кирилову вторил А.И. Тевкелев в своем представлении, поданном 21 апреля 1734 г. руководителю внешнеполитического ведомства А.И. Остерману. Среди обоснований необходимости постройки новой крепости на Яике он приводил и такое: "Еще ж воровские кайсаки перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан на воровство, которые ездят и переезжают реку Яик..." Почти 30 лет спустя он же вспоминал дела прежних лет и уточнял свои высказывания: "...Хотя тогда армейских не менее четыре полка на форпостах содержалось, ежегодно Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более Российских подданных в плен бралось..."¹⁶.

Как бы то ни было, именно план Кирилова стал основой новой юго-восточной политики России. Были выделены необходимые людские, денежные и материальные средства. Всего в штат экспедиции было включено около 130 человек: сухопутных и морских офицеров, геодезистов и инженеров, фортификаторов и артиллеристов, медиков и канцелярских служителей, ученых и

священников. Ей придавались значительные военные силы, состоявшие из регулярных и иррегулярных войск.

Кирилов, разместившийся сначала с штабом экспедиции в Уфе, приложил в конце 1734 — начале 1735 гг. основные усилия по установлению коммуникаций с предполагаемым местом постройки Оренбурга через Прикамье, Зауралье, верхнее течение Яика. Пока не наблюдалось прямого пересечения задач и сферы деятельности экспедиции с канцелярией Наумова.

В общем замысле И. К. Кирилова Заволжье уделялось мало внимания, но проблемы, связанные с освоением этого края, очень скоро напомнили о себе, показав, как "нелегко было идти по заманчивым следам Ермака и его последователей"¹⁷ без надежных тылов и коммуникаций. Территория "Новой России", с включением которой в состав империи и основанием здесь Оренбурга Кирилов официально поздравил царицу и Кабинет Министров 16 августа 1735 г.¹⁸, для прочности своего основания должна была расшириться на запад до Волги. Восстание в Башкирии, походы, военные действия, переговоры и другие события 1735 — первых месяцев 1736 гг. заставили изменить первоначальный взгляд на Заволжское оперативное направление как незначимое и третьестепенное.

На обратном пути от только что заложенного Оренбурга к Уфе Кирилов даже получил запоздавший указ о прекращении движения к устью р. Орь. Это означает, что башкирское восстание вообще поставило дело Оренбургской экспедиции на грань краха и правительство готово было уже дать отбой прежнему решению о поддержке проекта Кирилова: "По причине учинившегося от башкирцев возмущения, по первым о том здесь из Казани и других мест полученным ведомостям, в Нашем указе из Сената к вам между иным писано, что, ежели те ведомости подлинно основательны и башкирцы, действительно, в противностях состоят, то в таком случае вам, ежели то без азарту учинить возможно, как за теми противностями, так и за поздним временем, со всем своим корпусом возвратиться на Уфу или по близости иттить ко яицким казакам и тамо при Сакмарске, или в другом удобном месте, остановиться..., о чем вам потом в указе ж из Нашего Кабинета, от 27 августа... подтверждено"¹⁹.

Подспудные течения в правительственных кругах, угрожавшие срывом планам Кирилова, ощущались им еще в первые месяцы пребывания в Уфе. Об этом свидетельствует его письмо от 1 марта 1735 г. всесильному фавориту императрицы — Бирону, у которого руководитель Оренбургской экспедиции искал и на-

ходил поддержку: "Молло ваше высокографское сиятельство не оставит меня бедного не для иного чего, но для Высочайшего Ея Императорского Величества интересу, для которого, усмотря удобное время, отважился ехать, известно, чрез шестнадцать лет сыскивая способы, а кроме вашего высокографского сиятельства иной помощи не имею..., ибо ныне многим кажется неимоверно неоцененные пользы, объявленные в проэкте моем, и затем может быть не так прилежат о помощи, а радеть было мочно, разсудя, что в прошедшие четыре месяца с приезде моего сюда, никак нельзя всего исполнить, а начало уже есть"²⁰.

Покровительство Бирона было очень важным условием развертывания экспедиции. Это подчеркивал Кирилов, уже выйдя в поход, в другом письме: "Не иное что придало причину получить Всемиловейшие нашей Монархини указы на все мои нижайшего раба доношении, в кабинет, в сенат и в военную коллегию посланные, как вашего высокографского сиятельства милостивое сему новому делу призрение..." Но Кирилов осознавал, что мешкать нельзя и авансы надо оправдывать результатами, которые обезоружат сомневающихся и недоброжелателей. Имена этих людей в письмах не названы, но они и их отношение к планам Кирилова, несомненно, были известны и ему самому, и его высокопоставленному корреспонденту: "Милостивый государь! теперь неимоверно, и наполнены эхи от всех сторон неудобностями, опасностями, но здесь в настоящем деле инаково все к тому идет, что в нижайшем моем проэкте написано. Таковые сумнящиеся изволят, государь, лучше тогда удостоверить, коль скоро на показанное многим отчаянное место к Ор-реке приду"²¹.

Одновременно оправдывались и опасения, и расчеты Кирилова. Указ об остановке похода, как уже упоминалось, был подписан. Восставшая Башкирия оказалась слишком весомым аргументом в руках противников Оренбургской экспедиции при дворе. Однако решительное продвижение отряда Кирилова к Яику упредило неблагоприятное для его дела развитие событий. 31 августа Кабинет от имени императрицы дал отбой прежнему распоряжению о прекращении похода: "...Вы во оном своем доношении Нам доносили, что вы от Ор-реки в близости находились, тамо, по данной вам Нами инструкции, строение крепости начать намерены были, того ради видится, что уже того строения оставлять и назад возвращаться вам не надлежит, разве б по состоянию того башкирского возмущения сие необходимо потребно было..." Впрочем, как отмечено в делах Оренбургской

экспедиции, этот "указ тогда получен, когда город Оренбург действительно основан был"²².

Поставленная на Ори крепость окончательно разрешила сомнения в пользу Кирилова. Отказаться от уже приобретенной "Новой России" империя не могла, но прежние планы требовали серьезных изменений.

Еще когда Кирилов, несмотря на начавшийся бунт, шел к Яику, на подавление повстанцев были двинуты правительственные войска, вначале отданные под команду казанскому губернатору П. Мусину-Пушкину, который обосновался в Мензелинске. Однако становилось ясным, что административный опыт этого сановника в сложившейся критической ситуации недостаточен. Необходимо было найти человека, сочетавшего искусство дипломата с опытом военачальника, да к тому же свободного от выполнения других важных дел. Таковым оказался генерал-лейтенант А.И. Румянцев, находившийся под арестом и следствием. 12 августа 1735 г. он был освобожден из-под караула и одновременно назначен "при той команде, которая определена для прекращения башкирских замешаний, быть главным командиром". Кирилову предписывалось с ним "иметь коммуникацию и частую корреспонденцию и во всем по его ордерам и наставлениям поступать", а также "сообщить, какие способы находишь ко укрощению оного от башкирцов возмущения, как со своей, так и с его стороны..."²³.

Так совместно с Оренбургской экспедицией стала действовать на Юго-востоке Европейской России Башкирская комиссия, главной задачей которой стало усмирение мятежа. Кирилов со своими проблемами оказался для новой военной администрации Башкирии на заднем плане. Чтобы довести собственные планы до конца и не попасть в полную зависимость от военной ситуации и мензелинской ставки, он должен был держаться в некотором отдалении от них не только в административном отношении, но и чисто географически.

Анализируя события 1734–1735 гг., П.И. Рычков спустя 20 лет пришел к выводу, что его первый начальник изначально допустил просчет, так как недостаточно хорошо представлял географию региона: "Ежели б статскому советнику Кирилову при отправлении его в Оренбургскую экспедицию, известно было, что от города Самары... до самой реки Ори немногим далее того, как и от Уфы, и он бы вместо того, что со всею командою отправился на Уфу, на тех же судах, на коих из Москвы в Казань прибыл, поехал бы прямо Волгою до города Самары.., то

может быть от башкирцев замешательства и в том бы его предприятую такого затруднения, какое было, не последовало." Ситуация в Заволжье на середину 1730-х гг. была самой благоприятной: "... До самого Уральского Сырта подле реки Самары не только путь весьма способный, но и башкирских жилищ ни где б не было; а потом, перешед на Яик, и едучи подле оногo, все башкирские жительства остались бы от него внутри и в таком отдалении, что им тому походу препятствовать бы было невозможно." Рычков при этом менее всего склонен задним числом возлагать вину на Кирилова, ибо "при начатии великих дел всего вдруг предусмотреть не можно"²⁴.

Действительно, Заволжье было краем малознакомым Кирилову и его сотрудникам. Весьма примечательным является признание этого самим начальником Оренбургской экспедиции в строках письма, направленного в Академию наук весной 1735 г. "Один пример дерзну донести: чрез посылку от меня геодезических офицеров *от Казани до Самары, до Яика*, а оттуда Яиком рекою в Сакмары и до Уфы, *все новое явилось* (выделено нами — Ю.С.) О чем, сочиня ландкарту, в кабинет Ея Императорского Величества послал..."²⁵ Прочитанное письмо отправлено Кириловым в академию, когда экспедиция уже выступила из Уфы к устью Ори. Альтернативный заволжский путь показался любопытным только в научном отношении. "Да что ж то стоит, когда... верное известие Россия получит таким местам, коим не могли никто в Европе славные ученые люди подлинного описания достать?" — хотя и вопрошал риторически ученых мужей в том же письме Кирилов, но еще не знал настоящей трагической цены этого незнания.

§ 2. "Живая линия" и первые мероприятия по ее заселению

Ошибка при оценке ситуации в Башкирии и определении главной коммуникации с Яиком стоила Оренбургской экспедиции почти двух потерянных лет и многих людских жизней. Однако ее с опозданием, но еще можно было исправить. И когда в июле 1736 г. Кирилов вновь выступил к Оренбургу, то он постарался обойти внутренние районы Башкирии с севера и юга. При этом главный отряд шел на этот раз от г. Самары под начальством П.С. Бахметева, а другой вместе с самим Кириловым направлялся по р. Белой, чтобы выйти к Яику выше места впадения в него реки Ори, но зато гораздо ближе к самарским вершинам. Таким образом, Кирилов оставил мысль наладить связь с

Оренбургом "через самое сердце Башкирии" и был вынужден положить "начало самарской и яицкой линиям"²⁶.

При этом Кирилов не воспользовался прежней дорогой от г. Самары на р. Яик, которая была давно знакомой и жизненно важной для яицких казаков: "Все оное войско содержание и пропитание, и к службе Ея Императорского Величества надлежащую справу получает от рыбных в реке Яике ловель..., а оттоль прибывши ездят за хлебом в Самару и в Сызрань, яко у них при Яицком городке пашен не бывало"²⁷. Но данный путь был непригоден для коммуникации с заложенным Кириловым городом на р. Оре. Дорога выводила к Яицкому казачьему городку, отстоящему от Оренбурга на очень большом расстоянии. К тому же она шла прямо через открытую степь, и взять ее под полный контроль не представлялось возможным. Удерживать и заселять линию этой дороги как пограничную черту было нельзя из-за отсутствия всяких естественных природных рубежей и укрытий, недостатка водных источников.

Еще во время первого похода к Яику, результатом которого стала закладка в августе 1735 г. Оренбурга, Кирилов обратил внимание на сведения атамана казачьего Сакмарского городка о том, что "река Самара, впадающая в Волгу, вершинами своими в самую близость к реке Яику подошла. По которым рекам рассуждал о построении крепостей и о населении военными людьми, ведая, что чрез то вся Башкирь ограждена быть имеет..., о чем он, Кирилов, и в бытность свою в С.-Петербурге представил и на то позволение получил", — пишет П.И. Рычков, имея в виду поездку Кирилова в столицу зимой 1735–1736 гг. и указ от 11 февраля 1736 г., изданный по его докладу²⁸.

Конкретно об укрепленной линии именно в Заволжье ни в докладе, ни в указе не говорилось. На усмотрение Кирилова передавался сформулированный в самом общем виде вопрос "о строении новых городков для свободного пути к Оренбургу и для содержания башкирской и бухарской сторон в подданстве..."²⁹. Однако П.И. Рычков, хорошо знавший дела Оренбургской экспедиции изнутри, однозначно утверждал, что, представляя свой зимний доклад в Петербурге, Кирилов имел в виду строительство прежде всего линии по р. Самаре и далее вдоль Яика к Оренбургу. В то же время обобщенные формулировки царского указа предоставляли Кирилову широкие возможности маневра. За ним оставалось право воплощать высочайшие поручения в конкретных мероприятиях в зависимости от обстановки.

К сожалению, ни "История" Рычкова, ни сохранившиеся документы практически не содержат дополнительных сведений в деталях разработки новой тактики Оренбургской экспедиции. Редким исключением, а потому крайне интересным, является письмо, которое в апреле 1736 г. Кирилов отправил директору Академии наук Корфу: "А я здесь к приведению в верность всеи Закамской и Заволгской стороны по Яик реку, а паче от Самары города, чрез который будет московская дорога к Оренбургу рекою того же имени, Самарою, чрез Сырт Уральский, отправил двух офицеров геодезии... Для лучших же обсерваций, ко делаются инструменты геодезистам, о тех милости прошу снабдить ими, ибо недостаток того приводит ни во что труд"³⁰.

Очевидно, что включение в состав государства Заволжья и обеспечение безопасности Закамья теперь были признаны первоочередным делом экспедиции. Особенно интересно то, что здесь содержится самое раннее из известных упоминаний о "Московской дороге", намеченной вдоль будущей Самарской укрепленной линии. Дорога и линия прокладывались заново, в сторону от знакомого пути от г. Самары на Яик, потому и требовалась тщательная инструментальная разведка, вызвавшая обращение Кирилова в Академию за приборами. Научные цели в отличие от той посылки геодезистов, что состоялась ровно год назад, отошли на второй план, уступив первенство задачам практической важности.

В мае обострившаяся болезнь заставила Кирилова временно отказаться от личного участия в новых походах. Находясь в Уфе, он детально продумал план передислокации экспедиции в Поволжье, выполнение которого и было возложено на П.С. Бахметева. Также им было "определение учинено ... об утверждении дорог к Оренбургу". 4 июля на имя Кирилова был издан указ монаршем одобрением его действий "и о немедленном основании начатых есче вновь где потребно городков и о умножении их военными людьми"³¹.

По планам Кирилова предполагалось, как уточнил он в донесении от 13 августа, построить, "опричь внутренних в башкирских городов, позади всего их жилья, зачиная от Волги до Сибири от Оренбурга до Аральского моря", 45 крепостей. При этом он обещал: "Старания прилагать буду, дабы действительно оны населить и на Аральском море российский флаг объявить, а работников с государства к работе оных городков требовать буду"³².

Обещание не просить работных людей не было новым. Еще до начала Оренбургской экспедиции Кирилов в своем проекте 1734 года представлял, что ему "для работ с русских городов и уездов, как к линии [Закамской] со многим трудом и убытком высылаютца, работников не надобно." Это обещание было очень существенным. Кирилов не случайно приводил пример новой Закамской линии, которая строилась "немалым казенным коштом все по регуле инженерной". На нее "по вся годы" отправляли "как лопатников, так и плотников конных работников" из числа помещичьих, дворцовых, ясачных крестьян, а также пахотных солдат и прочих старых служб служилых людей³³.

Кирилов подчеркнуто противопоставлял свое предложение прежней практике укрепления границы, связанной с деятельностью Ф.В. Наумова. Последний в начале того же 1736 г. просил для продолжения фортификационных сооружений в Заволжье и Закамье "нарядить уездных работников и мастеровых людей 3000 человек, да 300 подвод и, сверх того, выслать прошлогодского наряда беглых работников, також публиковать, чтоб вольные работники явились, и на дачу б им заработных денег денежная казна, что надлежит, прислана б была вдруг суммою с комиссарами, также и провианта подражено было заблаговременно"³⁴.

На требования Наумова, поддержанные Военной коллегией и дополненные, "чтоб в предбудущее лето, для прикрытия на Закамской линии работных людей, один полк нарядить", последовал указ из Кабинета министров 26 февраля 1736 г.: "...Понеже за тою линиею построен город Оренбург, також по представлению ген.-лейтенанта Румянцова и статского советника Кирилова велено, для удержания от шатостей башкирского народа, внутрь и около их жилищ, в пристойных местах несколько городков построить и оные воинскими людьми населить, тогда оная линия имеет быть уже внутри российских жилищ и для того, по посланному указу к нему, ген.-лейтенанту Румянцову, велено о той линии рассмотреть: оную ль достраивать, или Оренбург и прочие городки, которые вновь будут строиться, офундовать и населить надлежит, и о том в Кабинет... мнение свое сообщить; ежели ж, по мнению его, оную линию достраивать надобно, то велено ему потребное число работных людей в будущее лето нарядить и для закрытия их потребную команду определить, в чем дана ему полная мочь, того ради военной коллегии о том во всем сношение иметь в ним, ген.-лейтенан-

том, и по его представлениям поступать..."³⁵ Таким образом, судьба новой Закамской линии теперь зависела от А.И. Румянцева. Он должен был сравнить и сопоставить ее значимость с предполагававшимися к строительству крепостями на внешних границах Заволжья и Башкирии.

Подготовка ответа на этот вопрос велась Румянцевым одновременно и в тесной связи с разработкой Кириловым новой тактики продвижения на юго-восток. 11 апреля Кабинет Министров получил от "Румянцева доношение, по которому он объявляет свое мнение, чтоб недостроенную Закамскую линию строением оставить". На другой день Кабинет передал "доношение генерала-лейтенанта Румянцева... в Сенат для рассмотрения", а 14 мая получил сообщение о решении Сената по вопросу "о Закамской линии и о поселении в тамошних местах ландмилиции"³⁶.

В докладе Сената признавалась правильность предложения Румянцева как по принципиальному подходу, так и из-за неудовлетворительного состояния дел на линии, которая "от Алексеевска до реки Кичуя строена по нынешний 736 г., к чему ежегодно употребляемо работных и мастеровых людей с запла тою заработных денег по немалому числу, и те работные люди во время строения, прикрыты бывали полками, а в совершении она еще не приведена". К строительству же на участке от Кичуя до реки Ик вообще не приступали, так как Наумов столкнулся здесь с принципиально неразрешимой задачей. Если продолжать строительство по заранее намеченному проекту, "то за тем укреплением многие деревни Казанского уезда останутся, буде же делать прямо от Кичуйского фельдшанца к р. Ику степью, то несколько башкирских деревень в линию войдут и оттого б не было какого препятствия". Таким образом, или за пределами линии без защиты оставались земледельческие поселения, или внутри линии оказывалась часть кочевого населения, что затрудняло охрану линии от их соплеменников. К тому же оказался непродуманным вопрос, "кому будет оно содержать, ибо линия продолжится на немалой дистанции, а ландмилицкие полки и по учиненной линии по крепостям и редутам поселены гораздо редко"³⁷.

Но и уже выстроенный укрепленный участок не выполнял возлагавшихся на него задач: "Преждепостроенная, от Алексеевска даже до реки Кичуя, линия, по объявлению от полковника Бардакевича, которой ныне над ландмилицкими полками имеет команду, вся к защищению неприятеля, от худого строения, немалой надежды не имеет". Когда на Заволжье и Приуралье "в

прошлом лете" вновь начались башкирские набеги, сообщал Румянцев, то через линию "во многих местах сквозь, несколько башкирских пролазов было, которых, за немалою обширностию в поселении крепостей и фельдшанцев, никак удержать невозможно и ландмилицкими полками содержать нелегко, а ежели еще до Ику поселению ландмилицам быть, которые переведутся из нынешних же крепостей, то останутся те преждепостроенные крепости не многолюдны"³⁸.

В начале того же 1736 г. в Сенате "от обретающегося в Казанской провинции у смотрения над подушным сбором подполковника Дмитрия Певцова получены ведомости, из разоренных де башкирцами сел и деревень приходят многие обыватели и объявляют, что села и деревни их от башкирцев выжжены, а люди как мужеск, так и женск пол, многие побиты, а иные ранены и взяты в полон и бежали в башкиры, к воровскому намерению, целые деревни, и отогнано скота, и побито, и взято ж и пожжено хлеба многое число..." По другим известиям из Казанской губернии также выходило, "что в 735 г., в июле и августе месяцах..., воры-башкирцы и татары церкви Божии и многие крестьянские дома и пожитки выжгли, и скот отогнали, и многих крестьян побили до смерти и поранили, и в полях посеянный хлеб, как рожь, так и яровой, от их башкирского нападения не жат, отчего они пришли во всеконечное разорение..." В связи с этим Кабинет рекомендовал Румянцеву освидетельствовать тех, кто разорен башкирами, чтобы снять с них платеж подушных денег³⁹.

Окончательного решения по представлениям Румянцева, касающимся укрепленной границы, высшие органы управления страны тогда не вынесли. Резолюция кабинет-министров на доклад Сената гласила: "По сему сообщению о посылке указа к генерал-лейтенанту Румянцову, чтоб о Закамской линии, — всю ль оную оставить и разорить и где ландмилицию селить, — прислал свое мнение и аккуратный план, Кабинет Ея Императорского Величества с мнением Правительствующего Сената согласны; но чтоб он, генерал-лейтенант, сие исполнил, снесшись со статским советником Кириловым, ибо он, статский советник, о том деле сведом же; однако ж, до присылки того их мнения, оную линию в нужнейших местах надлежит починивать и пристойные караулы содержать"⁴⁰.

Мнения непосредственного руководителя работ на Закамской линии уже не спрашивали. Более того, 27 мая 1736 г. Ф.В. Наумов получил отставку решением Кабинета, утвердившим соот-

ветствующий доклад Сената⁴¹. В официальных документах не называлась одна из причин этого решения, хотя она напрашивается из комплекса предшествующих по времени материалов, отложившихся в делах как Правительствующего Сената, так Кабинета министров. Речь в них идет о конфликтах между тайным советником и другими местными командирами.

Первая группа таких конфликтов была связана со взаимоотношениями городских властей Самары, где пребывала канцелярия строительства новой Закамской линии, с этим учреждением чрезвычайного назначения, их разногласиями и пересечением интересов. Высокопоставленный сановник, каким был Ф.В. Наумов, не считался с нуждами местной администрации, стремясь подчинить ее действия решению своих задач. В 1734 г. Сенату пришлось рассматривать сразу несколько дел, поднятых самарским воеводою майором Обуховым по поводу произвола Наумова и его подчиненных⁴².

Никакого конкретного решения по "самарским" делам Наумова Сенат не вынес, посчитав, видимо, их недостаточно важными. Но вот другая группа конфликтов, связанных с именем того же тайного советника, вызвала более серьезную озабоченность. Скандал на сей раз разгорелся внутри высшего командования ландмилиции. В дальнейшем подобные ситуации среди должностных лиц, управлявших Заволжьем и Приуральем, стали довольно частыми, а эта была одной из первых в их череде.

30 июня 1735 г. в Кабинет было внесено "доношение с закамской линии бригадира Друманта и при нем челобитная майора Бахметева на тайного советника Наумова в презрении указов и в непорядочных поступках". В ходе разбирательства и переписки с Сенатом дело обросло целым рядом документов, в числе которых находились: "1) доношение тайного советника Наумова на майора Бахметева от 1 июля; 2) доношение его ж, Наумова о противностях ландмилиц, от 29 июня; 3) копия с допросу ландмилица Трескина; 4) копия с мнения офицеров тайному советнику Наумову; 5) доношение бригадира Друманта о присылке от Наумова по Бахметева, от 2 июля; 6) доношение майора Бахметева Друмонту на Наумова по первому и третьему пункту 7) данная инструкция капитану Мячкову — о держании Бахметева под крепким караулом". Если не вдаваться в детали жалоб свидетельских показаний, служебных проступков, то вкратце дело состояло в том, что майор Бахметев обвинил своего начальника "в похищении казны", а Наумов предъявил тому встречное обвинение "в научении ландмилиц, отчего против-

ность произошла". Но за внешней стороной этого дела стоял конфликт между двумя главными командирами на новой Закамской линии, Наумовым и бригадиром Друмантом⁴³.

Вместо того, чтобы вникать в содержание взаимных доносов, "по определению Правительствующего Сената, к ландмилицким полкам, в помощь к нему, тайному советнику, для исправления порученных ему дел, на место бригадира Друманта, определен... полковник Бардукеевич, о котором генерал-лейтенант Румянцов доношением объявляет, что оной над теми полками команду имеет". Вслед за отстранением Друманта последовало увольнение и самого Наумова от закамских дел. Оно было официально представлено как временный отпуск для излечения болезней, "понеже... строение Закамской линии и крепостей в нынешнем лете, кроме нужных мест, отложить велено"⁴⁴. Однако из своего отпуска Наумов больше на службу в Заволжье не возвращался.

Одновременная отставка Наумова и Друманта и вызвавший ее скандал укрепляли позицию Румянцева и Кирилова в вопросе о свертывании работ на новой Закамской линии. Канцелярия, руководившая ее строительством, и командование ландмилиции лишились своих самых высоких начальников, а потому уже и не могли ничего противопоставить растущему значению Оренбургской экспедиции в определении не только внешней, но и внутренней политики Империи на юго-восточной окраине. Полковник Бардукеевич не имел ни возможности, учитывая его чин и значение, ни желания противодействовать Румянцеву и Кирилову и оказался целиком под их началом. Как уже говорилось выше, он полностью подтвердил негативные оценки положения дел на линии.

Взяв под свой контроль закамские ландмилицкие полки и укрепления, руководители Башкирской комиссии и Оренбургской экспедиции фактически поставили под свой полный контроль всю местную администрацию в Среднем Поволжье и Приуралье. А.И. Румянцев, кроме командования над войсками в районе башкирского восстания, получил пост казанского губернатора. Кирилов же постарался найти верного человека на должность уфимского воеводы, одну из ключевых в управлении Юго-востоком России, и предложил назначить на это место полковника С.В. Шемякина, командира Пензенского гарнизонного полка, непосредственно подчиненного руководству Оренбургской экспедиции с самого начала ее деятельности.

Бывший курьер Петра I и капитан лейб-гвардии Преображенского полка Шемякин был уволен с гвардейской службы в

1731 г. Вероятно, это было связано с его участием в составлении дворянских конституционных проектов, последовавших вслед за приглашением Анны Ивановны на российский трон. Во всяком случае, вместо должности полковника престижного Бутырского полка, на которую Шемякин претендовал, он получил назначение в далекий от столиц гарнизон. Его последующие просьбы об отставке оставались без удовлетворения. Помощь Кирилова в переводе на место менее тягостное и более выгодное да еще с почетным повышением в чине пришлось как нельзя кстати. У Кирилова же, видимо, за время совместной службы сложилось благоприятное мнение о Шемякине и были расчеты на дальнейшее сотрудничество с ним. Кирилов представил в Кабинет доношение, что Шемякин за старостью лет к военной службе становится негоден, а гражданскую "снести сможет". 16 февраля 1736 г. состоялся указ об определении последнего в Уфу в воеводы с наградением бригадирским рангом⁴⁵.

Судьба новой Закамской линии была предрешена. "Временные" решения Сената и Кабинета по этому вопросу оказались окончательными. Работы на ней не только не получили финансирования и рабочей силы, но и были оставлены без людей, осуществлявших административное и военное руководство. Дальнейшее определение и обустройство завожских рубежей государства шли в соответствии с замыслами Кирилова, поддержанными Румянцевым.

Сам Кирилов по-прежнему видел в укреплении степной границы не главную цель, а предварительный шаг в осуществлении далеко идущих замыслов. В вышеупомянутом донесении от 1 августа 1736 г. он подчеркивал: "Что же до строения городков надлежит, и в том не на одно сие время, но вечный интерес зависит, и слава победоносного оружия вашего величества купно с отворением полезной коммерции во всю полуденную Азию распространится, ибо в самых пустых и доселе неизвестных и заброшенных местах несколько новых провинций под державу вашего величества прибудет с таким подземным плодом, о котором многие еще не верят; и к тому страждущее в басурманских руках христианство (т. е. в Хиве, Бухарах, Балхе, Бодокшане и иных) свободу получит, и впредь туда из крайних русских селений никак заяицким татарам воровскими набегами в полон брать или красть будет нельзя"⁴⁶.

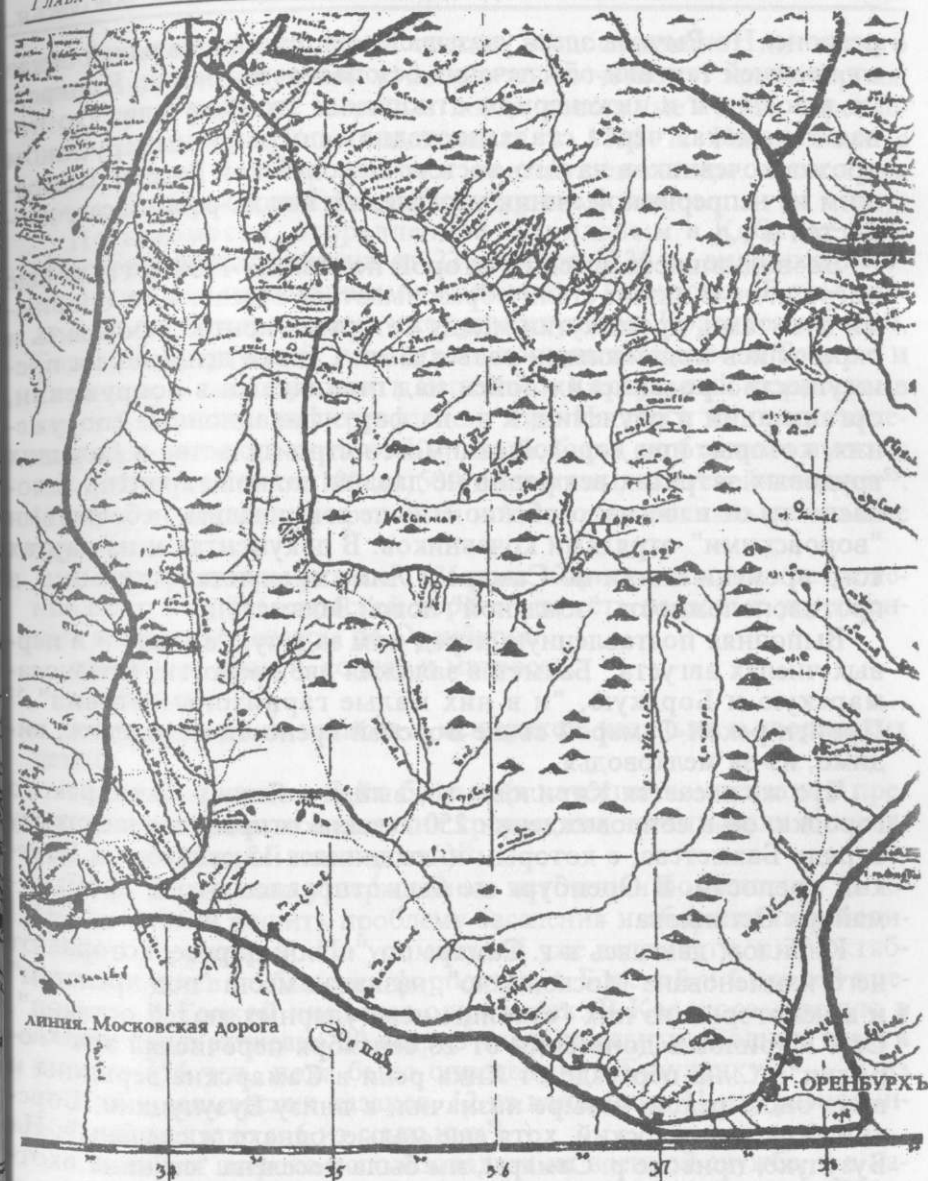
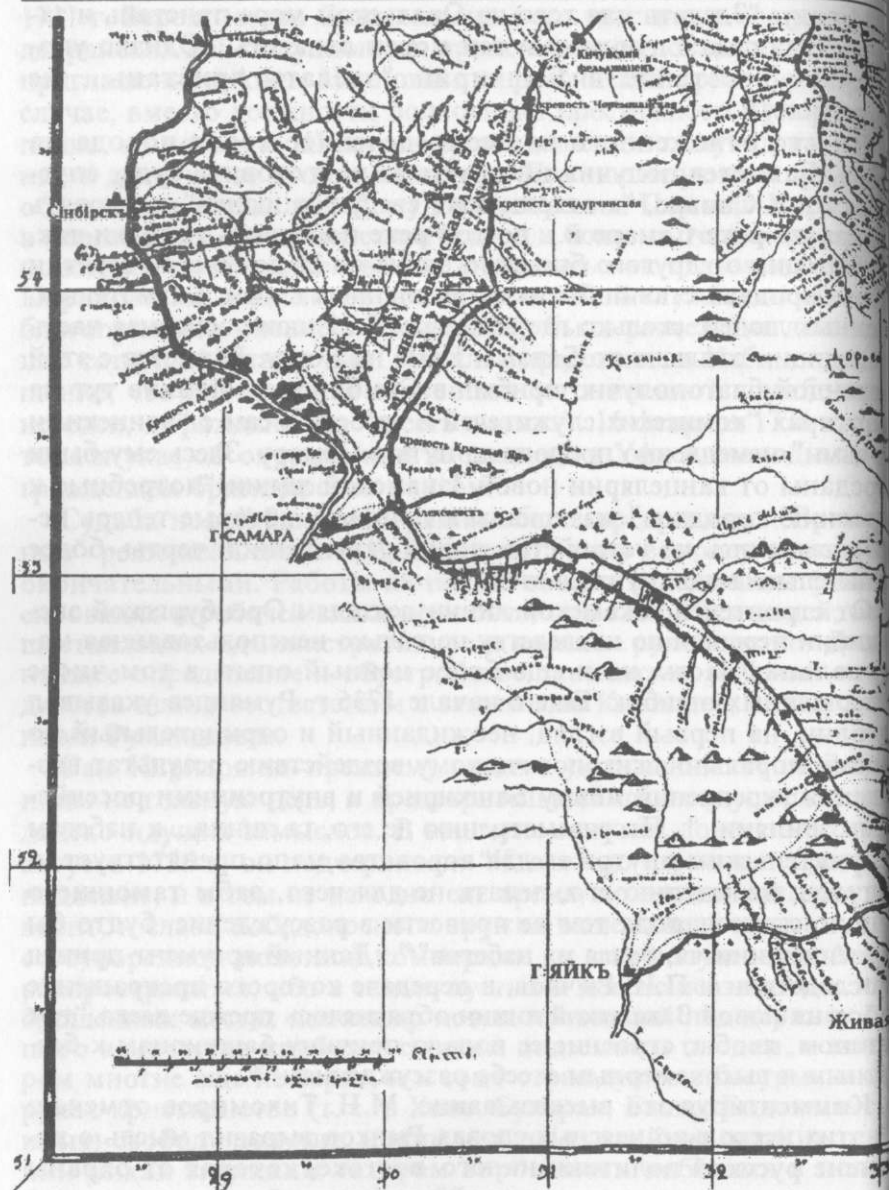
Флотский поручик Бахметев, тесть Кирилова, оказался в составе экспедиции среди прочих корабельных чинов для строительства флотилии на Аральском море, о чем указывалось

1734 году: "Зделать для того на Оральском море пристань и за-
весть туда суда с пушками и тем морем овладеть." Однако упо-
мянутое восстание в Башкирии "зделать пристань... не
допустило"⁴⁷.

Вместо отложенного на неопределенное время похода на
Арал, Бахметев получил инструкцию подготовить суда, спу-
ситься к г. Самаре, "а оттоль, взяв сведущих людей", следовать
"вверх по реке Самаре и... по той реке построить городки так,
чтобы один от другого был расстояния от 20 до 30 и 40 верст, и
в тех городках ставил бы из отправленных с ним, Бахметевым,
военных людей, сколько где возможно." 22 июня основная часть
экспедиции отплыла по Белой и Каме на Волгу. Бахметев с этой
командой благополучно прибыл в Симбирск и, оставив тут на
квартирах "комисских служителей и тягости", сам с "воинскими
людьми" немедленно продолжил путь в Самару. Здесь ему были
переданы от канцелярии новой Закамской линии "потребные к
строению городков" материалы и припасы, которые теперь пе-
ребрасывались на устройство новой укрепленной черты, более
решительно выдвинутой в степь⁴⁸.

От строителей Закамской линии деятелям Оренбургской экс-
педиции перешли по наследству не только неиспользованная ма-
териальная часть, но и еще более ценный опыт, в том числе
совершенных ошибок. Еще в начале 1736 г. Румянцев указывал
на один, на первый взгляд, неожиданный и отрицательный по
своему морально-психологическому воздействию результат воз-
ведения укреплений между Башкирией и внутренними россий-
скими землями: "...По рассмотрению де его, та линия... к набегам
неприятельским внутрь ея для воровства мало препятствует, и
редутов, по мнению его, делать не для чего, дабы тамошнего
башкирского народа тем не привести в разсуждение, будто бы
строение чинится, бояся их набегов"⁴⁹. Данный аргумент принял
впоследствии и П.И. Рычков, в передаче которого прекращение
работ на новой Закамской линии объяснялось прежде всего "тем
резонном, якобы, строение ее подало причину башкирцам к без-
путным и высокомерным о себе разсуждениям"⁵⁰.

Комментируя это высказывание, М.Н. Тихомиров отмечал:
"В этих несколько неясных словах Рычков выразил мысль о пе-
ремене русской политики на юго-востоке, которая от охраны
границ и медленного укрепления и заселения окраин в царство-
вание Анны Ивановны переходит в решительное наступле-
ние..."⁵¹. Суждение известного историка справедливо с точки
зрения оценки изменения стратегической ситуации в заволжском

регионе. Но Рычков здесь указывал и на принципиальный отход от прежней тактики обеспечения безопасности границ. Конкретно в военном и инженерном отношении это означало, что новая Закамская черта стала последним пограничным рубежом против кочевников на юго-востоке Европейской России, состоящим из непрерывной линии укреплений: валов, рвов, засек, крепостей и т.д.

Возводившиеся здесь со второй половины 1730-х гг. новые пограничные линии стали образовываться отдельными опорными пунктами, промежутки между которыми контролировались охранялись подвижными разъездами. Ставка делалась на преимущество российских войск над степняками в вооружении, организации и обучении, а не на фортификационные сооружения, которые при дорогой стоимости строительства и больших трудовых затратах все равно не давали полной гарантии безопасности от набегов, особенно если те совершались небольшими "воровскими" отрядами кочевников. В документах и на картах того времени линии по Самаре и Яику именуются "живыми" противоположность "земляной" новой Закамской.

Выполняя поставленную перед ним задачу, "в июле и в первых числах августа" Бахметев заложил две крепости, Красносамарскую и Борскую, "и в них малые гарнизоны оставил". Пройти рекой Самарой выше Борской крепости не удалось, видимо, из-за мелководья.

Что же касается Кирилова, то, выйдя к Яику у Сакмарского городка, он в сопровождении 250 казаков отправился навстречу отряду Бахметева, с которым и соединился 13 сентября в Борской крепости. В Оренбург же был отправлен отряд премьер-майора Останкова.

Кирилов, двигаясь к г. Самаре по "новой дороге, которая от него наименована Московскою", назначал места "под крепости и в некоторых из них "станции нерегулярных людей оставил". Сам Кирилов в донесении от 26 сентября перечислял эти "городки": "...на переезде от Яика реки в Самарские вершины вниз оною рекою четыре назначил, а внизу Бузулуцкий, Борский, Красносамарский, хотя еще малые, однако ж сделаны". На Бузулуке, притоке р. Самары, им была поселена "станция охотников-казаков, татар и калмык". Это были выходцы с Яика из служилых иноверцев Уфимского уезда⁵³.

Докладывая в сентябре об основании новых городков, населенных "охочими" людьми, Кирилов с удовлетворением указывал: "И тако без всякой помехи и без государственных

работников зачало живой линии воспоследовало; ни одного места нет с недостатком к житью человеческому: земля черная, леса, луга, рыбные, звериные ловли довольные"⁵⁴. Из укреплений, заложенных или намеченных в 1736 г. Кириловым с Бахметевым и построенных в последующие годы, сложились новые Самарская и Яицкая (Оренбургская) линии.

По ведомости, отправленной Кириловым в Кабинет Министров в представлении от 27 октября 1736 г., значатся заложенными или намеченными к закладке 21 крепость. В том числе по реке Самаре, кроме уже существующих Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, намечалось поставить крепости Тоцкую и Сорочью, а также устроить Верхний и Караульный форпосты в верховьях реки и на переволоке в Яик. Из этого же представления видно, что, по мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей-казаков⁵⁵. Именно с заселением крепостей и были связаны самые большие трудности.

По февральским указам 1736 года Кирилов получил разрешение селить на "Московской дороге", то есть на новых укрепленных линиях от Самары до Оренбурга:

отставных драгун, солдат и матросов;

ссыльных;

добровольцев из казаков и мещераков, казачьих и дворянских детей;

скрывающихся на Яике беглых (в качестве компенсации прежним владельцам помещичьих крепостных засчитывали как взятых по рекрутской повинности)⁵⁶.

Эти официально утвержденные источники пополнения жителей не смогли решить проблему заселения и обороны присоединенных территорий. По упомянутой уже ведомости, к 27 октября поселенцев не было на форпостах, в Борской и Сорочей крепостях. В Тоцкой числился один казак. В Красносамарскую в казаки было записано 30 чел. из числа ссыльных. Больше всех, а именно 156 чел., пока было определено в Бузулуцкую — 78 из яицких и сакмарских казаков, 12 из калмыков, 41 из "разночинцев", 19 из татар и 6 из ссыльных⁵⁷.

Ссыльных широко использовали и на военной службе, и в качестве земледельцев или работников. В указе от 11 февраля 1736 г. было установлено "вместо Сибири ссыльных в Оренбург посылать, коих распределять в казаки, на пашню и в шахты, а излишних отсылать по-прежнему на сибирские заводы"⁵⁸.

Столкнувшись с действующей практикой отправки ссыльных в Оренбургскую экспедицию, Кирилов обратил внимание на то, что они из-за перенесенных наказаний часто оказывались негодными ни для охраны границ, ни к мирному труду. Отмечая большой ущерб государству из-за невозможности использовать искалеченных людей на военной службе и в крестьянских занятиях, 27 октября 1736 г. Кирилов обратился в Сенат ради "сбережения простых людей и поселения в новых местах" с докладом "О пытках и публичных наказаниях, а при том и о натуральных смертях и о долговременном держании и о прочем к тому касающемся". Полагая, что чем меньше будет пыток и чем реже будут казни, тем "в народе чювствительнее" будет, он предлагал ссылать преступников на Аральское море и в другие отдаленные места, а смертную казнь применять только в исключительных случаях. Кирилов также считал необходимым отменить пытки, битье кнутом и вырезание ноздрей как для молодых людей от 15 до 25 лет, так и для лиц пожилого возраста, заменяя их "не портящими" (не калечащими и не уродующими) людей наказаниями. Сенат рассмотрел эти предложения 25 ноября 1736 г. и постановил ссыльным, отправляемым в Оренбургскую экспедицию, ноздрей не вырезать, оставив в силе наказания кнутом. Было увеличено денежное содержание ссыльных с одной до двух копеек в день³⁹.

Кроме ссыльных, остальные легальные источники пополнения людьми новых пограничных поселков оказались малодоступными. В связи с этим встала проблема самовольных переселенцев, которых тогда часто называли "сходцами".

Правительство, разрешив поселять в новые городки беглых добровольно вернувшихся с Яика, одновременно дало указание прекратить приток новых беглецов на Яик учреждением застав в ближайших городах, Самаре и Сызрани. В научной и краеведческой литературе, как правило, не ставится под сомнение факт воплощения этих распоряжений в жизнь. Типичным в этом отношении является подход В.Н. Витевского, который на основании текстов указов дает следующие описания развернувшихся событий: "Чтобы пополнить число рабочих и мастеровых в вновь устроенных городах и крепостях Оренбургского края правительство предписало Кирилову «разглашать под рукой» что все вышедшие с Яика беглецы будут записаны на службу в Оренбург. Когда таких охотников набралось много, их разделили на партии и разослали под конвоем, а прежним владельцам были выданы за них зачетные рекрутские квитанции. Вскоре

после того, в Самаре и Сызране были устроены крепкие заставы..., чтобы люди, отправлявшиеся на Яик, возвращались на прежние места жительства сполна". Эта живописная картина к реальному развитию событий никакого отношения не имеет. В источниках нет сведений не только о целых "партиях" отправленных на государеву службу беглых с Яика, но и вообще о попытке сыска там таковых в 1736 г. Единственный раз до указанного времени российские власти провели перепись беглых среди яицких казаков в 1723 г., а затем в 1731 г. установили наличие нескольких десятков новых "сходцев" среди казаков, отправленных в Низовый корпус⁶⁰.

"Об учреждении застав" против беглых от канцелярии Оренбургской экспедиции "предложено было Казанской губернии", поскольку упомянутые выше города значились в составе последней. "...Токмо известно, что таких застав поныне нет", — официально рапортовала об исполнении данного указа несколько лет спустя та же канцелярия, не чувствуя при этом никакой ответственности за превращение его в пустую бумажку⁶¹. Губернские же власти то ли не смогли это поручение осуществить, то ли просто не стали заниматься делом, не им напрямую порученным.

Что же касается администрации самих городов, то от нее не стоило ожидать инициативы в учреждении таких застав. Более того, можно заранее сомневаться в ее рвении при исполнении такого распоряжения, даже если бы оно и было спущено сверху. По той же Сызрани известны случаи, когда беглых крестьян (и монастырских, и дворцовых, и помещичьих), попавших затем как раз в Заволжье и на Яик, укрывал сам воевода или он же высылал их из города, не выдавая переписчикам и сыщикам⁶².

Невыполнение распоряжения о заставах на Волге не было случайностью или плодом бюрократической неразберихи. Фактически на местах поощрялся прием беглых из внутренних губерний страны. Эта практика была не нова, но Кирилов сделал ее настолько широкой и открытой, как никто до него. Размах и безоглядность, с которыми тот повел прием беглых, создали у некоторых позднейших исследователей впечатление, что Кирилов проводил мероприятия, санкционированные верховной властью.

Небольшое по объему исследование Ю.В. Готье намного точнее, чем многотомник В.Н. Витевского, восстанавливает действительный ход заселения пограничных линий. Однако Готье, не доверяя на слово нереализованным указам, тем не менее тоже

исходил из посылки, что все действия Кирилова в отношении "сходцев" тесно увязаны с законодательством. Пытаясь согласовать расхождение законов с реальной ситуацией, но не считая виновником тому самого Кирилова, Готье вынужден был давать излишне вольные толкования распоряжений правительства, так как видел только в верховной власти источник административных мероприятий руководства Оренбургской экспедиции. Такой подход приводил к ошибке в выводах о том, кому принадлежала инициатива набора на службу беглых: "Бывали случаи, когда элементы вольной колонизации... еще накануне гонимые и преследуемые, оказывались нужными для правительства людьми и становились предметом некоторых его попечений и забот... Правительство даже зашло довольно далеко в этом необычном для него направлении..., прием подобных людей в строившиеся крепости был временно допущен именным указом 11 февраля 1736 года"⁶³.

На самом деле ситуация с беглыми обстояла далеко не так, как описывалось в указах и что безосновательно принимал за действительное Витевский. При этом она развивалась вопреки распоряжениям правительства, в чем мог убедиться, но во что не смог поверить Готье. Два важных обстоятельства остались незамеченными, что и сделало построения обоих историков весьма зыбкими.

Во-первых, как уже говорилось выше, правительство в упомянутом указе разрешило поселять в новые городки только беглых с Яика, которых оно все равно было не в силах вернуть. Как бы внимательно ни вчитываться в текст официальных документов, в них нельзя найти ничего подтверждающего бы заключение Готье о том, что "указы 1736 г. разрешали беглецов всякого рода и лиц, не положенных в подушный оклад, верстать в казаки пограничных крепостей Оренбургского края"⁶⁴.

Во-вторых, Кирилов вообще не стал делать среди яицких казаков соответствующего оповещения о наборе на оренбургскую службу пришедших к ним беглых, "при тогдашних обстоятельствах предвидя из сего разные трудности"⁶⁵. Зато соответствующее объявление было сделано во внутренних областях государства, население которых, включая скрывавшихся там беглых, никак не относилось ни к одной из категорий, подлежащих верстанию на новую казачью службу. Именно после этой публикации "милостивых указов" (как их впоследствии в один голос именовали сами беглые), сделанной не в соответствии, а вопреки закону, в Самару потянулись люди для записи в казаки.

Сомнительные рассказы о происхождении в канцелярии Оренбургской экспедиции не подвергались проверке, и многих бывших крестьян, дворовых, посадских писали при приеме на службу "разночинцами". Приток последних фиксируется уже в октябрьской ведомости 1736 года, хотя, строго говоря, никакого позволения набирать "разночинцев" ни в одном указе Кирилову не содержалось. Просто одни, в лице руководства Оренбургской экспедиции, делали вид, что такое разрешение существует, а другие, в лице беглых, считали, что оно прямо относится к ним.

Как свидетельствует Рычков, Кирилов "к поселению ж в новых крепостях принимал охотников, а больше бродящих и объявляющих о себе, что прописные от подушного окладу (т.е. не записаны в число налогоплательщиков — Ю.С.), коих тогда немалое число им, Кириловым, записано и в те крепости с надлежащею ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено"⁶⁶. Обтекаемые определения происхождения новоприсланных казаков, какие даются Рычковым, не должны вводить в заблуждение. Он не мог или не хотел прямо признаться в труде, появившемся в качестве почти официального отчета, а затем предназначенном к открытой публикации для читающей публики середины XVIII в., в том, что его начальство, да и он сам по своей службе в Оренбургской экспедиции занимались противозаконным делом — приемом и укрывательством беглых.

И.И. Неплюев, один из будущих преемников Кирилова и начальников Рычкова, за предшествующие дела не ответственный и к прижизненной авторской славе не стремившийся, в своих "Записках" выражается более откровенно и предельно ясно. По его словам, "казаками" Кирилов назвал и по крепостям расселял именно "беглых крестьян"⁶⁷.

По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, растекался поток вольной народной колонизации. "Каналы" эти были прорыты действительно при содействии и с санкции правительства, но шлюзы для потока беглых открыл по своей инициативе Кирилов.

§ 3. Перевод штаба Оренбургской экспедиции в Самару. Наследие Кирилова

Пополняя людьми саму экспедицию, подведомственные ей войска и поселения, необходимо было позаботиться об обеспечении их продовольствием. В 1736 г. были сделаны публикации, приглашавшие всех желающих взять казенные подрады для по-

ставки в Оренбург провианта обращаться теперь в Самару, а не в Уфу. На приглашение откликнулись торговцы и возчики из ближнего приволжского села Усолья, из недалекого Симбирска и из столичного Санкт-Петербурга, с казачьего Яика.

В Самару же Кирилов вызвал И.И. Рычкова, отца П.И. Рычкова, "для установления и учреждения новой коммерции" и составления таможенного тарифа для азиатской торговли. Однако тот приехал уже после смерти Кирилова, и сам вскоре скончался, не успев закончить этого дела⁶⁸.

Об обоснованности надежд на развитие торговых связей с странами Востока говорило прибытие из Ташкента нескольких купцов с их товарищами, которые летом "в Самару приехали, и исторговавшись в Казани, весны ожидали в Самаре"⁶⁹. Их же предполагалось использовать в качестве проводников для посылки ответного каравана с российскими товарами.

Кроме русских, в городе находились и иностранные купцы, например, англичанин Хогг и индеец Маравий (Маравги) Баранев. С последним связывались надежды на установление не только торговых, но и дипломатических отношений с манящей европейцев страной. Кирилов и его сотрудники не сомневались, что до этой страны не так уж далеко, надо только добраться до Аральского моря, а из него по Амударье и Сырдарье плыть в Индию, благо, были они уверены, по берегам Аральского моря достаточно дубового леса для строительства и ремонта судов, местные жители не знают ни судоходства, ни огнестрельного оружия и ничем помешать русским не могут. Однако из соображений чести послать было некого, а находившийся при экспедиции в качестве живописца англичанин Джон Кэстль от предложения отправиться русским послом в Индию отказался, посчитав предложенное Кириловым через П.И. Рычкова жалованье (800 руб. в год) недостаточным⁷⁰. Но основная причина неудачи с организацией такого посольства состояла не столько в строптивости англичанина, показавшего, отметим, свои дипломатические способности в переговорах с казахами, сколько в том, что насущные дела отодвинули реализацию индийских проектов на неопределенный срок.

До окончательного обустройства Оренбурга, первоначально месторасположение которого оказалось неудачным, Кирилов решает передислоцироваться со своим штабом временно в Самару, но отдает распоряжение о переезде весной 1737 г. в Красную самарскую крепость. Расположение ее Кирилову до того "понравилось, что он определил тут с сей стороны портовому гор-

ду, таможне и едущим в Оренбург купцам первому осмотру быть". Для охраны купцов и хлебопашцев, табунов и стад "от набегов калмыцких и башкирских, разсуждал он, чтоб сверх фортеции около всего имеющегося тут леса (что сочинило б более дватцати верст) палисад сделать, и в потребных местах поставить батареи, пушки и проч"⁷¹.

В Красносамарской крепости начались заготовка леса, возведение жилых, административных и хозяйственных построек для нужд экспедиции. Однако изб было еще мало, и отправленных туда в первую очередь каторжан и ссыльных "содержали в землянках и от того многое число померло". Правда, командиры, поставленные над ссыльными, уверяли, что те умирали "от воли Божей, а не от того, что жили в землянках"⁷².

Позднее В.Н. Татищев высказывал мнение, что "статский советник Кирилов основание своего пребывания положил в Красносамарске... для того, что Самара и Алексеевск не под его ведением"⁷³. Замечание выглядит основательным, хотя сведений о конфликтах Кирилова с самарскими властями у нас нет. Однако имелся негативный опыт Ф.В. Наумова, который первым обратил внимание на выгодное положение Самары в Заволжье и управлял строительством новой Закамской линии из этого города, но имел трения с местной администрацией.

Также на решение Кирилова повлиял расчет на то, что до Красносамарской крепости поддерживался более или менее устойчивый судовой ход по сравнительно мелководной реке Самаре, благодаря чему несколько сокращалась сухопутная дорога до Оренбурга. И в целом привязка новой укрепленной линии к этой реке связывалась с надеждой в дальнейшем отыскать удобной водный путь к Оренбургу.

По настоянию Кирилова, при закупке провианта, нужного экспедиции, в Чебоксарах и Козьмодемьянске подрядчики обязывались к постройке для его перевозки "новоманерных плоскодонных судов по осми и по девети сажень с лубяною крышкою и плотками". На них мука сначала доставлялась по Волге, а затем вверх по р. Самаре до Красносамарской крепости, а при благоприятных условиях еще выше. В качестве рабочих на судах, когда те шли против течения Самары, использовали каторжан, ссыльных и солдат⁷⁴.

Преемник Кирилова на его посту, В.Н. Татищев, признал впоследствии резоны в пользу Красносамарской крепости несущественными или сомнительными. Штаб экспедиции до прочного основания Оренбурга оставался в Самаре.

В Самаре за всеми административными хлопотами Кирилов не оставлял научных занятий. Еще на рубеже 1720–30-х гг. он собрал большой материал и задумал на его основе “Экстракт к пользе российской истории древней”. Однако ему не удалось “з многодельством” осуществить свой замысел до отъезда в Оренбургскую экспедицию. Поэтому он выхлопотал у обер-прокурора Сената А.С. Маслова разрешение взять с собой из сенатского архива необходимые для завершения работы рукописи и книги. В экспедиции Кирилов продолжал трудиться над этим и другими сочинениями, собирал новые документы. Он неоднократно обращался в Академию с просьбами о печатании его карт, присылки в экспедицию журналов, учебных пособий, необходимых специалистов. Исследователи научного творчества Кирилова подчеркивают: “Вместе с тем он и сам не забывал время от времени сообщать в Академию о своих достижениях в области предпринятых им в экспедиции работ по изучению природных, экономических и бытовых условий края и присылать собранные гербарии и коллекции минералов”⁷⁵. Академия наук снабжала Кирилова в Самаре необходимыми книгами и инструментами. Крупнейший специалист тогдашней России в области топографо-картографических работ Кирилов и во время Оренбургской экспедиции занимался составлением географических карт.

Именно в Самаре при разборе бумаг Кирилова была обнаружена рукопись его ставшего знаменитым труда “Цветущее состояние Всероссийского Государства”, которую отправили в Академию наук вместе с другими сочинениями и записками автора. О продолжавшейся до последних дней работе над текстом “Цветущего состояния” свидетельствуют вставки в рукописи в местах, изученных в ходе Оренбургской экспедиции, например, о г. Самаре, которые делали сам Кирилов и его сотрудники (последние — даже после смерти автора)⁷⁶.

Особенно заразил пример Кирилова и приохотил к научным занятиям историей, географией, статистикой молодого бухгалтера экспедиции П.И. Рычкова. Это происходило не в ущерб основным служебным обязанностям последнего. В сенатском указе от 14 октября с похвалой отмечалось: “от бывшего статского советника Кирилова о всех приходах и расходах с начала той комиссии и по нынешней 1737 год щеты в ревизион-коллегию отосланы и из оных краткие экстракты в кабинет сообщены, которые сочинены по бухгалтерскому обыкновению...”⁷⁷.

Условия жизни и работы в Самаре были сложными, быт не совсем обустроенным, хотя современники не сходятся здесь во

мнении. Двор, на котором обосновался Кирилов, "был весьма худ.., для стужи жить было невозможно.., а в канцелярии прежней уместитца было невозможно...", — заявлял В.Н. Татищев. Ему возражал А.И. Тевкелев: "В Самаре в доме, в котором жил статский советник Кирилов, покоев было довольно .., а хоромы были теплые, а не холодные." Двор Кирилова в Самаре имел 5 "покоев" — жилых комнат. "Из них в 4 покоях обито холстом и выбелено". К ним примыкали или стояли поблизости "людских 2 избы, трои сеней, в одних очаг, 2 погреба ветхие, конюшня небольшой, сарай небольшой ветхой"⁷⁸.

Многие канцелярские дела при Кирилове велись в его покоях, где он решал важнейшие из них, не выходя из-за болезни и накладывая резолюции прямо на подлинные письма вместо оформления протоколов, так как ни протоколиста, ни регистратора у него в штате не было. Но дело было, пожалуй, не только в болезни и в походном состоянии штаба экспедиции. Уйдя от бумажных дел при Сенате с головой в практическую работу по освоению дальней окраины державы, Кирилов особенно возненавидел бюрократические порядки, о чем жаловался Бирону: "Навешают отсюда указами, и такими, что жаль листа бумаги на ответы терять, только у меня времени удерживают; хотя бы дали мало основаться и к порядку привести, тогда мог бы на пустые требования пустые и ответы на гуляньи писать"⁷⁹.

Присутствующие руководители экспедиции, секретари и подьячие занимали две людские избы на дворе Кирилова. Те приказные служители, которым не хватало там места, размещались "по разным обывательским избам", что не способствовало соблюдению порядка делопроизводства и "было не без утеснения", хотя неудобства от тесноты ощущали далеко не все канцелярские служители, так как дела экспедиции были пока "новозачатые без умножения"⁸⁰.

Переезд в Самару облегчил связи с центральными губерниями и столицами. Во время пребывания Оренбургской экспедиции в Уфе пришлось организовывать собственную почтовую службу до Казани, "но когда комиссия в Самару переведена, то такого учреждения вновь не зделано", а стали посылаться "куриеры до тех мест", где имелись почтовые станции⁸¹.

В начале 1737 г. край, находившийся в ведении Оренбургской экспедиции, казался достаточно укрепленным и более безопасным от башкирских и калмыцких нападений, чем до того времени. В ответ на предупреждение о набеге казахов на приволжские русские селения и зимовья верных калмыков Оренбургская ко-

миссия в феврале 1737 г. рапортовала: "Что же касается до предосторожности от киргис-кайсаков, она всегда имеется, и командинды не только к тому инструктированы, но и частыми ордерами и указами подтверждено и всегда подтверждается"⁸².

Кирилов начал снова готовиться к походу в Оренбург и хлопотать о снаряжении в Ташкент "для основания азиатской компании" первого торгового каравана. С последним под видом купца должен был отправиться английский морской капитан Эльтон, находившийся в составе экспедиции официально в качестве астронома "для математических обсерваций". Ему поручалась разведка "о всех бы тамошних обстоятельствах", а особенно о так занимавшей Кирилова возможности судоходства по Аральскому морю и среднеазиатским рекам. 23 марта он вновь призывает к себе Дж. Кэстля, чтобы снова попытаться уговорить его на путешествие в Индию⁸³.

Мысленно Кирилов уже видел новые русские поселения в заволожских, оренбургских и казахских степях построенными. 27 февраля 1737 г. в Кабинете среди доношений по разным делам была получена от него просьба о присылке судов, книг и колоколов "в построенные городки на двадцать церквей"⁸⁴.

Смерть расстроила все эти планы. 14 апреля 1737 г. Кирилов скончался и 16 апреля был погребен в самарской церкви Николая Чудотворца.

10 мая 1737 г. состоялся указ о назначении на место умершего Кирилова В.Н. Татищева. Однако Татищев не мог прибыть в экспедицию немедленно, не приведя в порядок свои дела на Урале. В том же указе говорилось "о оставлении ему прежде отъезда своего Сибирских заводов в добром и порядочном состоянии и о снабдении оставших тамо подчиненных его довольными ему наставлениями"⁸⁵.

Временно экспедиция утратила единое управление: "По смерти Кирилова начальство над Оренбургскою Экспедицией, переименованной в Оренбургскую комиссию, было разделено между генерал-майором Соймоновым, Тевкелевым и Бахметевым..."⁸⁶ Из вышеназванных только Л.Я. Соймонов являлся здесь человеком новым и прежде с Кириловым не связанным. Появление его здесь было связано с кадровыми перестановками, происходившими во второй половине 1736 — начале 1737 гг.

В августе 1736 г. комендант прикаспийской крепости Святого Креста бригадир Соймонов был назначен астраханским вице-губернатором с поручением ему калмыцких дел и производством в генерал-майоры. Осенью того же года майор лейб-

гвардии Семеновского полка Ф.С. Хрущов в чине бригадира заменил А.И. Румянцева на посту начальника Башкирской комиссии. Но уже 21 февраля 1737 г. он сам вслед за Румянцевым отбыл к армии, воевавшей против турок на Украине, сдав команду полковнику Бардукеевичу как "старшему" из штаб-офицеров закамских ландмилицких полков. Тот временно заведовал башкирскими делами до назначения к ним Соймонова, который прибыл в ставку Башкирской комиссии в Мензелинске 24 апреля 1737 г.

Предполагалось, что Соймонов командирится к башкирским делам "токмо на время, покамест другой на перемену ему, Соймонову, пришлется. А в Астрахани между тем велено оному управлению поручить бригадиру и обер-коменданту Юнгеру"⁸⁷. Однако ему пришлось пробыть в Башкирии и Заволжье почти пять лет. Генерал, впрочем, сосредоточился на руководстве военными действиями против башкирских повстанцев, собственно в оренбургские дела практически не вмешивался, оставив их в ведении ближайших сотрудников покойного руководителя экспедиции.

Еще 31 января 1737 г. Кирилов, почувствовав ухудшение здоровья, передал П.С. Бахметеву, который незадолго перед тем по представлению Кирилова был произведен в подполковники, и секунд-майору Останкову хозяйственные дела по заготовке провианта, по заселению вновь построенных крепостей, по строительству флотилии на Аральском море и по добыче руд. "Дела поважнее или к их решению сумнительные дела", как говорилось в распоряжении, должны были решаться и подписываться "с общего согласия" с ним, Кириловым⁸⁸.

При таком положении вещей самым естественным было продолжение со стороны помощников Кирилова реализации планов, сформулированных прежним начальником, без их серьезной ревизии. Эти планы были им хорошо известны, и они были давно в курсе всех дел экспедиции.

Самый серьезный интерес к дальнейшим разработкам идей и мероприятий Кирилова проявляло правительство. Показателем тому стало распоряжение временным руководителям экспедиции "о разобраннии сво писем, и которые до тамошней экспедиции касаются или новые проекты, которые есче в действо не произведены отобрать и, описав, держать особо по описи..." В ответ было послано "доношение подполковника Бахметева о комисских учреждениях, какие при Кирилове начаты были, а в действо не произведены"⁸⁹. Правда, к разбору бумаг умершего так

и не приступили до приезда Татищева, а последний к политическому и административному наследию Кирилова относился без особого почтения.

Дела по канцелярии экспедиции, согласно указу Кабинета от 7 мая, принял подполковник Бахметев, Тевкелев же, второй по значению после начальника человек в экспедиции, находился в отлучке и "тогда еще был на Сибирской дороге"⁹⁰.

Первой заботой Бахметева стало снаряжение провиантского обоза в Оренбург. Подрядчиком явился яицкий казак Ларшин, который и в предыдущий год брался за поставки провианта в крепости Самарской линии. Обоз сопровождал конвой из 50 солдат с пушкой под командой прапорщика Шатрова. Другие находившиеся в ведении Оренбургской экспедиции подразделения Пензенского полка и Уфимский батальон, "которые в Самаре без всякого дела пребывают", получили приказ "выступить в Красный Самарск, где казенных работ довольно, немедленно для участия в строительстве, присмотра за казаками и ссыльными, а также для демонстрации своим движением военной активности на Самарской линии, "от чего следует страх ворами бунтующим". Ведение крепостных работ было поручено инженер-капитану Ростиславскому, в помощники к которому определялся поручик Спиридов. "А геодезисты вместо кондукторов при нем имеюцца, — добавлял Бахметев, — которых определять ему к работам и к делам и для осмотра крепостей посылать"⁹¹.

Воинские команды должны были также сопровождать суда с провиантом, предназначенные к отправке из Красносамарской и другие крепости по рекам Самаре и Яику. Поскольку в предыдущем году не удалось выявить возможную дальность судового хода по Самаре и наличие с нее переволоки на Яик, то работы по изучению водного пути и отправке судов были теперь поручены. Команде, отправленной из Бузулука, велено было идти на судах до Тоцкой крепости или выше, как смогут, а дальше путь должен пройден на легких лодках. К этой команде под начало боцмана Полева придавалось до 50 чел. бузулуцких борских и тоцких казаков.

Кроме вышеуказанной команды, для поиска водного пути командировался геодезист с конвоем из ста самарских и алексеевских казаков, которых придали в помощь Оренбургской экспедиции. Он должен был измерить расстояние до переволоки и до Яика, а также, по наставлению от Ростиславского, захватить Тоцкую и указать казакам место под устройство крепости и жилья.

Бахметев предписал отправить всех служителей экспедиции в Красносамарскую водою, а желающим разрешил за свой счет переезжать на подводах. Канцелярия экспедиции временно оставалась в Самаре до прибытия Тевкелева. Последний, узнав о смерти Кирилова, возвратился в Самару 31 мая, где 17 июня был получен на его имя указ с известием о поручении Татищеву Оренбургской комиссии, а башкирских дел — Соймонову. Тевкелев фактически стал военным командиром тех сил, что были приданы комиссии. Он вместе с Бахметевым продолжил перевод штата комиссии в Красносамарскую крепость, "куда и сами они на житье переехали". Все служители комиссии "были туда переведены, и по назначенному плану строение домов сильною рукою было начато"⁹².

Летом "ходил он, Бахметев, с командою и застроил по Оренбургской дороге крепосцы вверх по реке Самаре Тоцкой, Сорочей, по Яику Караульной ... да Берцкой."⁹³ Из похода Бахметев в сентябре вернулся в Самару, где уже находился присланный на место Кирилова Татищев.

Застройка новых крепостей, заселение уже основанных продолжались на тех же основаниях, что и при Кирилове. Согласно рапорту руководства Оренбургской экспедиции, только за период с 24 марта по 1 июня на Самарскую и Яицкую линии прибыло и было поселено всего 473 "разночинца", 204 ссыльных и 9 мордовских крестьян. Прибывавшие в течение осени, зимы и весны новые казаки временно оставались большей частью в Самаре и переводились в крепости уже в течение лета⁹⁴.

По данным того же рапорта, на 1 июня 1737 г. в крепости по р. Самаре уже был определен полный комплект поселенцев-казаков (см. табл. 1). А именно по 200 человек были записаны в Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочью крепости и 300 человек — в Бузулуцкую. Кроме того за р. Самарой в степи была основана Мочинская казачья слобода, куда зачислили на жительство 86 человек.

Подавляющее число поселенцев составили так называемые "разночинцы", под именем которых подразумеваются прежде всего русские гулящие и беглые люди. Вольные переселенцы из низших сословий, в основном бывшие крестьяне, составляли почти три четверти новоприборных казаков, а с учетом принудительно переведенных ссыльных доля представителей этих общественных слоев в крепостях и слободах Самарской линии превысила 85%⁹⁵.

В эти края вольные переселенцы часто попадали сложными и длинными путями. Им приходилось по несколько раз менять места жительства, переходить во все более отдаленные селения. Гаврила Судаков, родом из монастырских крестьян села Спаского Алатырского уезда, после смерти отца "сошел ис того села в Симбирский уезд, в дворцовое село Воскресенское и жил 27 лет, а ис того села сошел в Бузулукскую крепость и в оной крепости определен... статским советником Кириловым в пахотные казаки..." Никита Токарев, сын марийского новокрещеного ясачного крестьянина села Елатмы Казанского уезда, сначала перебрался в "солдатское село Сенгилейку" Симбирского уезда, потом "сошел на Волгу и ходил на стругах бурлаком пять лет" а уж затем явился в Самару, где был "допрашиван и по допросу определен статским советником Кириловым в Тоцкую крепость в жалованные казаки"⁹⁶.

В официальных же рапортах Оренбургской экспедиции ничего не говорится о приеме на службу добровольцев крестьянского происхождения. Это еще раз подтверждает наш вывод о реальном содержании термина "разночинец", который в трактовке руководства комиссии маскировал прием беглых.

Схожая ситуация наблюдалась по всей Московской дороге. В три форпоста (Верхний, Караульный, Крылов) были назначены на поселение практически только "разночинцы" и ссыльные. На их долю здесь выпадало до 94% казаков.

Эти форпосты, которые должны были соединить цепочки крепостей по Самаре и Яику, так и не были построены. Вызывалось предположение, что под этими названиями подразумеваются соответственно будущие Переволоцкая на Самаре, Татищева и Чернореченская крепости на Яике. Но такое предположение осталось недоказанным⁹⁷. Речь идет лишь о возможной географической близости мест, выбранных Кириловым под эти городки, с расположением основанных позже крепостей. Данные по указанным форпостам в табл. 1 вынесены отдельно, так как предназначавшиеся к их заселению люди оказались впоследствии как на Самарской, так и на Яицкой дистанциях.

В остальных крепостях выше по Яику и в Илецкой слободе "разночинцы", ссыльные и государственные крестьяне составляли в сумме чуть менее 60%. Однако с учетом "шатающихся" с низовьев Яика, то есть в основном тех же беглых, которые не смогли или не захотели остаться на территории вольного казачества и предпочли государеву службу, на долю выходцев из низших сословий приходилось три четверти поселенцев Орен-

бурга с ближайшими к нему крепостями. Всего же на Московско-кой дороге четверо из каждых пяти новоприбранных казаков были представителями именно этих общественных слоев.

Нетрудно заметить, что доля "разночинцев", а значит и скрывавшихся под этим именем беглых, была особенно велика среди казаков Самарской дистанции. На ней в шести уже существующих поселениях обосновалась половина всех казаков, обогнавших именно так свое происхождение (832 человека из 1689). С учетом перераспределения людей, первоначально назначенных в незастроенные форпосты, этих лиц в крепостях по Самаре было на самом деле еще больше. Государственные крестьяне из мордвы, записавшиеся в казаки, также в большинстве оседали на Самарской дистанции.

Настоящие потомственные казаки и другие служилые русские люди находились среди переселявшихся на Московскую дорогу в меньшинстве, хотя и в заметном количестве. Их доля составляла 11,5% среди поселенцев на Самарской линии, 6,4% — в форпостах, 19,5% — на Оренбургской линии, а всего 14,4%. Но отмечалось, что "довольное число из яицких казаков определено в новые крепости атаманами и старшинами..."

При отправлении Кирилова в Оренбургскую экспедицию ему обещали передать в команду половину уфимских и мензелинских казаков. Однако в обязательном порядке в распоряжение экспедиции "из казаков ничего не переведено, и хотя они в первом походе (1735 года — Ю.С.) были, токмо отпущены обратно в дома"⁹⁸. Все природные казаки, оказавшиеся на новой пограничной линии, были добровольными переселенцами.

На Самарской линии потомственные казаки были почти все из Яицкого войска (119 человек из 121). В ближних к Оренбургу крепостях преобладали, наоборот, уфимские служилые казаки, которых было больше, чем яицких (174 человека против 96). Все служилые городовые люди, записавшиеся в крепости Московско-кой дороги, осели на Самарской дистанции.

Не очень значительной выглядит доля выходцев из служилого нерусского населения. Украинские казаки — "черкасы" осели в большинстве на Илеке, составляли в итоге только 2% всех переселенцев, а калмыки, татары, ногайцы, "арапы" — 1,4%. На Самарской линии доля этих иноверцев, мусульман и буддистов, была чуть больше, а именно 3%; украинцев же здесь пока что не было. Интересен сам факт участия в освоении Заволжья с самого начала многонационального населения при преобладании русских.

Таблица 1.

Численность и состав казаков, определенных в крепости и слободы по Московской дороге из Самары в Оренбург (по данным на 1 июня 1737 г.) *

По отдельным территориям

Происхождение переселенцев-казаков	В крепостях по р.Самаре и слободе на р.Моче	В % от всех казаков на этой территории	В предполагаемых от верховьев р.Самары к Яику форпостах	В % от всех казаков на этой территории	В крепостях по р.Яику и слободе на р.Илеке	В % от всех казаков на этой территории	Всего по Московской дороге	В % от всех казаков на этой территории
Из казаков и городских служилых людей	136	11.5%	30	6.4%	270	19.5%	436	14.3%
в % к казакам данного происхождения	31.19%		6.88%		61.93%		100%	
Из калмыков, арапов, уфимских татар и ногайцев	35	3.0%			8	0.6%	43	1.4%
в % к казакам данного происхождения	81.40%				18.60%		100%	
Из мордвы	26	2.2%			12	0.9%	38	1.3%
в % к казакам данного происхождения	68.42%				31.58%		100%	
Из разночинцев	832	70.2%	260	55.2%	597	43.2%	1689	55.6%
в % к казакам данного происхождения	49.26%		15.39%		35.35%		100%	
Из ссыльных	157	13.2%	181	38.4%	210	15.2%	548	18.0%
в % к казакам данного происхождения	28.65%		33.03%		38.32%		100%	
Из шатающихся с Яика					226	16.3%	226	7.4%
в % к казакам данного происхождения					60	100%	60	100%
Из черкас						4.3%		2.0%
в % к казакам данного происхождения					100%		100%	
Всего	1186	100%	471	100%	1383	100%	3040	100%
в % ко всем казакам	39.01%		15.49%		45.49%		100%	

*) Источник: ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.75об.-76.

Хотя все приведенные выше сведения были собраны после смерти Кирилова, но они подводят итоги деятельности именно его администрации по освоению Заволжья. Рычков подчеркивал, что организатор Оренбургской экспедиции "первое действительное основание положил" тем укрепленным линиям, которыми значительные территории были "от степных народов прикриты"⁹⁹.

По словам того же Рычкова, Кирилов, хотя "разные человеческие недостатки и пороки имел... и тем разные на себя нарекания навлек, но сию правду поистине надлежит ему отдать, что он о пользе государственной, сколько знать мог, прилежно имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственный паче своего". Семья осталась только долги умершего да казенный начет в 290 руб., из-за которого вдову чуть было не лишили жалованья причитавшегося мужу. Благо, помог получить это жалованье отец, П.С. Бахметев, исполнявший обязанности главы экспедиции до прибытия Татищева в Самару. Правда, затем эта родственная услуга доставила Бахметеву немало неприятностей от нового начальника¹⁰⁰.

По-настоящему заслуги Кирилова были осознаны властями и признаны только четверть века спустя. В 1761 г. П.И. Шувалов вошел с представлением в Сенат: "Чтоб побудить человека употребить все свои силы на службу отечеству — необходимо уверить его в вознаграждении: заслуга является причиною воздаяния, а воздаяние служит полным поощрением к предприятиям, опасным для того, кто на них отваживается, но полезным для его государя и отечества, и, видится, заслуга с воздаянием так сопряжена, как душа с телом. Доверие, которое оказываем нам наша государыня, обязывает нас ходатайствовать за людьми, которые отваживались на предприятия, оказавшиеся чрезвычайно полезными для отечества. Семейство Ивана Кирилова находится в крайней бедности и, можно сказать, остается без пропитания, а Кирилов оказал отечеству знатную услугу: доказательством служат те плоды, которые получают от Оренбурга и его губерний..., а на виновнике этого богатства Кирилове до сих пор числится долгу 7591 рубль, и этот долг надобно взыскать с сына его обер-аудитора Военной коллегии". Сенат решил просить императрицу о пожаловании Кирилову-младшему 10000 рублей с зачетом в то число долгов его отца¹⁰¹.

Но прежде чем заслуги Кирилова станут общепризнанными Татищев в 1742 г. бросит тяжелые и резкие слова в адрес своего

предшественника и всей Оренбургской экспедиции, "которую, как видно, по обману Тевкелева и Кирилова... начали, ...оное вымышлено более для собственной, нежели казенной пользы"¹⁰². Эти оценки, появившиеся в частном письме, он повторил и в подготовленном для печати "Лексиконе российском": "...Сенатской секретарь Кирилов, от беспутных предприятий впадший в великие долги и не зная чем отплатиться, по совету с переводчиком Тевкелевым для того ж искания золота с башкирскую сторону представили и по определению начали, но и те, с великим вредом производя, обман тот узнали"¹⁰³.

Не раз Татищев давал негативную оценку Кирилову как администратору. Частично такая оценка находит отражение и в современной историографии, например у А.Г. Кузьмина, хотя последний все же ставит Кирилова в ряд тех, кто "был сознательным борцом за процветание России"¹⁰⁴. В большинстве исследований преобладают положительные оценки действий Кирилова в Оренбургской экспедиции, если, конечно, не учитывать советскую историографию башкирских восстаний, которая отрицательно характеризует всех участников их усмирения. Чтобы понять причину высказанных Татищевым обвинений, надо обратиться не только и не столько к деятельности Кирилова, сколько к обстоятельствам, связанным с пребыванием во главе Оренбургской комиссии самого Татищева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории России. Т.1. Оренбург, 1900. С. 1-39; ПСЗ. Т. IX. № 6571, 6576, 6584; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л.1-2.

² ОР РНБ. Ф. 571 Перовские. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 и об.

³ Hanway Y. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. L., 1754. Vol.1. P. 238.

⁴ Сборник РИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 25, 34; Т. 130. Юрьев, 1909. С. 176.

⁵ Сборник РИО. Т. 104. С. 144, 148.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907. С. 39-42; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 456. Л. 363-370; Д. 462. Л. 752-753 об.; Д. 487. Л. 83-95.

⁷ Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. С. 63.

⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп.1. Д. 611. Л. 171, 174 об.; Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 3758. Л. 12 об.-13, 21 и об., 24-28.

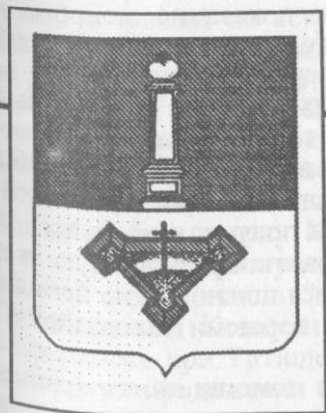
⁹ Сборник РИО. Т. 104. С. 151.

¹⁰ Сборник РИО. Т. 104. С. 202-204; ПСЗ. Т. VIII. № 5993.

- ¹¹ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2358. Л. 2–4; Сборник РИО. Т. 104. С. 419.
- ¹² Сборник РИО. Т. 130. С. 176, 188.
- ¹³ Сборник РИО. Т. 104. С. 302–304.
- ¹⁴ Сборник РИО. Т. 106. Юрьев, 1899. С. 390; Т. 104. С. 480.
- ¹⁵ Материалы по истории России. Т. 1. С. 9.
- ¹⁶ Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13. С. 17; Материалы по истории России. Т. 1. С. 99.
- ¹⁷ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889. С. 141.
- ¹⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. С. 497.
- ¹⁹ Сборник РИО. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 334.
- ²⁰ Русская Беседа. 1860. № 2. Кн. 20. Науки. С. 200–201.
- ²¹ Русская беседа. 1860. № 2. Кн. 20. Науки. С. 201–202.
- ²² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 12 об.; Сборник РИО. Т. 111. С. 334.
- ²³ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 18–19; Сборник РИО. Т. 111. С. 301–330.
- ²⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 319.
- ²⁵ Материалы для истории Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 706.
- ²⁶ Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861. С. 183.
- ²⁷ Рычков П.И. Топография. С. 298.
- ²⁸ ПСЗ. Т. IX. № 6890; Рычков П.И. История. С. 23.
- ²⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об.
- ³⁰ Материалы для истории Академии наук. Т. 3. СПб., 1886. С. 61.
- ³¹ Сборник РИО. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 287; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18 об.–19.
- ³² Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. X. С. 582.
- ³³ Материалы по истории России. Т. 1. С. 21; Рычков П.И. Топография. С. 312; Сборник РИО. Т. 130. С. 188.
- ³⁴ Сборник РИО. Т. 114. С. 210.
- ³⁵ Сборник РИО. Т. 114. С. 94.
- ³⁶ Сборник РИО. Т. 114. С. 163, 165, 206.
- ³⁷ Сборник РИО. Т. 114. С. 209–210.
- ³⁸ Сборник РИО. Т. 114. С. 210–211.
- ³⁹ Сборник РИО. Т. 114. С. 138–139.
- ⁴⁰ Сборник РИО. Т. 114. С. 212.
- ⁴¹ Сборник РИО. Т. 114. С. 239–240.
- ⁴² Смирнов Ю.Н. Уездные, городские и временные органы управления в Самаре начала и середины XVIII в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995. С. 5–7.
- ⁴³ Сборник РИО. Т. 111. С. 239, 269, 286.
- ⁴⁴ Сборник РИО. Т. 114. С. 239.
- ⁴⁵ Сборник РИО. Т. 104. С. 37–38, 87; Т. 111. С. 411; Т. 114. С. 55, 80.
- ⁴⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 582.

- 47 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- 48 Рычков П.И. История. С. 25.
- 49 Сборник РИО. Т. 114. С. 210.
- 50 Рычков П.И. Топография. С. 312.
- 51 Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. Самара, 1994. С. 86.
- 52 Рычков П.И. История. С. 25.
- 53 Рычков П.И. История. С. 26; Материалы по истории. Т. I. С. 268;
- Рычков П.И. Топография. С. 323.
- 54 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 582.
- 55 Рычков П.И. История. С. 27.
- 56 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об., 16, 18.
- 57 Рычков П.И. История. С. 27.
- 58 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
- 59 Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов (географ XVIII века). М.; Л., 1964. С. 114-115.
- 60 Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 239-240.
- 61 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18 об.
- 62 Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 17-18.
- 63 Готье Ю.В. Указ соч. С. 4-5.
- 64 Готье Ю.В. Указ. соч. С. 20.
- 65 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.
- 66 Рычков П.И. История. С. 28.
- 67 Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693-1773). СПб., 1893. С. 135.
- 68 Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 11. С. 296-297.
- 69 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 317. Л. 415 об.; Рычков П.И. История. С. 28.
- 70 Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 135, 138.
- 71 Рычков П.И. Топография. С. 320.
- 72 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 31 об., 38 об.
- 73 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 30 об.
- 74 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 26 об.; Д. 316. Л. 1 и об., 17.
- 75 Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов. С. 84.
- 76 Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 16, 28, 30, 233.
- 77 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 19 об.
- 78 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 32, 34, 39.
- 79 Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 583.
- 80 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 39 об.-40.
- 81 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.
- 82 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.
- 83 Castl J. Journal // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730-1741. Riga, 1784. S. 102.
- 84 Сборник РИО. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 117.

- ⁸⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2; Д. 9. Л. 25.
⁸⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 153.
⁸⁷ Сборник РИО. Т. 117. С. 54.
⁸⁸ Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов. С. 128.
⁸⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 об., 30 об.
⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 186; Рычков П.И. История. С. 29.
⁹¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 66 об.-67.
⁹² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 33; Д. 9. Л. 23 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 425-426 об., 471-477; Рычков П.И. История. С. 29. Его же. Топография. С. 320.
⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 186.
⁹⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об.-76; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 41 об.
⁹⁵ Смирнов Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 58.
⁹⁶ Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1992. С. 49.
⁹⁷ Рычков П.И. История. С. 27.
⁹⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.
⁹⁹ Рычков П.И. История. С. 29.
¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 186-187.
¹⁰¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. XII. С. 551-552.
¹⁰² Пекарский П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 38.
¹⁰³ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 253.
¹⁰⁴ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 259.

Глава 2. ЗАВОЛЖСКИЕ ДЕЛА И “ДЕЛО” ТАТИЩЕВА

§ 1. Наместник юго-восточных окраин России

Ни один из руководителей Оренбургской экспедиции и комиссии не оставил о себе и своем управлении столько противоречивых суждений в литературе, как В.Н. Татищев. Одни авторы называли его "человеком неподкупной честности", "уроителем" края¹. Другие, наоборот, утверждали, что он "был лихоимец, взяточник и, приняв начальство над краем, ознаменовал себя казнокрадством," и что за "короткое время своего управления Оренбургским краем Татищев успел сделать не мало добра, но, вместе с тем, успел наделать и зла"². Третьи, а большинство, избегая крайних оценок, признавали отдельные человеческие недостатки и административные просчеты Татищева, но одновременно находили им оправдания или хотя бы объяснения, подчеркивали его заслуги перед Отечеством.

Частично такая спорность суждений основывается на противоречиях в источниках, связанных с Татищевым. Кроме обычной документации об Оренбургской комиссии, оседавшей в центральных и местных органах управления, по поводу его здешней деятельности было составлено и сохранилось обширное следственное дело. Комиссия, которая его вела, оставила 10 томов объемных томов своего производства³. Эти дополнительные источники, с одной стороны, облегчают труд исследователя, так как систематизируют материалы, откладывавшиеся в разных учреждениях, добавляют к ним новые сведения. С другой стороны, в указанных томах много документов, весьма специфичных по происхождению (доносы, свидетельские показания, допросы и т.п.), сама подборка делалась предвзято, а все это затрудняет объективный анализ собранного следственной комиссией.

Находясь во главе казенных уральских заводов, Татищев был близким соседом Кирилова, решал чем-то схожие задачи по освоению и развитию огромного края на востоке страны, как бы ни отличался горнорудный Урал от завожских и яицких степей. Даже свое назначение в Екатеринбург он получил той же весной 1734 года, когда было решено организовать Оренбургскую экспедицию. "Караван Кирилова отправлялся почти в одно время с тем, как Татищев ехал для управления горными заводами," — заметил биограф знаменитого историка⁴.

Кирилов был весьма заинтересован в помощи своего уральского соседа. Однако добиваться этой поддержки приходилось через самое высокое начальство в лице кабинет-министров, по

сколько Татищев самостоятельно не торопился отзываться на просьбы Кирилова. В указе Татищеву от 14 февраля 1735 г. говорилось: "...Что надлежит до представления его, Кирилова, к вам и что он на вас в помощи и в совете наибольшую надежду имеет и обещает для того с вами часто иметь пересылку, а вы на то указу Нашего не имеете, и на оное повелеваем вам, по требованиям его, Кирилова, что усмотрите к интересам Нашим полезное, как в советах, так и в прочем, всякое возможное вспоможение ему чинить"⁵.

В основном их общие интересы, заставлявшие сотрудничать или вызывавшие конфликты друг с другом, сходились на башкирских делах, но временами касались и Заволжья. Один из первых случаев, заставивших Татищева обратить внимание на Самару и ее окрестности, относится к периоду, когда Кирилов не изжил еще первых восторгов от обретения "Новой России". 30 октября 1735 г. начальник уральских заводов сообщал: "Господин статский советник обнадеживает меня тем, что ныне в Оренбурге завод серебряный, а на Самаре медный заводить намерен, и требует к строению оных ремесленников. И хотя к тому я великую охоту имею..., однако ж мне оное весьма удивительно, ибо хотя б все было спокойно, но завод не прежде строить, как все к тому нужные обстоятельства согласовать будут..., и потому я в такое сомнительное дело вступать не смею...". Завод при Самаре так и не был построен. Конечно, сказались не только отрицательная реакция Татищева, но и обстановка в целом. В указе от 14 марта 1737 г. Кирилову вообще предписывалось, "чтоб до окончательного окончания башкирских замешаней в заводы не вступать"⁶. Но для Татищева эта история была лишним подтверждением его невысокого мнения об уровне деловых качеств Кирилова.

С самого начала своего назначения к оренбургским делам Татищев постарался исправить те просчеты, которые, как он считал, допустила администрация предшественника. По мнению ряда исследователей, он "поднял коллегиальное начало, слабо прилагавшееся к делу Кириловым и его товарищами, из которых каждый привык распоряжаться по своему желанию и усмотрению", что придало "совершенно иной характер управлению Оренбургской Комиссией"⁷. Последнее название официально закрепилось при Татищеве за этим учреждением, которое, правда, иногда продолжали по-старому называть Оренбургской экспедицией.

Из Екатеринбурга Татищев 26 мая 1737 г., несмотря на "бурю и лезнь, на носилках поехал до пристани" на р. Чусовой, откуда спустился на лодках в Каму. С дороги он дал знать всем старшим командирам в Заволжье и Приуралье о своем скором приезде и сборе их на совет. По поводу этого совета он получил именной указ, в котором было "повелено всем... обретающимся в тамошних местах ... командиром съехаться где в пристойном месте и без дальних переписок для тамошних дел основательно план учинить... и по тому каждому с своей стороны поступать".

Татищев созвал совет 14 июля по прибытии в Мензелинск, где находилась ставка войск, действовавших против башкирских повстанцев. На совещании присутствовали генерал-майор Л.Я. Соймонов и уфимский воевода С.В. Шемякин. Из Красной самарской крепости, где временно располагался штаб Оренбургской комиссии, срочно приехал А.И. Тевкелев. Приглашены были полковник Бардукеевич и другие штаб-офицеры пограничных полков.

Совет обсудил прежде всего меры по подавлению восстания. Обстановка была тревожной не только в самой Башкирии, но и за ее пределами, в Закамье и Заволжье. Вместе с решениями военного совета из Мензелинска в Кабинет были отправлены последние боевые сводки, в том числе о том, что очередной набег башкирского отряда числом в 500 человек был отбит войсками, расположенными по Закамской линии⁹. Однако оборона этой линии, как отмечалось еще при Кирилове, оставалась ненадежной.

Коллегиальность управления, надо уточнить, в трактовке Татищева означала прежде всего коллективную ответственность командиров за принятые решения, оформленные как распоряжения присутствия Оренбургской комиссии или определения совместных советов начальника комиссии с руководством других военных и гражданских органов власти на юго-востоке страны. При этом Татищев сумел добиться того, чтобы "коллегиальность" выражалась прежде всего его собственная позиция по различным вопросам.

Статский советник С.В. Шемякин уже в начале лета успешными стараниями Татищева получил выговор в именном указе. Уфимскому воеводе было высказано в "неудовольствованных терминах" замечание за несообщение Татищеву "по требованиям ево о башкирских делах известей". Шемякину впредь повелевалось "о всем, что до башкирских дел принадлежит, неотменно" сообщать Татищеву "и по ево... определениям" поступать.

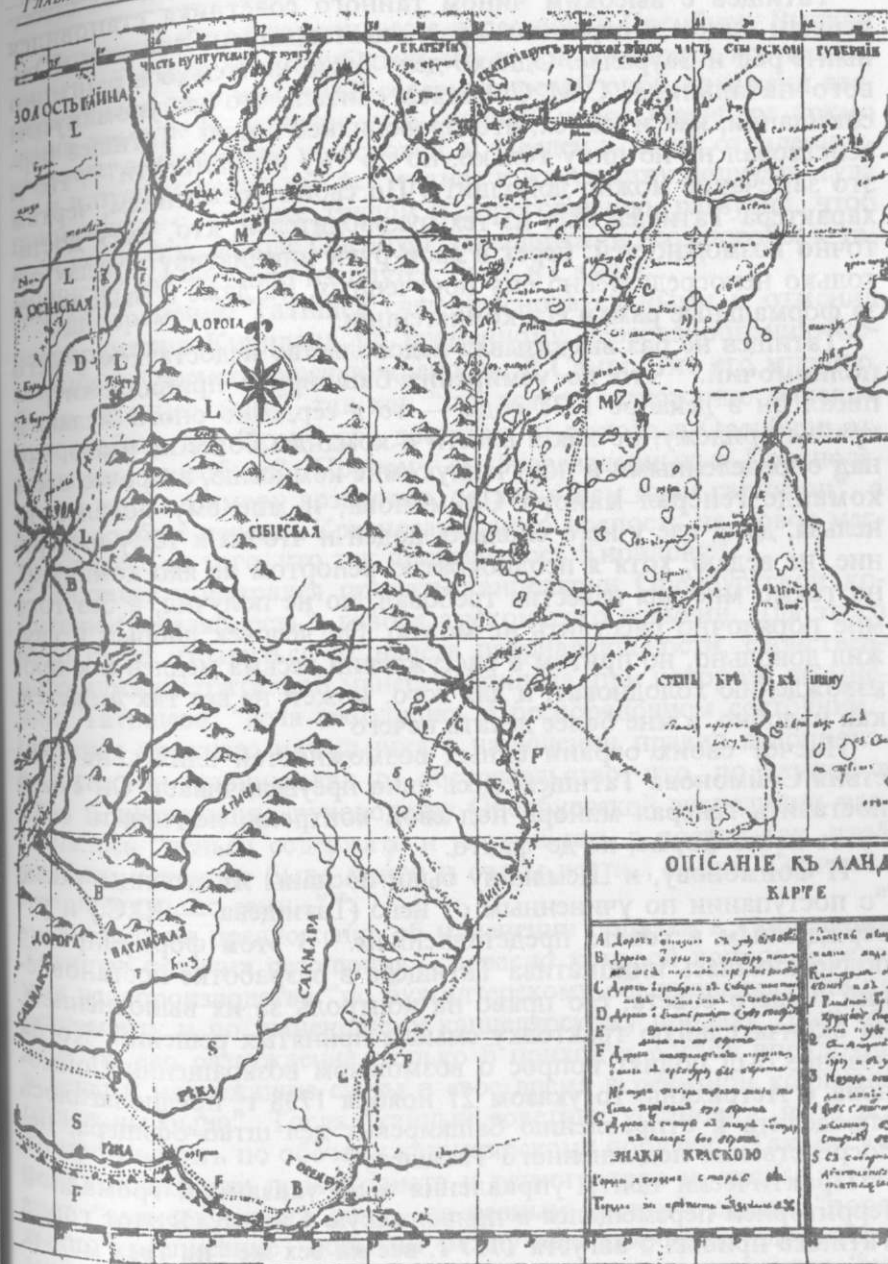
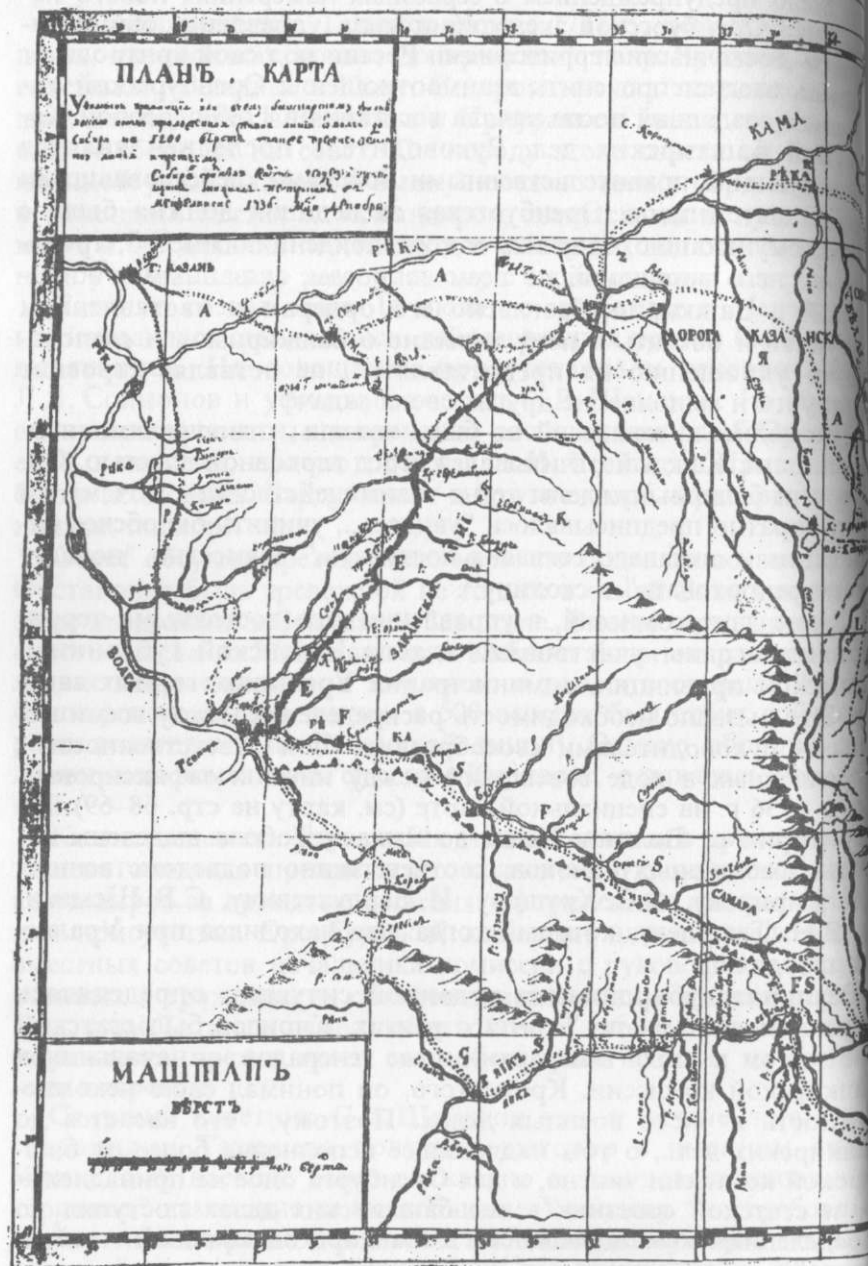
Это было предупреждением о серьезных намерениях нового начальника Оренбургской экспедиции взять управление обширными юго-восточными территориями России под свой контроль.

Здесь следует прояснить взаимоотношения Оренбургской комиссии с созданной после начала восстания в 1735 г. особой Комиссией башкирских дел. Руководитель последней являлся командующим правительственными войсками, действовавшими против мятежников. Оренбургская экспедиция должна была с ним "комуникацию получить и корреспонденцию иметь", требовать от него резолюций по всем вопросам, связанным с обстановкой в Башкирии, "согласно его ордерам и наставлениям поступать и послать к нему известие о башкирцах... и о способах ко укрощению их предоставлять", не оставляя строение Оренбурга и выполнение других своих задач¹¹.

Руководители комиссий не были связаны отношениями подчиненности. Каждый отчитывался перед верховной властью. Однако они были вынуждены тесно взаимодействовать, почему им неоднократно предписывалось "увидясь..., учинить бы общее определение и с общего согласия поступать," совместно "почасту о всем репортовать" в столицу¹².

Кроме двух комиссий, в управлении юго-восточными территориями страны участвовали власти Казанской губернии и Уфимской провинции, администрация Уральских горных заводов. Это вызвало необходимость распределения между всеми местными руководителями своеобразных "зон ответственности", закрепленных в ходе совещаний между ними и зафиксированных в 1736 г. на специальной карте (см. карту на стр. 68–69). На территории от Волги и Камы до Яика и Тобола выделены несколько обширных районов, соответственно подведомственных И.К. Кирилову, Ф.С. Хрущову, И. Бардукеевичу, С.В. Шемякину, В.Н. Татищеву, который тогда еще находился при Уральских заводах¹³.

Реальная субординация в данной ситуации определялась классными чинами по Табели о рангах. Кирилов был статским советником и стоял в иерархии ниже генералов — начальников Башкирской комиссии. Кроме того, он понимал свою некомпетентность в чисто военных делах. Поэтому, "что касается до башкирских дел..., о том надлежащее исполнение более от башкирской комиссии чинено, а для Оренбурга оное не принадлежа-ло, и статской советник в тех башкирских делах поступил по определениям командовавшего в башкирской комиссии генералитета"¹⁴.

Татищев с высоким чином тайного советника становился первым лицом в огромном крае, охватывавшем Заволжье, Южный Урал и Зауралье. Однако дело было не только в ранге и звание начальника. С.М. Соловьев считал, что на упомянутом совещании, как и на тех, что проводились после, "Татищев преуменьствовал не по чину только, но по уму и опытности"¹⁵. Но это замечание можно дополнить. По своим убеждениям, черта характера Татищев был из тех руководителей, кто, имея достаточные возможности, берет в свои руки инициативу в делах, не только непосредственно ему порученных, но даже и выходящих за формальные рамки его компетенции.

Татищев не раз высказывал недовольство недостатком у него полномочий. "Что до усмирения башкирцев принадлежит, — писал он в декабре 1737 года, — то я сердечно одного желаю крайне прилежу, но как я власти и команды более не имею, что над определенными в порученную мне комиссию, а прочее все команде генерал-майора Соймонова, и мне ему повелевать нельзя, да я, где у него сколько людей и что их к тому намерение, не ведаю, хотя я неоднократно репортом не яко командир, но токмо мне для известия требовал, но не получил, а без того мне порядочно рассудить не можно. Он человек добрый и служил довольно, но притом в рассуждении весьма медлен и к производству холодноват, и для того, может, не все так делается как надобно, а мне более делать нечего"¹⁶.

Насчет своих ограниченных возможностей влиять на действия Соймонова Татищев здесь явно преувеличивает. Он сумел поставить генерал-майора под свой контроль, подчинить себя, пусть не по форме, но де-факто.

И Соймонову, и Шемякину были посланы из столицы указы "о поступании по учиненным от него (Татищева — Ю.С.) и утвержденным в совете представлениям." В этой формулировке подчеркивалась инициатива Татищева в разработке постановлений общего совета, его право на контроль за их выполнением и на окончательную трактовку смысла принятых решений. Когда позднее был поднят вопрос о возможном возвращении Соймонова в Астрахань, то указом 21 ноября 1738 г. предполагалось определить к отправлению башкирских дел штаб-офицера, но посредством подчиненного Татищеву¹⁷.

Практически центр управления всей указанной громадной территорией перемещался в приволжскую Самару. В этот город Татищев прибыл 5 августа 1737 г. все на тех же "на трех малых лодках", что и в Мензелинск.

Татищев не стал торопиться с переездом в Оренбург. Рычков пишет об этом: "По прибытии его к той комиссии во-первых упражнялся он в том, чтоб совершенное об оной комиссии сведение притти. И, усмотря, что главный город Оренбург токмо заложен, а ничем еще не основан, и заведен в такой отдаленности и в пустом месте, что все нужное к жительству получать туда принуждено с великим трудом и дороговизною, разсудил, чтоб всей комиссии, доколе Оренбург утвердится, и все способы к таковому содержанию изыщутся, быть в Самаре..."¹⁸.

Одновременно Татищев счел неосновательными и отменил распоряжения Кирилова по временному перебазированию комиссии в Красносамарскую крепость. В Самаре, по его мнению, было "сходнее жить", так как "тут всякое содержание дешевле, и потребное для Оренбурга доставать и отсюда в Оренбург отправлять способнее". Поэтому он "переведенных в Красносамарск всех в Самару возвратил, оставя в нем один гарнизон", а затем вообще перенес Красносамарскую крепость на новое место в версте от того, что так приглянулось Кирилову¹⁹.

Татищев постарался придать канцелярии Оренбургской комиссии "регулярность", говоря языком того времени. Для этого надо было избавиться от налета патриархальности, свойственного административной манере Кирилова, при котором, по мнению Татищева, "дела находились в беспорядочном состоянии." Обвиняя прежнего начальника в нарушении правил делопроизводства, он игнорировал то обстоятельство, что, по данной в 1734 г. инструкции, руководству Оренбургской экспедиции разрешалось "деньги содержать и употреблять в расход так, чтоб удобнее и короче было книги и счета вести.., и при Кирилове исполнялось по сему..."²⁰.

В ответ на предложение об изменении порядка в канцелярии Татищев получил резолюцию, согласно которой вопрос о ведении делопроизводства "по бухгалтерскому обыкновению или по регламенту и по нынешнему канцелярскому порядку" был отдан "на ево разсуждение, только б приход и расход порядочно ведены и надлежащие счета в свое время в ревизион коллегию отсыланы были". Тогда "тайный советник установил, чтоб все то производить по общему канцелярскому порядку". Так, он учредил должности протоколиста и регистратора и, чтобы не искать "записок одного дела... по разным местам", сделал "порядочно" расписание "повыгтий между канцелярскими служителями". Последних, считал Татищев, хотя и взято в комиссию "немало, но все молодые и малоискусные"²¹.

В ответ на нарекания Татищева на состав канцелярии указом от 10 ноября 1737 г. ему было дано разрешение "о рассмотрении о канцелярских служителях, набранных при штатском советнике Кирилове, и кто из них способен покажется, у себя при делах оставить, а оставших за тем выслать в Герольдию". К тому времени начальник Оренбургской экспедиции, видимо, остыл предположил, что на смену этим канцеляристам могут дать столь же неопытных, а то и просто не прислать замену. В итоге "подъячим никакого разбору не было". Нехватка опытных канцеляристов подтолкнула Татищева на новое обращение к "наследству" комиссии Ф.В. Наумова по строительству новой Закамской линии. Если Кирилов с Бахметевым воспользовались ее материальными припасами, то их преемник сделал представление "об отпуске по присланному реэстру ис канцелярии тайного советника Наумова канцелярских служителей: секретаря, протоколиста и трех копистов". Кабинет Министров дал в ноябре 1737 г. соответствующий указ в Казанскую губернию, куда перевели этих людей после прекращения работ на новой Закамской черте. Заявка Татищева была удовлетворена, но не полностью. Из указанных в ней чиновников к нему был "прислан протоколист Марков и двое копистов"²².

Уже в первом донесении из Самары Татищев обрушился не только на порядки, заведенные Кириловым, но и на нерадение сотрудников: "Ведомостей о людях всяких званий, о деньгах, правянте и протчих всяких припасех... получить не могу, понеже или за суетами покойного статского Кирилова или нерадением определенных порядочных записок нет и в скорости собрать не могут".²³ Это вызвало удивление в столице, откуда указали, что необходимые сведения из экспедиции всегда приходили исправно.

Тем не менее новый начальник сразу показал свой крутой нрав и требовательность. Были посажены под арест и чуть ли не на цепь прямо на рабочем месте бухгалтер П.И. Рычков "с канцеляристами за несочинение ведомостей о приходе и расходе денег, людей и вещей, а секретарей не выпускал (Татищев — Ю.С.) из канцелярии доколе все ведомости сочинили". Сам же Рычков несколько лет спустя рассказывал об этом так: "В 1737-м году тайный советник Татищев, будучи тогда в болезни и сядя на канцелярских служителей, приказал было, чтоб ево Рычкова, скованного держать, однако, видя он тогдашнюю ево болезнь и невинность того дни велел, чтоб держать просто, а не скованного до тех пор, пока требуемые им ведомости о раз

ных делах сочинены будут, ибо от других канцелярских служителей тех ведомостей вскорости получить не мог, и в таком задержании был он, Рычков, как памятуется, дней 10 или 12 без выпуска"²⁴.

Рычков воспринял этот почти двухнедельный своего рода арест спокойно и не упрекал за него Татищева даже в показаниях для следователей, упорно искавших несколько лет спустя компрометирующих показаний против тайного советника. Дело было, конечно, не в благодарности за то, что несколько дней, не уходя с рабочего места, бухгалтер провел все-таки без кандалов. Сама требовательность начальника и меры, ее поддерживающие, воспринимались как законные и естественные. Будет уместно привести замечание Н. Попова, что Татищев настаивал на "безусловном исполнении служебных обязанностей помимо личных взглядов и желаний. В таком случае Татищев был суров и неумолим; всегда строгий к себе, он делался строг с другими и готов был на крутые меры"²⁵. При этом он не останавливался перед наказанием не только непосредственных своих подчиненных, но даже лиц, ему прямо неподсудных, например, духовного звания.

Огласку получил его поступок в отношении протопопа Оренбургской комиссии. Антипа Мартианов (Мартемьянов, Мартинианов) Лямин был привлечен еще Кириловым после неудачи с приглашением в экспедицию М.В. Ломоносова, чему помешало крестьянское происхождение последнего. Наверное, церковная стезя, действительно, не была уделом будущего великого ученого, но в лице отца Антипы экспедиция получила взамен далеко не лучшего представителя духовного сословия.

Когда протопоп поссорился и подрался с хозяевами квартиры, на которой стоял, это вывело начальника Оренбургской комиссии из равновесия. Сам Татищев писал: "Сие привело меня в сердце, что я, видя, еже судить его некому, велел его призвать к себе и, покричав, велел посадить в канцелярии на цепь, доколе проспится, ибо было после обеда, и был держан часа два или три..." Синод выразил недовольство поведением Татищева, так как оно было совершенным произволом. Последний признал, что поступил "противно" законам, но "не ко оправданию... а токмо ко известию" заявил: "Понеже оный протопоп хотя и не часто пьян бывает, но когда напьется, то редко без драки проходит, о чем здесь всем известно, но за страх довольно того берегся, ныне же если дать волю, то опасно большого между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смирения отсы-

лать их к духовному суду, но здесь никакого духовного суда близости нет"²⁶.

Вмешательство в дела церковного ведомства со стороны Татищева не ограничивалось бытовым уровнем. Татищев указывал и на более основательные причины своего конфликта с протопопом: "Но потом просил он меня, чтоб я здешним попам приходским (т.е. самарским) запретил к офицерам и другим порученной мне команды людям с потребою (церковными требованиями — Ю.С.) ходить, в котором я ему, яко непристойном, отказал, что привело его на меня жаловаться; он же объявил несколько попов пришедших с собою, желающих служить при комиссии, и требовал на них за треть (года — Ю.С.) жалованья, но так как из оных некоторые ни ставленных, ни свидетельства о себе не имели и приняты без моего известия, то я, ни словом его не оскорбляя, велел тех попов допросить и в жалованье отказать. Признав, хотя бы на словах, неправомерность своего поведения в отношении самого протопопа, начальник комиссии ничуть не сомневался в том, что подбор для нее кадров, в том числе и священнослужителей, является его, Татищева, исключительной прерогативой. Не собиравшись он потакать протопопу и в его конфликте с местными самарскими священниками из-за доходов от треб.

Впрочем, неурядки в канцелярии или среди духовенства были не самой опасной помехой для деятельности Оренбургской комиссии. Для строительства крепостей, обороны и освоения края требовались прежде всего командиры, руководители, специалисты, работники, а людские ресурсы, предоставленные комиссии, были ограничены, да к тому же и использовались не всегда рационально. По прибытии в Самару Татищев "усмотрел, что многие обер и ундер офицеры и все геодезисты были никуда не определены, жалованье получали напрасно, и иные жили в деревнях и в Москве... а в полках офицеров нимало не доставало, и для того всех расписал по полкам и велел их собрать... А геодезисты расписаны были по городам; а сверх того кои излишние явились, отпущены, кто откуда взят"²⁷.

В основном геодезистов разослали по разным губерниям для проведения работ по составлению генеральной карты Российской Империи. Такое поручение новый начальник Оренбургской комиссии получил еще до прибытия в Самару в указе от 23 мая 1737 г.: "О сочинении ландкарты Российской Империи и для того в оставшихся после статского советника делах все имеющиеся у него ландкарты рассмотреть и с чем явится неисправности

или недостаток чрез геодезистов дополнить и исправить и в том всевозможное старание приложить"²⁸.

Вообще же, как и Кирилов, Татищев, став фактически наместником огромного малообжитого края, не оставлял научных исследований. Некоторые из них соприкасались с его поручениями по гражданскому и военному управлению: были осуществлены описание и картографирование Самарской Луки, волжских берегов и других территорий. Но интересы ученого выходили за узкие рамки практических задач. В этот период он работает над "Общим географическим описанием Сибири", обосновывает "Предложение о сочинении истории и географии" — анкету из 198 вопросов по географии, экономике, истории, этнографии и начинает рассылать ее по городам страны. Большое внимание уделяется изучению истории и языков народов Поволжья. В Самаре при Татищеве составлялся "Российско-калмыцко-татарский словарь", заведена татарско-калмыцкая школа, которую возглавляли знатоки восточных языков Иван Ерофеев и Махмуд Абдурахманов²⁹.

Не прекращал Татищев и занятий своей любимой историей. В Самаре он закончил подготовку к публикации Судебника Ивана Грозного и значительной части своего самого главного и знаменитого труда "Истории Российской".

Татищев, испытывая недостаток в людях, тем не менее без колебаний освобождался от тех, кто был не нужен для дел порученной ему комиссии. В ответ на его очередное доношение "о поступании в убавке расходов и в отпуске мастеровых людей и учителя за неспособностью из службы", он получил в указе от 10 ноября 1737 г. соответствующую резолюцию и разрешение "також и впредь в таких делах по своему рассуждать". Он считал несвоевременным вопрос о строительстве пристани и судов на Аральском море. В этой связи определенного в комиссию при Кирилове галерного мастера, который сидит "без дела и жалованье получает бес труда", по представлению Татищева 14 декабря 1737 г., "яко есче не нужного велено отослать на Воронеж, куда он и послан..."³⁰.

Если же была возможность, то он просил заменить людей бесполезных на необходимых комиссии. В октябре 1737 г. Татищев уволил из штата ботаника И.Г. Гейнцельмана (Эйсельмана). Тот был принят в Оренбургскую экспедицию Кириловым, а до того служил в походной канцелярии фельдмаршала Миниха. Татищеву Гейнцельман показался "в делах неспособен". Вместо него, считал Татищев, в комиссии будет нужнее доктор медици-

ны или химии, и в результате в Самаре прибыл доктор медицины Ф. Риндер. На просьбу об определении другого пробирного мастера вместо неискusstного, из Монетной канцелярии, которую Татищев сам некогда возглавлял и хорошо знал ее служащих, был "прислан пробователь Власов"³¹.

Татищев же добился перевода в Оренбургскую комиссию английского врача Я. Грива, которого он очень ценил и хорошо знал по совместной работе на уральских заводах. Тот уже бывал в Самаре в начале 1737 г., когда Татищев присылал его с Урала для оказания медицинской помощи больному Кирилову, который "от той болезни хотя и получил некоторое облегчение, но как от него помянутой доктор отъехал... она болезнь столько в нем умножилась, что он... жизнь свою христиански окончил". Грив покинул Самару и работу в Оренбургской комиссии только в 1742 г., получив место главного доктора в Петербургском сухопутном госпитале³².

Наряду с комплектованием штата и служб комиссии необходимо было позаботиться о заселении новых земель, крепостей, поселков. Одного административного рвения здесь уже было мало. Необходимо было учитывать наличие массового стремления разных категорий жителей к переселению на юго-восток страны.

§ 2. Переселения и переселенцы

Устройство Самарской и Яицкой линий, начатое Кириловым, уничтожало необходимость старых укрепленных черт по рекам Черемшану, Соку и Кондурче, а между тем в новых крепостях и форпостах по-прежнему был большой недостаток в служилых людях. Вопрос о судьбе укреплений на границе Заволжья с Закамьем был отдан правительством на "рассуждение" Татищева. Последний вынес его среди прочих на новый генеральный совет, состоявшийся на этот раз в Самаре во второй половине декабря 1737 г. В нем приняли участие Соймонов, Тевкелев, Шемякин, экипажный советник А.Ф. Хрущов, замещавший Татищева на уральских заводах, командиры полков и отрядов правительственных войск: И.Н. Татищев, А. Усов, кн. И. Еделев, Б. Останков, П. Бахметев. На совете "Закамская линия, яко посредине и под защитою той новой Киргизской, то есть Оренбургской, оставшаяся, за ненужную признана, и рассуждено, чтоб все по ней учрежденные ландмилицкие полки, также инженерных и артиллерийских служителей с тамошнею артиллериею на ту новую

линию перевести." Это и другие решения совета были утверждены именным императорским указом от 15 февраля 1738 г.³³

Приток новых сил в распоряжение комиссии способствовал осуществлению мер по укреплению безопасности края. Летом во время похода Татищева к Оренбургу были "осматриваны им все, по реке Самаре застроенные крепости, и Красносамарской по осмотру его на другом месте, немного повыше прежнего быть учреждено, где она поныне и имеется. Сорочинской назначено быть так, как она ныне есть. Сверх того на усмотренных подполковником Бахметевым местах определено быть вновь: Тевкелев Брод, Переволока, Татищева пристань, Черноречья и Бердская." Последние три крепости были поставлены на р. Яике, остальные — на р. Самаре. Впоследствии Тевкелев Брод получил название Новосергиевской крепости. На обратном пути из Оренбурга в сентябре Татищев повторно осмотрел крепости "подле Самары реки", а "между Бузулуком и Борской новую строить определил при реке Олшан, коя потом именовалась Олшанскою"³⁴.

В числе вопросов увеличения людских ресурсов края, на которые Татищев обратил пристальное внимание, было положение ссыльных, присланных "из Москвы, из Санкт Петербурха чрез Казанскую губернскую канцелярию в Самару, кои де за неспособными случаями и за умалением в Оренбурхе и в других крепостях строения и провианта не посылались и содержаны были в Самаре человек по 300 и более и чрез осень и зиму употреблялись в казенные работы". Отправки на постоянное место жительства ссыльные и каторжане ждали неделями и даже месяцами в Самаре, "отчего здешним убогим жителям бывает утешение и обида, а от неудобного к хранению места разбегаются." Это вынудило Татищева для сохранения не очень надежного контингента, но составлявшего значительную часть первопоселенцев Самарского Заволжья и Оренбургских степей, "построить каторжный двор, в котором две или три казармы, вкопав два венца в землю, ... и окопав, городить стоячим тыном"³⁵.

Новый начальник высказался против прибытия в здешние края престарелых и несемейных ссыльных, которых нельзя было использовать как земледельцев и воинов. Сам Татищев предлагал тех, кто не подходил для освоения края, отправлять на уральские заводы, а неженатых решил поощрять к женитьбе подарком от казны двух рублей на обзаведение. Эти предложения были одобрены в именном указе от 14 октября 1737 г. Правда, по поводу мер поощрения ссыльных к женитьбе, "о том от тай-

ного советника определения точного не учинено". Вступающим в брак ссыльным пришлось обходиться без казенного подарка³⁶.

В отношении сосланных сюда квалифицированных и опытных мастеров у Татищева были особые виды. Уже в первом своем самарском определении от 7 августа 1737 г. он велел задерживать в городе при комиссии тех ссыльных, а также записавшихся в казаки добровольцев, которые владели слесарным, кузнечным, токарным, сапожным, портным и прочими ремеслами. Впредь все прибывавшие ссыльные, объявляющие на разборе за собою какое-либо мастерство, "оставались в Самаре в казенных работах". Среди них были и специалисты очень высокой квалификации. Их даже старались перехватывать у других ведомств. 26 апреля 1738 г. Татищев отправил доношение "о требовании указа, чтоб повелено было бывших инженерных офицеров, которые присланы в Самару для отсылки в работу на селитерные заводы, Никиту Назимова, Тимофея Култашева определить" к строительству крепостей, "которые в том явились довольно искусны"³⁷.

Людские резервы самой Оренбургской комиссии и малочисленных поселений Заволжья были все равно ограничены, а потому Татищев ввел в практику привлечение к различным работам и службам крестьян из селений волжского Правобережья, а также Закамья. Особенно активно использовались жители близкой Самарской Луки. В число таких работ входили возведение укреплений, строений для комиссии и жилищ для переселенцев и др. В первую очередь требовались возчики и плотники, о чем свидетельствуют наряды Татищева за 1737 год в ближние дворцовые села и деревни. Однако в указе от 14 октября, где речь шла о строении жилья для переселяемых под Самару калмыков, ему было рекомендовано использовать не принудительный набор, а найм работников за плату, чтобы не отягощать крестьян дополнительной повинностью и не содержать на казенный счет больных³⁸.

Еще одним направлением охранения и освоения Заволжья при Татищеве стало расселение здесь групп из кочевых народов Поволжья, считавшихся лояльными Российскому государству. Астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев просил о разрешении "поселиться ему по близости к Самаре на реке Моче и в товариство набрать обещал из других таких же татар, из уфимских мещеряков и калмык и иных иноверцов, не положенных в подушный оклад до двусот семей"³⁹ на казачью службу. В ноябре 1738 г. Татищев просил Сенат дать мочинским казакам "зем

ли, рыбные и звериные ловли со всем удовольствием", которыми они будут пользоваться вместо казенного жалования за службу по охране "Самары и по Волге рыбных ватаг", по обеспечению безопасного "проезда на Яик"⁴⁰. Мочинская слобода стала смешанным русско-иноверческим поселением, которое представляло небольшую "крепосцу", выдвинутую в степь на 25 верст за р. Самару и предназначенную для защиты "наипаче от воровских калмыцких набегов"⁴¹.

Осторожность в отношении калмыков не была лишней. Хотя в Заволжье ситуация выглядела более спокойной, чем в мятежной Башкирии, но "при том во окончании" 1738 года "из другой стороны оказались опасности, а именно: волжские калмыки, кочевавшие на луговой стороне Волги, не на малые отважились противности". Казаки, посланные Татищевым, разбили и переловили тех калмыков, которые ограбили купеческий обоз, следовавший из г. Самары в Яицкий городок, и угоняли "лошадиные табуны из-под новых крепостей"⁴².

Чтобы обратить калмыков в лояльных подданных и надежную военную силу для охраны рубежей империи, российские власти пытались привлечь на помощь религию. Православная церковь, начав в XVII в. миссионерскую деятельность среди кочевников, достигла в следующем столетии значительных успехов. Часть рядовых калмыков и некоторые их правители-тайши переходили из ламаизма в православие.

Желая устранить поводы к религиозным конфликтам и возможность возвращения окрестившихся в прежнюю веру, правительство решило поселить в одном месте, изолировать их от некрещеных и передать их под управление Петру Тайшину, ханскому внуку и крестнику самого Петра Первого. В 1736 г. Петр Тайшин подал просьбу "в способном месте построить ему городок". Приказ о приискании места для поселения крещеных калмыков был отдан генералу А.И. Румянцеву, который предложил вершины р. Ик, притока Камы, прилегающие земли в междуречье Кинеля и Самары и до Сакмарского городка на Яике. Мнение Румянцева было сообщено 7 ноября 1736 г. для рассмотрения И.К. Кирилову. Тот в доношении от 23 декабря предложил другое место для перевода калмыков — среднее течение р. Ток, притока Самары⁴³.

Пока шло это обсуждение, П.П. Тайшин умер, и власть над крещеными калмыками была передана его вдове Анне Тайшиной, крестнице императрицы Анны Ивановны, которая пожаловала новой калмыцкой правительнице княжеский титул и

назначила ей в помощь в качестве военного коменданта полковника Андрея Змеова. Тот донес 12 мая 1737 г., что на местах предложенных прежде Румянцевым и Кириловым, "помянутых княгиню и крещеных калмык, для разных обстоятельств, селить несходно и неудобно; а лучше де поселить их внутри Закамской линии, и построить бы крепость для оной княгини... по рекам Волге, Соку или Кондурче"⁴⁴.

Татищеву, тогда ещё только назначенному в Оренбургскую комиссию, указом от 21 мая было поручено решить, чье из мнений правильнее. Он принял сторону Змеова и вначале предложил разместить княгиню в Алексеевске, тем более, что в указе о ее поселении предлагалось начинать строительство новой крепости, только если нет готовой. Подвластных ей крещеных калмыков предполагалось расселить между Кондурчей и Черемшаном под прикрытием Самарской и новой Закамской линий⁴⁵.

Вопросом о размещении калмыков правительство также озадачило и Соймонова. Последнему предписывалось в этом деле поступать по "наставлениям" Татищева⁴⁶.

Анне Тайшиной, прибывшей в апреле 1737 г. в Самару и временно там обосновавшейся, Алексеевск не приглянулся. Тогда, по совету самарских казаков, Татищев предложил ей другие два места: урочище Переполье близ воложки Копыловой и речки Курумоч, а также Кунью воложку в 20 верстах выше по Волге от Переполя. Тем временем, по свидетельству П.И. Рычкова, "полковник Змеов с помянутою княгинею, прибыв в Саратов, у полковника и воеводы Беклемишева принял из оных крещеных калмык мужеска и женска полу в семистах кибитках две тысячи сто четыре души, которым на первой случай для зимования отведена была на краю Закамской линии Красноярская крепость близ Алексеевска, где построенных и штаб и обер офицерских домов впусе имелось довольно"⁴⁷.

В своем представлении от 24 сентября 1737 г. Татищев окончательно склонился в пользу Куньей воложки. Этот выбор был одобрен указом Коллегии Иностранных дел от 31 октября. Привлекательность местности на Куньей воложке под поселение подкреплялась наличием уже здесь крестьянских деревень. Неподалеку в 1734 г. поставил свое селцо Федоровку Ф.В. Наумов, где к исходу 1737 г. имелся 1 помещичий двор и 24 крестьянских, а в них 30 жилых и 62 хозяйственных строения. Годом раньше (1733) управляющим Усольской вотчины Савво-Сторожевского монастыря М. Богдановым, по указанию архимандрита Симона, была поселена "деревня Красноборская, что при

Куньей Волошке". Деревня эта "первоначально было не что иное, как хутора нескольких богатых крестьян из Усоля, Жигулей, Валов, разбросанные по берегу Волги" на довольно значительных расстояниях друг от друга. В конце 1737 г. в них насчитывалось 22 двора с 28 избами и 56 различными хозяйственными постройками. Хутора валовских переселенцев стояли именно на том самом месте, что предлагалось княгине. "Когда это место нужно было правительству отвести под поселение калмыков, тогда одни из крестьян приписались к городу, а другие соединились в один нераздельный хутор", образовав деревню, за которой закрепилось название Русской Борковки⁴⁸.

В итоге, крепость для калмыцкой княгини была построена в 1738 г. на левом берегу Волги выше города Самары при Куньей воложке между Федоровкой и Борковкой. Новый город, строительство которого велось под руководством А.И. Змеова, был назван Ставрополем. Это имя, данное вопреки предложению Татищева назвать крепость Епифания ("просвещение", "богоявление"), в переводе с греческого означает "город святого креста", поэтому на городском гербе была изображена "треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест в золотом поле". В город и его окрестности переселялись с низовьев Волги крещенные калмыки, которые были организованы в войско наподобие казачьего. Вместе с калмыками в ней разместили русский гарнизон, в который "...целой баталион из Алексеевского ландмилицкого полку определен., придано из Самарских и Алексеевских казаков 60 человек"⁴⁹.

Княгиня переехала в Ставрополь в середине сентября 1738 г. Вместе с ней прибыли, по распоряжению Синода, архимандрит Никодим Ленкеевич и протопоп Андрей Иванович Чубовский, хорошо знавшие калмыцкий язык. В октябре сюда приезжал Татищев, который осмотрел постройки и встретился с Анной Тайшиной⁵⁰.

Татищев и генерал Соймонов, ответственные за переселение калмыков, отвели им, по предложению Змеова, пространство "по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги" на Казань. Они же решили "в тех местах никаким помещичьим дачам не быть, а дворцовым, ясашным и монастырским и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно"⁵¹.

Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения ко-

чевников к земледелию и оседлости. Под этим же предлогом княгиня Тайшина попыталась обзавестись крепостными крестьянами, утверждая, что в случае передачи "ей, княгине, поблизости определенного ей с калмыками места деревень из Усольской волости... калмыки могли обучиться к пашне и домоводству, и русскому обычаю". Но Правительствующий Сенат решил, что "оной княгине деревень давать не надлежит, понеже калмыки в содержанию тех деревень необыкновенны и могут оныя привести до раззорения, а довольствоваться оную княгиню... определенным жалованием"⁵².

В докладе Сената Кабинету от 29 сентября 1738 г. высказывалось опасение, что, обзаведясь крепостными крестьянами, калмыки "к работам и к пашен завсегда их употреблять будут, а сами, надеясь на то, и пахать не будут; и для того за наилучшее разсуждается отвести ей, княгине, и при ней зайсангам земли против ландмилицких дач, а именно княгине против рядового вдесятеро, а зайсангам вдвое, калмыкам против рядового, а для обучения их пашне давать в лето из гарнизона солдат., а княгине и зайсангам на первый случай, пока они своими людьми исправятся, работных людей из тех, которые посылаются будут для работ на линию, а именно княгине в помощь к людям их по 5-ти, а зайсангам каждому по одному человеку на лето; а как хлеб уберут, то их по-прежнему в дома отпускать". Беднякам, по рассмотрению Змеова, было велено дать по лошади и отпустить семян на сев хлеба. Также Сенат решил позволить калмыкам ловить рыбу в местах нового проживания, "да сверх того объявить им, ежели они данные им земли и рыбные ловли будут содержать добрым порядком и к земледельному обучению охотное прилежание возымеют, то им впредь для удовольствия даны будут и деревни"⁵³.

Хотя в этом докладе, утвержденном Кабинетом 7 декабря, было дано обещание вернуться в будущем к вопросу о наделении калмыцкой знати крестьянами, но оно осталось неисполненным. Жители сел и деревень на Самарской Луке и в Заволжье не стали крепостными новокрещенной княгини, помочь же с переселением калмыкам помогли. По распоряжению властей они предоставили работных людей на строительство крепости, города при ней, других поселений. Часть скота переселенцев зимовала в 1737/38 гг. в правобережном селе Рождествене, и для него сюда свозили сено, собранное с крестьян здешних дворцовых селений⁵⁴.

Неожиданностью для властей стало то, что предполагавшиеся под поселение калмыков земли оказались не такими уж пустыми, как ожидалось, поскольку их заселение шло не только по контролируемым каналам. Предлагая разместить крещеных кочевников внутри новой Закамской линии, полковник Змеов утверждал в докладе от 12 мая 1737 г., что здесь на обширном пространстве нет населенных мест, кроме Красноярской крепости: "...от оной крепости рекою Соком и по рекам Кондурче и Шешме до пригорода Нового Шешминска будет около двухсот верст, а в ширину от жилищ от реки Черемшану до линии по штидесят и по сту верст, где никакова поселения не имеетца, а места к пашне и поселению весьма годные и х калмыцкому кочевому пребыванию весьма пристойные и лесами и протчими угоды довольные". Татищев же, проверив на месте сведения Змеова, сообщил в столицу "о строении тайным советником Наумовым в бытность ево при линии (новой Закамской — Ю.С.) тамо деревень и о роздаче другим многого числа земель", о чем вышестоящие власти "были неизвестны". После этого донесения Татищеву указом от 14 октября 1737 г. было поручено провести освидетельствование, "сколько кому земель роздано и по каким указам и определениям и какими людьми поселены"⁵⁵.

Результаты такого следствия, проведенного полковником Сергиевского ландмилицкого полка Пальчиковым, были получены в Кабинете Министров 6 декабря в "описи деревням, которые поселены внутри закамской линии"⁵⁶. Сохранившаяся копия этой описи от 11 октября 1738 г.⁵⁷ использована нами при составлении табл. 2. Всего между старой и новой Закамскими чертами было обнаружено 51 крестьянское селение без учета тех крепостей и поселков, которые возникли на самих линиях и были заселены в основном служилыми людьми.

По времени возникновения все эти селения четко делятся на две группы. Более половины их (27) появилось за 35–60 лет до составления описи, то есть в последней четверти XVII и самые первые годы XVIII вв. Их жители на свой страх и риск селились вне укреплений старой Закамской линии. Затем в течение почти трех десятков лет здесь не появилось ни одного уцелевшего селения.

Новый этап заселения связан с возведением новой Закамской черты и продолжался в течение 7 последних лет. К числу поселений, возникших тогда (14), следует добавить и те, которые образовались вопреки установленному порядку, и потому их жители были сведены в прежние места жительства как беглые или неза-

Таблица 2
Крестьянские селения внутри Новоказакамской линии по данным на 1738 год

По времени появления и составу жителей	Селения Имеется у представителей национальных или сословных групп							
	Число	В %	Дворов	В %	Жилых изб	В %	Хоз. построек	В %
Возникшие менее 7 лет назад	14	27%	255	15,87%	288	16,07%	483	12,72%
в т.ч.								
с русскими жителями	3	6%	62	3,86%	75	4,19%	133	3,50%
с чувашскими	4	8%	48	2,99%	59	3,29%	132	3,48%
с татарскими	1	2%	41	2,55%	43	2,40%	63	1,66%
с мордовскими	7	14%	104	6,47%	111	6,19%	155	4,08%
С выведенными жителями	10	20%	113	7,03%	120	6,70%	84	2,21%
в т.ч.								
с русскими жителями	2	4%	38	2,36%	39	2,18%	16	0,42%
с чувашскими	4	8%	37	2,30%	39	2,18%	50	1,32%
с татарскими	1	2%	12	0,75%	13	0,73%	5	0,13%
с мордовскими	2	4%	15	0,93%	18	1,00%	8	0,21%
неизвестными	1	2%	11	0,68%	11	0,61%	5	0,13%
Возникшие 35 и более лет назад	27	53%	1239	77,10%	1384	77,23%	3231	85,07%
в т.ч.								
русскими жителями	4	8%	286	17,80%	333	18,58%	717	18,88%
с чувашскими	17	33%	493	30,68%	532	29,69%	1392	36,65%
с татарскими	5	10%	162	10,08%	204	11,38%	501	13,19%
с мордовскими	6	12%	298	18,54%	315	17,58%	621	16,35%
Всего селений	51	100%	1607	100,00%	1792	100,00%	3798	100,00%
в т.ч.								
с русскими жителями	9	18%	386	24,02%	447	24,94%	866	22,80%
с чувашскими	25	49%	578	35,97%	630	35,16%	1574	41,44%
с татарскими	7	14%	215	13,38%	260	14,51%	569	14,98%
с мордовскими	14	27%	417	25,95%	444	24,78%	784	20,64%
неизвестными	1	2%	11	0,68%	11	0,61%	5	0,13%
Селения								
с дворцовыми крестьянами	5	10%	300	18,67%	347	19,36%	752	19,80%
с монастырскими	3	6%	37	2,30%	47	2,62%	95	2,50%
с помещичьими	6	12%	196	12,20%	218	12,17%	333	8,77%
с госуд. собствен.	41	80%	1074	66,83%	1180	65,85%	2618	68,93%

*) Подсчитано по: РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.611. Л.171-176 об.

конно вышедшие (10 селений), хотя точное время основания в описи и не указано.

Сообщение Пальчикова о своде жителей ряда поселков нельзя понимать буквально. В более поздних источниках практически все селения последней группы упоминаются как существующие, причем, как правило, под теми же названиями, с теми же владельцами, с прежней национальной и сословной принадлежностью жителей. Возможно двоякое объяснение этому факту, или в действительности "свод" не был осуществлен, или после соответствующего оформления перехода (перевода) население вскоре сюда возвратилось. В любом случае исключать указанные 10 "упраздненных" селений из наших подсчетов нет смысла, так как они существовали в Заволжье до "свода", а после его осуществления были в основном возрождены.

Деление селений на группы по времени основания произведено с учетом одного условного допущения. Опасности жизни за пределами укрепленных границ приводили к гибели или временному прекращению существования селений. Составители описи, а мы вслед за ними, опираются при определении срока существования селения и на устную, и на письменную традиции, которые могли по-разному истолковывать перерыв в оседлой жизни на определенном месте.

Так, по показаниям жителей, деревня Кандаковка была основана всего лишь "тому ныне другой год", хотя она указана как село в переписных книгах еще в 1718 г.⁵⁸ В то же время, основание Царевокурганской слободы в описи правильно отнесено к самому началу XVIII в., когда ею владел касимовский царевич Иван Васильевич, хотя за несколько лет до составления описи в 1732 г. ее называли "вновьпоселенной", поскольку прежний поселок был уничтожен в результате калмыцкого набега⁵⁹. Объяснение разного отношения к временному перерыву существования данных двух селений, видимо, связано с тем, что при составлении описи в случае с Царевокурганской слободой были сделаны ссылки на сохранившиеся документы, а обитатели Кандаковки о наличии таких документов не знали и дали только устные показания.

Всего же жители 24 из 27 давно основанных селений и 12 из 14 появившихся в течение последних семи лет сослались на имеющиеся документы о поселении и владении землей. Исключением были дворцовые село Хрящевка и деревня Сускан, помещичьи село Бирля, Резановка тож, и сельцо Федоровское, а также вышеупомянутая монастырская деревня Кандаковка, чьи вот-

чинники и управители здесь не находились, а потому никаких документов в наличии не нашлось и об их существовании крестьянам не было известно.

В качестве документов на право владения землей в старых селениях назывались различные указы, владенные выписи, крепости. В отношении новых поселков соответствующие разрешения и распоряжения были получены как от центральных и местных органов гражданского управления (Камер-коллегия, Казанская губернская канцелярия), так и от военных властей (Военная коллегия, полковые командиры и штабные дворы). Последнее обстоятельство свидетельствует об активном участии военного ведомства в заселении территорий на пограничных линиях не только служилыми людьми, но и крестьянами.

Следует заметить, что ряд селений были смешанными по национальному и сословному составу, поэтому в табл. 2 суммы поселений по различным категориям жителей превышают их общее число. Так, в их числе было 2 деревни со смешанным татарско-чувашским (Чалпан, Биляр-Озеро) и 3 с мордовско-чувашским населением (Кармалы, Ателякова, Седелкина). Более точное соотношение крестьян различных национальностей и категорий при отсутствии данных о численности жителей передает все же не количество населенных пунктов их проживания, а дворовое число.

Среди еще немногочисленных крестьян Заволжья преобладали чуваша, которые проживали почти в половине всех описанных селений и более чем в трети дворов. По числу основанных селений за ними шла мордва, но по количеству дворов она очень мало превосходила русских, а по жилым и хозяйственным постройкам даже уступала последним. Менее заметную, хотя и весьма значимую роль в заселении края играли татары.

Соотношение крестьян-переселенцев разных национальностей в различных группах рассматриваемых селений не было одинаковым. В старых селениях доля чувашских дворов и строений в них была особенно заметна и больше, чем русских и мордовских вместе взятых. В недавно возникших и "выведенных" селениях в совокупности картина обратная. Там русское и мордовское население, каждое в отдельности, имело больше дворов и жилых построек, чем чуваша.

В сословном составе очевидно преобладание государственных крестьян, в отношении которых крепостной режим был менее жестким. Им принадлежало почти две трети дворов. При этом надо, конечно, учесть стремление беглых владельческих крестьян

ян выдавать себя за государственных или попасть в их число. Среди государственных крестьян преобладали ясачные разных национальностей, то есть потомки тягловцев — плательщиков "ясака", как называли в Поволжье поземельный налог, замененный при Петре I подушной податью. Исключением были в деревнях Чалпане и Сеитовой крестьяне из служилых татар и чувашей, обязанные в старину государству несением службы, а не платежом ясака.

Хотя лишь каждое десятое селение было дворцовым, но в них находился почти каждый пятый крестьянский двор Заволжья. За исключением мордовской деревни Бирли, существовавшей "четвертый год", остальные дворцовые селения возникли здесь 37–50 лет назад. Большинство их перешло в дворцовое ведомство от других владельцев. Царевокурганская слобода была конфискована у князей Долгоруковых. Русское село Хрящевка и чувашская деревня Сускан были когда-то заселены выходцами из владений Новодевичьего монастыря.

В Хрящевке наряду с дворцовыми еще оставались монастырские крестьяне. Собственно же монастырскими селениями в крае были только деревни Кандаковка и Красноборская, основанные в 1730–е гг. управителями Новодевичьего и Савво-Сторожевского монастырей.

Невелико было пока число имений помещиков. Из старых селений их крепостные люди имелись в четырех. Крепостная мордва княгини Дарьи Арчиловны жила в деревнях Малыкле, Кармале, Бесовке, русские крепостные секретаря А.И. Резанова — в селе Бирля, Резановка тож. В числе новых были помещичьи деревня Буян и сельцо Федоровское, об основании которых уже говорилось выше. Господские дворы были поставлены из всех помещичьих владений только в Резановке и Федоровском.

Сообщение Татищева о наличии селений на, казалось, пустых землях "между Соком и Черемшаном" вызвало повеление Кабинета Министров Сенату, отданное 20 декабря 1737 г., послать в Самару "надежного человека" для проведения более подробного следствия о "новопоселенных деревнях". Выполнение такого поручения было возложено на полковника Давыдова. Уже самое начало деятельности его комиссии показало, что сведения, которыми располагали власти, были далеко не полными, о чем он и доложил: "1738 году октября 15-го дня по наезду моему сверх данной мне от тайного советника господина Татищева ведомости явилась новопоселенная деревня Семейкина Поляна растоя-

нием от Самары в дватцати шести верстах..., а в ней крестьянских три двора"⁶⁰.

Деревня, которая возникла в 1734 или в 1735 году, оказалась заселена беглыми и скрывавшимися от переписи и уплаты податей людьми. В ней оказались сын "польской нации" уроженца г. Вильны (Вильнюса) Е.П. Рубцовский и сын дворцового крестьянина Ярославского уезда З. Кузьмин. Оба они не были записаны в подушный оклад, за свою жизнь (первому было 50, второму 40 лет) неоднократно переходили с места на место, крестьянствовали или жили наймом в работники. Схожа была судьба и у третьего их соседа, беглого помещичьего крепостного из Нижегородского уезда И.И. Ляпкова. Тот показал на допросе о себе следующее: "И в прошлых годах отец ево и с матерью ево... и с ним бежали. И, бежав, пришли в Самарской уезд в село Михайловское, Аскула тож. И жили в том селе тритцать лет... И в том селе Аскуле он и отец ево в генеральную перепись в подушной оклад написаны того села с ясашными крестьяны. И тому ныне восемь лет ис того села реченной помещик Иван Жедринской отца ево взял и вывез в вотчину свою в Казанской уезд Ногайской дороги в деревню Шмелевку. А он ис того села Аскулы з женою бежал и, збежав, ходил по разным местам четыре года..."⁶¹.

На новом месте они жили с семьями (у каждого было по два сына) и успели обзавестись небольшим хозяйством. Так, у Кузьмина была корова, немолоченой яровой пшеницы 2 телеги, а в земле посеяна 1 четверть. Столько же посеял и Ляпков, который к тому же имел лошадь, подтелка и овин яровой немолоченой пшеницы.

Их всех поселил здесь "города Самары с приписью подъячей Иван Никитин сын Еремеев"⁶². Используя служебное положение, он принимал появлявшихся в Самаре беглых и "гулящих" людей сначала в услужение на свой двор, а потом решил завести собственную деревню.

Еще одним обитателем деревни был приказчик Еремеева отставной солдат Ф. Васильев. Тот не только не представил документов, доказывавших законность владения крестьянами и землями, и квитанций о платеже подушного оклада, но и не знал об их наличии у хозяина.

В дальнейшем комиссия Давыдова не смогла развернуть свою деятельность из-за плохих отношений полковника с Татищевым. Хотя оба обвиняли друг друга в административных упущениях и нелояльности государыне, но ссора более всего была

обусловлена личными амбициями двух начальников: "Видно, что оное между ими... произошло ни для каких пристрастий или фальши, но от упрямства их..." Безрезультатная посылка Давыдова обошлась недешево, если учесть жалованье и проезд ему, восьми сопровождавшим подьячим, а также конвойным, покупку судна и плату гребцам от Казани до Самары и прочие расходы. После неудачи Давыдова, в столице решили, что "о поселенных без указов деревнях может ныне вконец изследовать Казанская губернская канцелярия... без посылки нарочного, дабы в том казенного убытка не было"⁶³.

Надо иметь в виду, что существовала разница в подходе к "новопоселенным деревням" со стороны Татищева и петербургских властей. Последние повернули вопрос о них в русло общей линии усиления крепостного режима и борьбы с бегством крестьян от хозяев и казенных налогов. Начальник же Оренбургской комиссии ставил данный вопрос в связи с присвоением казенных земель, необходимых для акций общегосударственного значения (например, под переселение калмык), посторонними владельцами, прежде всего помещиками и чиновниками. Не случайно, что, по настоянию Татищева и Соймонова, запрет на поселение на территории Ставропольского калмыцкого войска затронул лишь частновладельческих крестьян.

Данный запрет не распространялся на крестьян дворцовых и государственных селений, хотя Татищев знал, что "онные более беглыми и весьма безпутными гуляками и плутами населялись, от которых и калмыкам доброго приклада (примера — Ю.С.) получить не можно"⁶⁴. Но в интересах дела для него оказался более предпочтителен приток вольных переселенцев-крестьян, пусть в их числе окажутся беглые, чем распространение здесь помещичьего землевладения. Вышеупомянутое решение Татищева и Соймонова о свободном поселении государственных крестьян на территориях, отведенных калмыкам, стало законным основанием для восстановления или легализации ряда "сведенных" селений, упоминаемых в описи Пальчикова.

Еще более разница в точках зрения Татищева и правительства проявилась в отношении тех переселенцев, что оседали на самой пограничной линии. Первый был склонен к поддержке всех "вольных людей", которые объявляли себя при записи в службу "не положенными в подушный оклад". Он просил Кабинет Министров распорядиться о безоговорочной отдаче им с мест прежнего жительства жен, детей, скота, прочего имущества, поскольку "тех городов воеводы и помещики и управители

чинят удержание и грабление и дворов продавать не дают и скот отбирают"⁶⁵.

Реакция Кабинета была совершенно противоположна той, на которую надеялся Татищев. В резкой форме указом от 15 февраля 1738 г. было предписано прекратить прием на поселение в крепости всяких "великороссийских жителей", объявлявших себя не положенными в подушный оклад⁶⁶. Запрет не касался только не платящих подушную подать и не верстанных в службу "малороссиян"—украинцев, яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских мещеряков.

В противоположность Татищеву правительство исходило из того, что нельзя без освидетельствования верить никому, кто выдает себя за человека некрепостного и не положенного в подушный оклад. Оно потребовало от руководителя Оренбургской комиссии изменить сложившийся подход к приему в казаки. Более того, было дано указание проверить всех, уже взятых на службу: "А ныне тотчас о всех тех, которые в казаки записаны немедленно и подлинно исследовать и справиться обстоятельно с теми местами, откуда они сошли, а буде они о себе правды закрывая свое воровство показать не похотят, таковыми и розыскивать..."⁶⁷.

Со ссылками на жалобы от помещиков, управляющих, местной администрации Татищеву сообщалось, что среди уже принятых в новые поселения есть много заведомо беглых, которые затем, "приезжая на прежние жилища, разоря помещиков своих деревни, других собою подговаривают и увозят"⁶⁸. Конечно, об этом знали и Кирилов, и Татищев, и их сотрудники. Однако когда интересы укрепления новых российских рубежей вступали в противоречие с крепостными порядками, эти деятели готовы были закрыть глаза на нарушение норм крепостного права, вовсе не будучи их принципиальными критиками или противниками.

Позицию Кабинета нельзя не признать более последовательной в отстаивании жесткого крепостнического режима, хотя и недостаточно гибкой для далекого пограничья. В соответствии с действующими законами от Татищева требовали проведения следствия "и по розыску ушедших из российских городов, как помесчичьим, так и другим, чьи бы они ни были да положенные в подушную оклад, учиня наказание, по рассмотрению развестъ на прежняя жилища на коште тех управителей, которые вышеупомянутых беглых... принимали и принимать велели и тем многих людей в раззорение привели, а казне убытки причинили".

При этом устанавливался жесткий порядок контроля за исполнением указа: "И дабы оные в отдаче таких беглых крестьян, что они подлинно на прежние жилища отвезены, в том квитанции взяли, и такие подлинные квитанции прислать в Кабинет и что учинено будет обстоятельно репортовать"⁶⁹.

Татищев оказался в трудном положении. Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев, Кабинет твердо стоял на высылке с линий на прежние места жительства и возвращении владельцам тех русских людей, кто уже сюда незаконно переселился. Эти положения февральского указа были подтверждены через месяц в указе от 17 марта⁷⁰.

Однако реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений, в том числе и в Заволжье. К тому же, по букве указов, персональная ответственность за сбор и вывоз беглых возлагалась на "управителей" (командиров и чиновников) Оренбургской комиссии. На них же предполагалось переложить затраты на это мероприятие. Таким образом, строгое исполнение этих указов потребовало бы большого расхода штатных служителей и средств комиссии.

Становилось очевидным, что крайне жесткие требования Кабинета о возврате с линии самовольных переселенцев было нельзя исполнить, не сорвав вообще работу Оренбургской комиссии. Тем самым подсказывался единственно возможный способ действия Татищева и его сотрудников в данной ситуации — проигнорировать полученные указания. Поэтому Татищев за время своего управления краем к высылке беглых, записавшихся на казачью службу, не приступил, хотя и не потворствовал уже так их притоку, как прежде.

Все происходившее вокруг вопроса о подозрительных добровольных переселенцах очень напоминало поведение Татищева за два-три года до того на посту начальника заводов Урала. Тогда он тоже упорно не отвечал на требование Кабинета Министров прислать ведомость о количестве беглых, приписавшихся к казенным предприятиям⁷¹.

Случаи возврата беглых с пограничных линий были единичными и происходили только при условии активности прежних владельцев, а не стараниями руководства комиссии. Позиция в вопросе о беглых объединяла и старую кириловскую, и новую татищевскую администрацию Заволжья и Приуралья против прямолинейных крепостнических требований столичных властей. Во всяком случае, именно такая позиция руководства Орен-

бургской комиссии не позволила повторить на новой границе в Заволжье трагический опыт 1720-х гг., когда на Царицынской линии карательная экспедиция уничтожила поселения беглых. 4 тыс. человек были силой возвращены прежним владельцам, а крестьяне-организаторы самовольного переселения были поощрены⁷².

Татищевым среди прочих указаний относительно беглых не было выполнено и распоряжение о допросе Бахметева по поводу крестьян, принятых в Самаре для поселения в крепостях в качестве казаков. Подполковник Бахметев оказался под ударом прежде всего потому, что практически осуществлял основные мероприятия кириловской администрации, и жалобщики, недовольные укрывательством на линии беглых крестьян, отбирали у тех и прилагали к своим челобитным паспорта, которые были выданы за его рукою в канцелярии Оренбургской комиссии⁷³.

Деятельность покойного Кирилова и здравствующего Бахметева в отношении беглых Татищев, который не испытывал никаких симпатий к ним обоим, постарался замять, как и весь вопрос о притоке беглых на укрепленные линии, поднятый так некстати. Разногласия в среде военных и гражданских руководителей Российского Юго-востока проявлялись по другим причинам и поводам.

§ 3. Конфликты между командирами и устранение Татищева от управления Оренбургской комиссией

Перемены и нововведения Татищева в подчиненном ему крае сопровождались перестановками в верхах местной администрации. Одним из первых недостатков, замеченных Татищевым сразу же по приезде в Самару, была высокая цена подрядов на закупку и перевозку провианта, в связи с чем подозрение в недобросовестности пало на подполковника П.И. Бахметева. Также новый начальник усмотрел перерасход в выдаче жалованья чинам комиссии. В связи с этим подполковнику припомнили то, что по его распоряжению вдове Кирилова (дочери Бахметева) было выдано жалованье мужа, несмотря на наличие на умершем казенного начета. По указу от 2 сентября 1737 г., Татищеву было поручено провести следствие над Бахметевым, на которого, якобы, высказали подозрение секретари комиссии⁷⁴.

На самом деле секретари канцелярии Г. Замятнин и А. Иванов, а также бухгалтер П.И. Рычков поручились за честность и добросовестность Бахметева. Следствие по поводу подрядных цен на провиант, хотя и было проведено Татищевым, "только никакой несправильности в том не найдено". Тем не менее ближайший помощник и тесть Кирилова был "отрешен" от руководства делами Оренбургской комиссии и в том же 1737 г. направлен на службу в драгунские полки⁷⁵.

В отношениях с Бахметевым у Татищева проглядывали посторонние для службы мотивы. Насколько здесь замешана была личная неприязнь, а не интересы дела, говорит следующая история. Новый начальник по приезде в Самару заявил Бахметеву, что Кирилов, пользуясь положением обер-секретаря Сената, взял у него, Татищева, без отдачи 300 рублей. От Бахметева потребовали вернуть деньги за покойного зятя. Для Татищева, может быть, это означало возвращение своего кровного, но Бахметев не менее справедливо рассматривал такое требование как вымогательство взятки⁷⁶.

Находясь под подозрением в перерасходе казенных сумм по подрядам и выплате жалованья, Бахметев от греха подальше удовлетворил претензии Татищева, сделав "подарок" в виде алмазного перстня, ценою в указанные 300 руб. Правда, около месяца спустя Татищев отдал ему за перстень 200 руб., "опасаясь от кого доноса или уведав.., что он, Бахметев, взятков ни с кого не бировал и видя его небогатство"⁷⁷.

Остальные 100 рублей стоимости перстня не были возвращены, и вопрос о них всплыл потом в ходе "дела Татищева". В отличие от многих недоказанных обвинений в адрес Татищева, эта история оказалась невыдуманной. Правда, по объяснениям Татищева, выходило, что он за перстень расплатился полностью, но самого факта получения дорогого подарка не отрицал. К тому же Бахметев в своих показаниях постоянно ссылается на князя М.А. Белосельского, который посоветовал ему сделать подарок Татищеву, ссудил подполковника деньгами и даже сам и купил этот перстень в Москве. Если бы со стороны Бахметева имел место оговор, то ссылка именно на этого свидетеля была бессмысленной. Белосельский тогда шел в гору в Адмиралтействе и уже никак не зависел от раскладки интересов в оставленной им Оренбургской комиссии, да к тому же самому Татищеву во время совместной службы он был союзником, а не врагом.

Морской поручик князь Михаил Андреевич Белосельский как бы занял место Бахметева, представляя флот в руководстве

Оренбургской комиссии. Оказался он здесь "по некоторым несчастным случаям". Бывший командир придворной яхты был отдан под суд в 1736 г. Его оговорили в распространении неблаговидных слухов о царевне Екатерине Ивановне, Бироне и других лицах из родни и приближенных императрицы. Все обвинения Белосельский отрицал, но был отправлен из Тайной канцелярии на "вечное житие" в Оренбургский край. Поселившись в Самаре, он первоначально ничем не был занят, удивляя русских и иностранных служащих экспедиции изысканным обращением и хлебосольством. В указе от 2 сентября 1737 г. Татищев уведомил, чтобы тот определил князя к делам, связанным с развитием водного сообщения и строительством судов⁷⁸. Однако Татищев обратил внимание на него как человека одного с ним круга по принадлежности к родовитому дворянству, близкого по духу и судьбе, помог выдвинуться князю на более заметные роли.

Белосельский, как и Татищев, еще в молодости был замечен Петром I, выполнял различные поручения императора внутри страны и за рубежом. "Птенцы гнезда Петрова" нашли между собой общий язык, несмотря на разницу в возрасте и чине. Князь вошел в состав присутствия Оренбургской комиссии, получал от Татищева самые лестные отзывы вышестоящим властям по поводу своей службы. Не без хлопот тайного советника Белосельский в 1739 г. был произведен в майоры престижного близостью к столице Ингерманландского полка, а на следующий год по указу от 14 февраля возвращен в Петербург, где успешно продолжил карьеру в морском ведомстве, достигнув уже в 1743 г. чина генерал-экипажмейстера, а вскоре и положения фактического главы Адмиралтейской коллегии⁷⁹.

Удаление Бахметева было не единственной перестановкой в руководстве комиссией. Ведавший при Кирилове делопроизводством Оренбургской экспедиции секретарь Г. Замятнин "за ево при канцелярии неспособностью к таковому делу" новым начальником в конце 1737 г. "от канцелярии отрешен и определен был в провиантмейстера"⁸⁰.

Татищев карал и миловал не только своих непосредственных подчиненных по Оренбургской комиссии. Он "нашел также, что люди, которые бы должны были смотреть за порядком и удерживать башкир от мятежей, брали взятки, сами обирали и мучили иноверческое население края..."⁸¹. Такое обвинение, в частности, было предъявлено уфимскому воеводе Шемякину, который к тому же на июльском и декабрьском советах 1737 года в

Мензелинске и Самаре вступил в спор с Татищевым по некоторым вопросам, в т.ч. об отношении к взяточничеству.

Не останавливаясь при борьбе со злоупотреблениями в рамках имевшихся у него полномочий, Татищев активно вмешивался в дела провинциальных властей, военного командования, начальника Башкирской комиссии. В этом он и сам признавался в письме кабинет-министрам Остерману и Черкасскому: "Что я к прежним командирам (Оренбургской и Башкирской комиссий — Ю.С.) писал и что здесь делалось, то генерал-майор (Соймонов) не знал, а другие запоминавали. Слышу от многих, что великие пакости происходят, о чем и прежде к статскому советнику Шемякину по жалобам башкирским на его канцелярию писал, и здесь на некоторых жаловались, а генерал-майор, как человек тихой, не довольно строго в таких делах поступает, а паче, что до него было, и не знает. Також полковник Бардекеевич требовал денег на покупку под драгун команды его лошадей, и как я наедине о том с офицеры разговаривал, то сказали, что он башкирских лошадей, отбирая себе, продавал и ныне-де у него близ 100, а несколько сослано к приятелям в деревни. При толковании пунктов Шемякин о воеводах не хотел подписаться и спорил долго тем, что воеводы и подьячие жалованья не имеют и им брать не запрещено, но я дерзнул сказать, что я имею особый указ и если уведая чьи непорядки, то и без его подписки буду поступать по указу. И генерал-майор ему говорил, чтоб он, не входя в подозрение, конечно, подписался. Хотя сие все делал я по ревности моей к пользе ее императорского величества, однако ж опасаясь, чтоб такую смелостью паче данной мне власти не прогневать ее императорского величество, всепокорно нижайше прошу, если противно явится, высокою вашею ко мне милостию меня охранить и на лучшее наставить"⁸².

В начале 1738 года Шемякин был арестован и отдан под суд. Та же участь постигла немногим раньше и полковника Бардукевича. Однако Татищеву не всегда удавалось поддерживать нормальные отношения и с другими командирами края. Выше уже говорилось о бессмысленной ссоре с Давыдовым, о личной неприязни к Бахметеву. Но главным просчетом Татищева во взаимоотношениях с представителями местных военных властей и гражданской администрации следует признать его конфликт с Тевкелевым, который не без оснований считал себя одним из первых начинателей дела освоения Заволжья и Оренбуржья.

Однозначные объяснения конфликта Татищева и Тевкелева, встречающиеся в литературе, справедливы только отчасти. Пос-

ледний был действительно недоволен мерами своего начальника против некоторых командиров, например, Бардукеевича. Он же действовал против мятежных башкир более решительно и жесточе, чем допускал нужным Татищев. Однако высказанные в литературе предположения о возможных родственных связях Бардукеевича с Тевкелевым или приклеивание последнему ярлыка "садиста"⁸³ затрагивают только поверхность отношений двух самых ярких после смерти Кирилова деятелей Оренбургской комиссии, Тевкелева и Татищева, мало проясняя суть ссоры.

После ареста Шемякина и Бардукеевича, отправки Бахметева в полк и Замятина к провиантским делам Тевкелев остался последним из видных руководителей и командиров на Юго-востоке России, начавших его освоение вместе с Кириловым. Такие люди, вышедшие на передний план в здешних делах, как Соймонов или Змеов, появились уже после смерти Кирилова и безоговорочно признали авторитет и правоту Татищева.

Положение Тевкелева было гораздо более прочным, чем у имевшего тот же полковничий чин Бардукеевича или даже у стоявшего выше по Табели о рангах статского советника Шемякина. Дело даже не в том, что он не давал повода к обвинению в злоупотреблениях. За Тевкелевым и фактически, и юридически закреплялось положение правой руки начальника Оренбургской экспедиции. Еще в инструкции 1734 года, данной Кирилову, ему отводился специальный пункт: "Полковнику Тевкелеву быть в общем совете и у всех разсуждений и поручить ему главную команду над башкирским и нерегулярным войском, а в потребных случаях командировать (к нему — Ю.С.) и регулярных". Он также получил при Кирилове начальство над Оренбургским драгунским полком, созданным в 1736 г., "но при тайном советнике (Татищеве), от того полка был отрешен и употреблен был при канцелярии"⁸⁴.

Об особом статусе Тевкелева, о необходимости совместного с ним решения различных вопросов Татищеву не раз напоминали из столицы. Так, только в одном указе от 14 октября 1737 г. это сделано трижды⁸⁵. Тевкелев выступил в открытую против Татищева, решив, что тот ставит под угрозу всю стратегию юго-восточной политики империи в том виде, как она была заложена планами и трудами Кирилова, его сподвижников и сотрудников.

Мурза Кутлумухамед Мемешев, известный в русском обиходе под именем Алексея Ивановича Тевкелева, до конца жизни гордился тем, что саму идею основания Оренбурга выдвинул именно он во время своего казахского посольства, "на что он, Хан,

со всею ордою склоняясь, и признавая оное представление мое полезным, просил... письменно о постройке на устье реки Орь города". Правда, Кирилов в свое время заявлял, что предложение о городе на Яике Тевкелев сделал по его, Кирилова, совету, данному еще до поездки к казахам⁸⁶. Это утверждение остается недоказанным, но даже если оно справедливо, то вовсе не отрицает заслуг этого российского разведчика и дипломата в разработке замысла Оренбургской экспедиции. Более того, Тевкелев претендовал, и здесь с ним уже никто не спорил, на роль хранителя заветов Великого Петра, полученных из уст самого императора, относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления движения России на Восток.

Та форма, в которую вылился назревавший конфликт, была продиктована сложившимися обстоятельствами. Тевкелев не мог противодействовать Татищеву и тем более добиться его отстранения от дел Оренбургской комиссии, находясь в Самаре, но знал, что положение противника уязвимо при дворе в Петербурге.

Нет смысла отрицать устоявшееся в историографии утверждение о вражде к Татищеву Бирона. Однако это не означает прямо, что цели, преследуемые временщиком, с одной стороны, и недовольными Татищевым командирами комиссии, с другой, были тождественны. В этом неравном альянсе один преследовал личные выгоды и устранял принципиального противника окруживших трон иноземцев, другие в лице Тевкелева были озабочены положением дел на юго-восточной окраине и не нашли другого способа изменить политическую линию, проводимую фактическим наместником огромного края.

Придворные интриги, политические игры, оскорбленное национальное чувство, споры о стратегии и тактике утверждения России на новых рубежах, личные амбиции, корыстные интересы переплетались в причудливый клубок так называемого "дела Татищева". Плод этот, выращенный в петербургских канцеляриях, дурно пах, но это не причина для того, чтобы отказаться от вскрытия из-под гнилья наветов действительно принципиальных разногласий между активными деятелями освоения юго-востока России, в том числе по поводу роли и судеб Заволжья. Кроме того, анализ "дела Татищева" заметно обогащает фактическую сторону наших знаний по истории этого региона.

Тучи над Татищевым стали сгущаться летом 1738 г. в связи с замешком организации очередного похода в Оренбург. Промед-

ление в Самаре грозило новой вспышкой башкирского мятежа. Получением повстанцами помощи от недавно принявших русское подданство киргиз-кайсаков Малого Жуза. В изложении Рычкова все выглядело достаточно спокойно: "...Как скоро от тайный советник, от болезни своей получил свободу, то, хотя от бывшего тогда при комиссии денежного недостатка и многие восприятию похода были остановки и помешательства, однако числа июня в лагерь за Самару реку с командой перебрался, а числа действительно в поход выступил, не дождавшись многих в Нижнем и в Москве искупить и изготовить определенных, вещей, которые уже потом к нему были от оставленного от него в Самаре полковника Спичинского отправлены"⁸⁷.

На самом же деле поторопило Татищева с выступлением на прекращение болезни, а недовольство правительства. Начальники комиссии действительно сетовал "на великие во всем недостатки" и находил для похода "большое препятствие в том, что офицеров и рядовых очень много больных, чему причиною воздух и здешние серные воды". В ответ пришел грозный указ: "Что же доносит, якобы ваш поход остановился за неприсылкою денег, то когда провиант и ружья есть, то хотя б в прочем и недостаток был, за тем останавливаться и времени терять не надлежало, а вам известно, какой важности сие дело есть. Сим нашим указом вам накрепчайше подтверждаем, что всемерно надлежит вам со всею своею командою к Оренбургу поспешать без всякого отлагательства, а ежели над оным городом учинится гибель или людям урон, то особливо вы в том пред нами дадите ответ, ибо мы оную крепость отнюдь потерять не хотим"⁸⁸.

Татищев поспешил в поход, убедился, что в Оренбурге все благополучно, повстречался с правителем Малого Жуза, которого заставил подтвердить его подданство России, хотя хан долго не соглашался подписываться "рабом" императрицы. Все, казалось, складывается для Татищева удачно. Однако сам факт высочайшего выговора подсказал Тевкелеву, что в Петербурге по-прежнему ожидают от Оренбургской комиссии тех блестящих успехов и приобретений, которые обещал Кирилов, что там не только не потерпят очевидную неудачу, но и не простят упущенные возможности. Стало очевидным, что двор и правительство предпочитают на юго-востоке по-кириловски решительные действия, а не основательность и осторожность Татищева. Именно к оренбургскому походу 1738 года Рычков отнес проявление разногласий между двумя первыми лицами Оренбургской комиссии, когда Тевкелев "по разным делам возымел против

него (Татищева — Ю.С.) разные мнения с поступками и рассуждениями его, тайного советника, несогласные"⁸⁹.

В январе 1739 г. Татищев испросил разрешение выехать в Петербург для доклада о порученных ему делах. Команду над комиссией он поручил "присутствующим тогда в канцелярии оренбургской комиссии подполковнику Аксакову, от флота лейтенанту князю Белосельскому и премьер-майору Останкову", так как его первый помощник Тевкелев был отправлен в столицу еще раньше, а именно 30 ноября, будучи вызванным ко двору для встречи ожидавшегося "знатного персидского посольства", а также для "других азиатских дел"⁹⁰.

В Петербурге Тевкелев и впрямь пришелся "ко двору" врагов Татищева. Об этом недвусмысленно свидетельствует письмо графа М. Головкина Бирону от 11 марта 1739 г.: "Пред недавним временем изволила ваша светлость со мною говорить о Василье Татищеве, о его не порядках, и при том изволили мне предсказывать, что к тому пристойно, о том бы надлежащим порядком я представил, и в подобных таковых же случаях ее императорскому величеству и вашей светлости моим мнением служил; и по тому вашей светлости приказу, наведывался, какие его Василья Татищева неисправы и разведдал, что полковник Тевкелев вашей светлости о том доносил, того дня призывал я его, полковника, и о всем обстоятельно выпросил.., я из дела усмотрел два вида: 1, о не порядках, нападках и взятках Василья Татищева; 2, что он, Василий Татищев еще не поставил на мере, где Оренбургу быть пристойно, и по сему, что до первого вида касается, то необходимо надобно его, Василия Татищева, от тамошней команды отрешить и изследовать"⁹¹.

Так был дан ход "протесту" Тевкелева. К нему были присокуплены другие жалобы на Татищева, поданные полковниками И. Бардукевичем (его же рукой написан "протест" Тевкелева) и упоминавшимся выше Давыдовым, а также купцами Иноземцевым и Фирсовым⁹².

27 мая 1739 г. над находившимся в Петербурге Татищевым была создана следственная комиссия. Он был отстранен от дел и взят под домашний арест. Всего комиссия потребовала от Татищева ответа по 109 вопросам, но в основу обвинения лег именно "протест" Тевкелева из 28 пунктов⁹³.

Подавляющее большинство обвинений в адрес Татищева было опровергнуто или не доказано. Тем не менее комиссия сочла, что "тайный советник Татищев в неисправлении должности своей, в не порядочных поступках в противность указов и во

многих взяток, а бригадир Тевкелев и города Казани купец Семен Иноземцев в некоторых на него на тайного советника Татищева недоказательствах явились виновны, за что по силе указов и государственных прав и подлежали штрафам, но по мнению той комиссии... тех штрафов не положено"⁹⁴.

"Снисходительность" комиссии объяснялась переменами на престоле и устранением от власти многих прежних недоброжелателей Татищева. В 1741 г. приказано было приостановить работу следственной комиссии, ее мнения остались без утверждения. В том же году Татищев был назначен главным начальником Калмыцкой комиссии, а также губернатором в Астрахань, хотя по-прежнему оставался под следствием. В 1745 г. "дело Татищева" вновь подняли в Сенате, в результате чего он был смещен с губернаторского места и отправлен в ссылку в свои подмосковные деревни. Были подтверждены прежние выводы комиссии: доказательство вины по 17 пунктам, денежный начет в 4616 руб. 4 коп., необходимость вынесения приговора о лишении чинов и предании смертной казни с одновременной отмене этого приговора в силу объявленной амнистии"⁹⁵.

Большинство пунктов (№ 2, 5, 7-14), по которым Татищев признан виновным, касались взяток, подарков, злоупотреблений служебным положением. Обвинения по ним выглядят весьма сомнительно, а незаконные "доходы", если они и были получены, были весьма незначительны. Более существенными для характеристики административной деятельности Татищева являются те пункты (№ 1, 3, 4, 6, 15-17), которые вовсе не ставят ему в вину личную наживу. В них отмечены его просчеты во взаимоотношениях с казаками и башкирами, преследования подчиненных и потачка своим родственникам, нарушение законов и распоряжений правительства, неправильное расходование казенных средств"⁹⁶.

Среди пунктов обвинения есть и такие, которые связаны с деятельностью Оренбургской комиссии в Заволжье, а потому представляют для нас особый интерес. К их числу относится самый первый пункт заключения следственной комиссии, который имеет принципиальное значение. Речь идет о распоряжениях Татищева по обустройству штаба комиссии в г. Самаре.

Тевкелев неоднократно порицал татищевское "желание... ожить в Самаре, а не в Оренбурге", воспринимая это как доказательство отказа от возведения административного центра и символа "Новой России" на юго-востоке державы, забвения самой цели Оренбургской комиссии, намеченной в ее начале. Не

только из показаний Тевкелева, но и из объяснений Татищева и других источников действительно проглядывает стремление последнего прочно обосноваться в Самаре. В ней были построены новые дома для начальника комиссии и канцелярии. Первый из них состоял из девяти покоев и двух сеней, имел при себе погреб, поварню, амбары, конюшню, сарай, караульню и семь "подских изб". Здание канцелярии состояло из 6 покоев с сенями. На это строительство ежедневно, кроме воскресений и праздников, посылалось несколько десятков человек, в том числе ссыльных, солдат регулярных и ландмилицких войск, рекрут, артиллерийских служителей. Старый дом, где жил Кирилов, был расширен сооружением большой горницы. В его помещениях разместили аптеку и квартиры для доктора Грива и лекаря Родета⁹⁷.

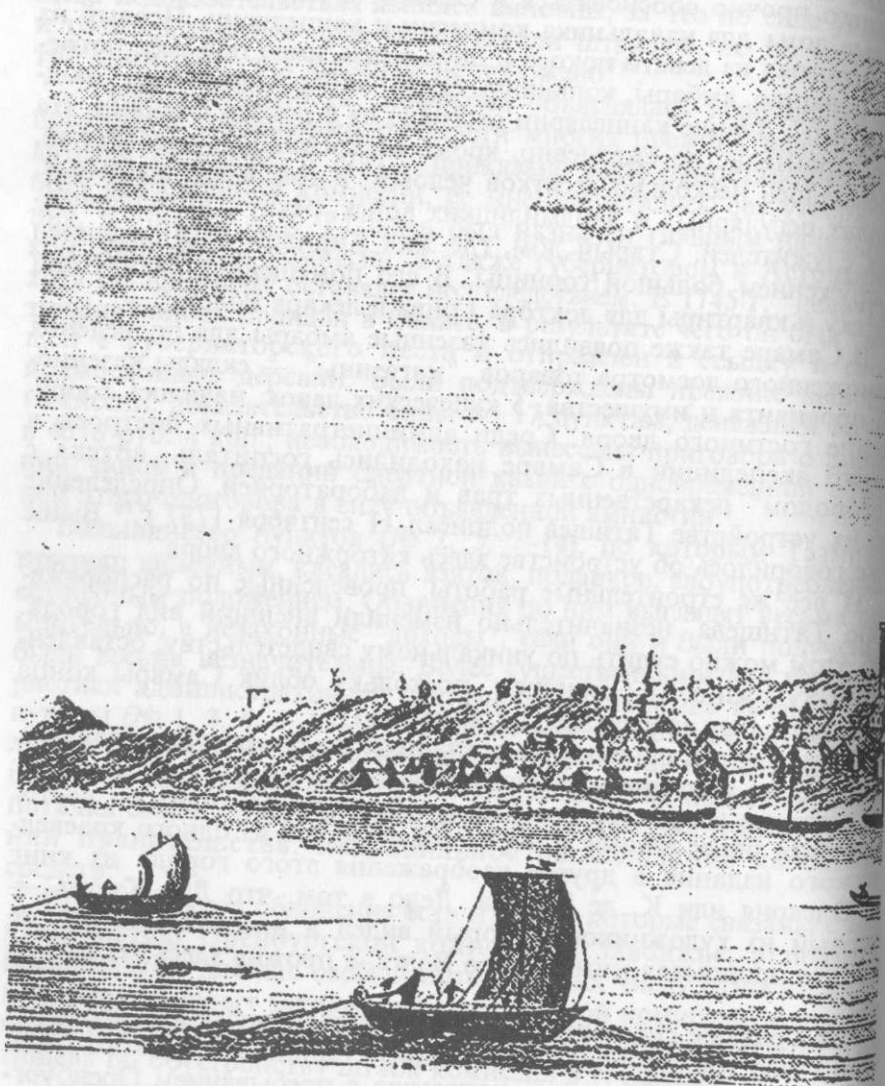
В Самаре также появились казенные амбары для проведения таможенного досмотра товаров, "магазины" — склады казенного провианта и имущества, 5 купеческих лавок, началось сооружение гостиного двора. Среди административных построек и служб экспедиции в Самаре находились госпиталь, аптека с "огородом" лекарственных трав и лабораторией. Определение об их устройстве Татищев подписал 11 сентября 1737 г.⁹⁸ Выше уже говорилось об устройстве здесь каторжного двора.

И все же строительные работы, проведенные по распоряжению Татищева, незначительно изменили внешний вид города. Об этом можно судить по уникальному свидетельству, оставленному художником-очевидцем, поскольку облик Самары конца 1730-х гг. был запечатлен Дж. Кэстлем.

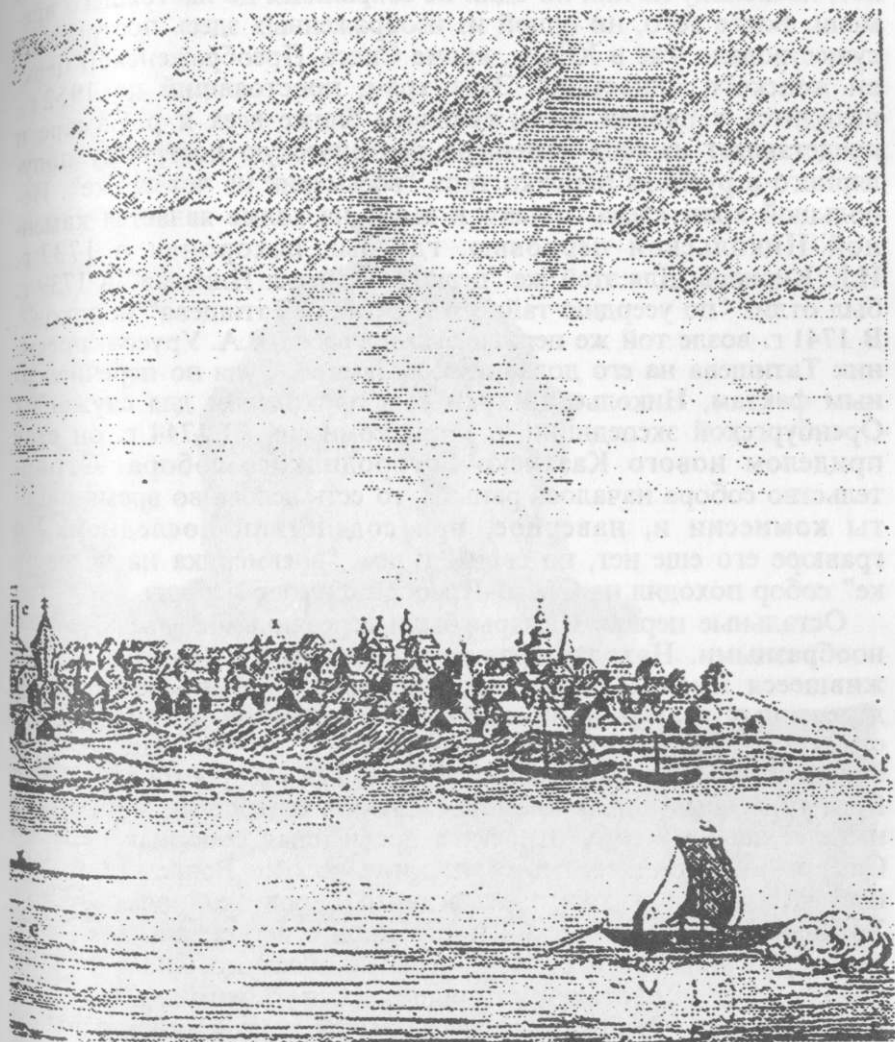
Нам удалось обнаружить сделанную по его рисунку гравюру, которая до сего дня не была использована ни в одной из работ по истории и архитектуре Самары, хотя превосходит по достоверности более ранние и перекочевывающие из одного краеведческого издания в другое изображения этого города из книг А. Олеария или К. де Бруина. Дело в том, что Дж. Кэстль — первый из художников, который видел и рисовал Самару, не просто проплывая мимо нее по Волге, а прожив здесь несколько лет.

На гравюре среди рядовой тесной жилой застройки бросаются в глаза традиционные для любого старинного русского города строения, не связанные напрямую с пребыванием Оренбургской комиссии. Это прежде всего каменные и деревянные храмы, а также крепостные сооружения начала XVIII в.

Церкви при всей схематичности изображения имеют индивидуальный облик, благодаря наглядно переданному виду их за-

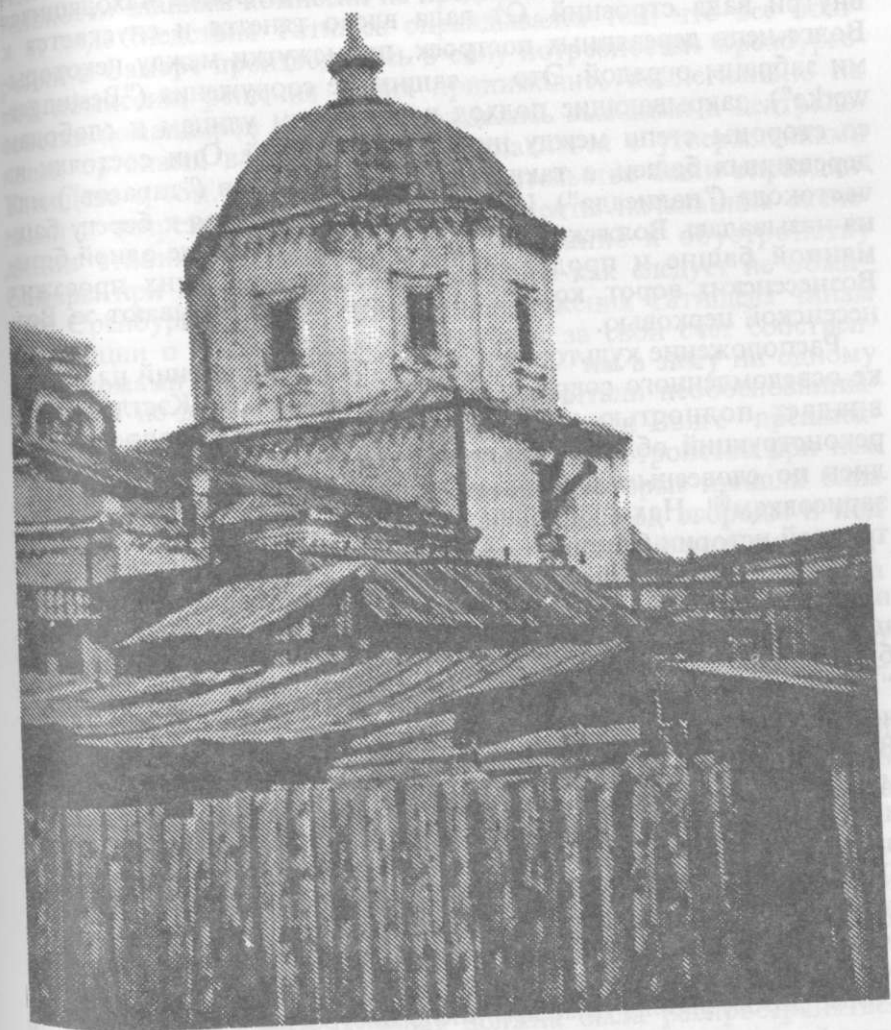
Город Самара — штаб Оренбургской экспедиции (гравюра

по рисунку Дж. Кэстля, вторая половина 1730-х годов)

вершений и колоколен. Гравюра дает единственную на сегодняшний день возможность представить себе храмы Самары тех лет, поскольку из них ни один не сохранился до настоящего времени. Более того, ни одной из изображенных здесь построек не существовало уже в XIX в., кроме Спасо-Преображенской церкви женского монастыря. Этот храм, простоявший до 1952 г., находится в правой части гравюры ближе всех к р. Самаре и представляет из себя каменную центрическую постройку популярного в русском барокко типа "восьмерик на четверике". Небольшой храм слева от него и выше на холме является каменной Никольской церковью, где был похоронен в 1737 г. И.К. Кирилов. Для этой же "церкви святителя Николая" в 1739 г. был отлит "по усердию тайного советника Татищева" колокол⁹⁹. В 1741 г. возле той же церкви был погребен В.А. Урусов, преемник Татищева на его должности в Самаре. Судя по перечисленным фактам, Никольский храм был приходским для служащих Оренбургской экспедиции, а затем комиссии. В 1744 г. он стал приделом нового Казанско-Богородицкого собора. Строительство собора началось раньше, то есть велось во время работы комиссии и, наверное, при содействии последней. На гравюре его еще нет, но своим типом "восьмерика на четверике" собор походил на Спасо-Преображенскую церковь.

Остальные церкви Самары были деревянными и весьма разнообразными. Находка гравюры, к счастью, опровергает сложившееся мнение о том, что "воскресить ныне облик этих деревянных храмов не представляется возможным ввиду отсутствия их графических изображений"¹⁰⁰. На переднем плане близ берега Волги можно увидеть все основные распространенные на Руси типы деревянных храмов: клетский, шатровый, многоярусный. К первому типу относится древнейшая соборная церковь Самары — Троицкая, что стоит ниже всех по Волге в древнейшей части города там, где когда-то находился кремль XVI-XVII вв. Похожей клетской постройкой с легкой шатровой колокольной является и одна из церквей мужского Спасо-Преображенского монастыря, помещенного художником почти в центр рисунка. Рядом с ней возвышается другой монастырский храм, увенчанный очень высоким деревянным шатром. В левой части гравюры видна ярусная (два уменьшающихся кверху восьмерика на четверике) Вознесенская церковь и при ней еще одна шатровая колокольная. Церковь расположена почти на самом краю жилой застройки в пределах одноименной Вознесенской слободы.

Из крепостных сооружений особенное впечатление производит возвышающаяся над городом сторожевая башня, названная художником "Wachthurm". Ее можно сопоставить с известной по описаниям Самары "обвахтой" (от немецкого "обервахта" или "гауптвахта"), стоявшей у проезжих ворот крепости. Действительно, за этой башней-караульней на гребне холма виден земляной вал городской цитадели, поставленной за пределами жилых кварталов. Над ним выглядывают кровли находящихся внутри вала строений. От вала влево тянется и спускается к Волге цепь деревянных построек, промежутки между некоторыми забраны оградой. Это — защитные сооружения ("Bestungswerke"), закрывающие подход к городским улицам и слободам со стороны степи между цитаделью и рекой. Они состояли из деревянных башен, а также стен в виде срубов ("тарасов") или частокола ("палисада"). Известно, что ближайшая к берегу башня называлась Волжской. От нее палисад шел к еще одной безымянной башне и продолжался далее до городских проезжих Вознесенских ворот, которые на рисунке проглядывают за Вознесенской церковью.

Расположение культовых и крепостных сооружений на рисунке осведомленного современника, каким был Дж. Кэстль, не совпадает полностью ни с одной из известных современных реконструкций облика города в XVII–XVIII вв., которые делались по словесным описаниям или по сомнительной точности зарисовкам¹⁰¹. Находка гравюры требует доработки градостроительной истории Самары.

В свою очередь, подтверждением достоверности рассмотренного изображения является краткое описание Самары, сделанное буквально в те же годы одним из сотрудников Оренбургской комиссии и внесенное в текст кириловской рукописи "Цветущее состояние". Это описание вполне подошло бы в качестве подписи к рисунку Кэстля: "Город Самара. На берегу Волги и Самары реки. У Волги влеве, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал землею и была деревянная городьба, коя почти уже разсыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная (Троицкая — Ю.С.) и одна приходская (Вознесенская — Ю.С.) и два монастыря, мужской и женской; канцелярия и воевоцкой дом деревянные... Ныне в том городе оренбургского командира дом и прочаго строения канцелярия, сарай, служительские казенные дома, школы немалым число построены"¹⁰².

В отличие от церквей и укреплений, гражданские строения общественного назначения или отдельные жилые дворы на гравюре никак не обозначены и графически ничем не выделяются из рядовой застройки. Можно сделать вывод, что особым размахом казенное и частное строительство в Самаре при Татищеве не отличалось. Оно исходило из узких практических нужд. Излишних усилий на придание представительности и выразительности зданиям комиссии не предпринималось.

В ходе следствия Татищев оправдывался тем, что все постройки в Самаре производились в силу потребностей Оренбургской комиссии, решения о них принимались коллегиально на советах командиров края и утверждались высшими и центральными органами власти. Можно согласиться с утверждениями Татищева о том, что затраты на строительство были оправданными и нечрезмерными. Однако оппоненты начальника экспедиции ставили ему в вину само внимание к обустройству Самары при нерадении к судьбе все еще как следует не обжитого Оренбурга. Их раздражали распоряжения Татищева чинам экспедиции о обязательном обзаведении за свой счет собственными домами в Самаре под угрозой, что "им в зиму ни одному квартиры не дастся". Кроме того, они считали необоснованными пробивку через старую застройку города к Волге "перспективы улицы" от нового дома начальника и устройство при нем сада: "А у самарских обывателей дворы, которые пришли близ тех строений, отняты и хоромы розломаны под огороды и под перспективу улицу, и оное без государственной пользы народное разорение чинено напрасно." Татищев, правда, возражал на данный упрек тем, что горожане получили за свои дома и дворовые места компенсацию деньгами и новыми участками, но это же оборачивалось против него обвинением в напрасной трате казенных средств¹⁰³.

Стремясь поладить с самарскими жителями, Татищев пошел навстречу городской общине в болезненном для нее вопросе о винных откупах. Местные купцы "со слезами просили" отдать им право на продажу вина в ближние городки Красносамарский, Бузулуцкий, Сорочинский, потому что у них от низких доходов накопилась "великая" недоимка по казенным податям и многие из-за того "держатся под караулом". Татищев отдал эту продажу "на год на имя Рукавкина", самарского купца¹⁰⁴.

Тевкелев считал данное решение Татищева нарушением привилегии г. Оренбургу, которая должна была распространяться на новопостроенные крепости и предусматривала вольный торг

вином. Татищев же утверждал, что оренбургские привилегии не касаются других городков, а тем более близких к Самаре, в которой будет подорвана казенная винная монополия привозом более дешевого товара из крепостей.

Следственная комиссия повернула вопрос в другом ключе, нежели его ставил Тевкелев. Татищев был обвинен не в чрезмерном расширении действия винной монополии, а в том, что в 1739 г. передал откуп в трех новых городках от Матвея Рукавина симбирскому купцу Алексею Издеберскому с уменьшением годового платежа в казну на 50 рублей¹⁰⁵.

За кажущимися мелочными счетами противников, в том числе по строительной части или винным откупам в Самаре, вырисовывается картина противостояния не только тактических, но и стратегических линий в юго-восточной политике империи. То, что сторонникам решительных действий казалось лишь промежуточным шагом (укрепление рубежей по Яику и Самаре, умиротворение Башкирии, заселение Заволжья и Приуралья, развитие там торговли и городов и т.д.), для приверженцев более осторожной линии являлось достаточной и конечной задачей.

В пылу спора широкомасштабные замыслы Кирилова и его продолжателей, не лишенные определенной романтики, выставилась Татищевым авантюрой, сопряженной с личной корыстью и небрежением казенных затрат. В свою очередь жесткий прагматизм и расчетливость Татищева трактовались оппонентами как трусость, вызванная желанием избежать опасностей решительных действий и тягот походной жизни. Каков бы ни был результат следствия, чья бы карьера ни ставилась под удар, спор по существу решался не петербургскими интригами, а обстановкой в далеких степях. А пока что доказать свою правоту не сумели или не успели ни скоропостижно умерший Кирилов ни затравленный врагами Татищев.

Татищев, правда, не ушел полностью от заволжских дел и оставался к ним причастным, пребывая во главе Астраханской губернии и Калмыцкой комиссии в 1741–1745 гг. Научные контакты с деятелями Оренбургской комиссии, а затем губернии, особенно с Рычковым, он поддерживал и позже.

Определенным успехом в арьергардном бою, данном Татищевым своим заволжским недоброжелателям, можно считать то, что из никто из тамошних командиров не стал его преемником во главе Оренбургской комиссии. Уже отданный под следствие, он заявил Кабинету 29 мая 1739 г., "что для строения г. Оренбурга и других крепостей по Яику и селения тамо ландмилиции

такого человека, кому бы оное поручить, там нет"¹⁰⁶. Это мнение было учтено правительством. Основными фигурами в освоении Юго-востока Европейской России стали иные люди, которым предстояло извлекать уроки из успехов и неудач как Татищева, так и Кирилова.

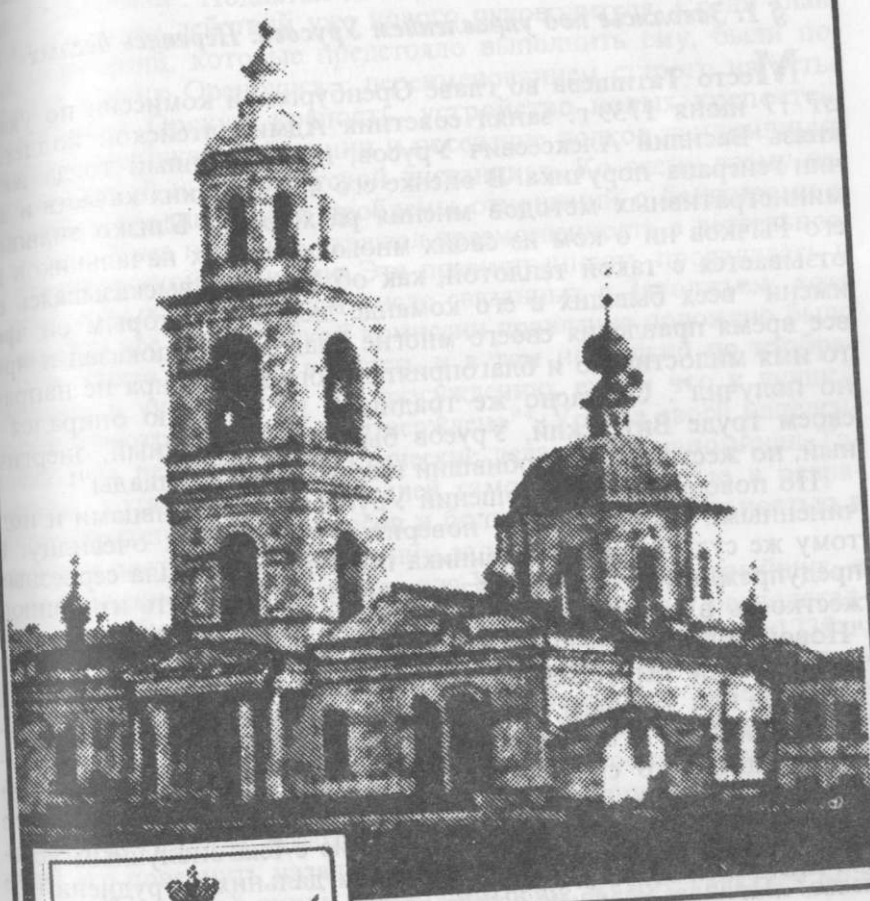
ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 16, 28.
- ² Цит. по: Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889. С. 162.
- ³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 308–318.
- ⁴ Попов Н. В.Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 177.
- ⁵ Сборник РИО. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 28, 50–51.
- ⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. X. М., 1993. С. 578; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 об.
- ⁷ Попов Н. В.Н. Татищев. С. 182; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 153.
- ⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 584; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–26 об.
- ⁹ Сборник РИО. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 502.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 об.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 12–13.
- ¹² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 и об., 21.
- ¹³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. Приложения.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 13 об.
- ¹⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 585.
- ¹⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 587.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 32, 59 об.
- ¹⁸ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 31.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 31; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 321.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 36 об.; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.
- ²¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об., 33 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 40; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 586.
- ²² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 38 об.
- ²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 8 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 273–274.
- ²⁵ Попов Н. В.Н. Татищев. С. 191.
- ²⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 588–589.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 191.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.

- 29 Смирнов Ю.Н. Изучение языков народов Поволжья в школах Оренбургской комиссии // Самарская область: Этнос и культура. 1996. № 2. С. 18.
- 19 30 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 38, 42.
- 31 Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов (географ XVIII в.). М.-Л., 1964. С. 103, 130; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 38 и об.
- 32 Рычков П.И. История. С. 28; Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Ч. 1. Самара, 1991. С. 46.
- 33 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.; Л., 1950. С. 86.; Рычков П.И. История. С. 32.
- 34 Рычков П.И. История. С. 34.; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 1. 161.
- 35 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 41 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. 317. Л. 453.
- 36 РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 10; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. 34 об.
- 37 Сборник РИО. Т. 120. Юрьев, 1905. С. 392; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. 312. Л. 41 об.
- 38 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 36; Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 23 об.; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 101. Л. 10–11, 18 об.
- 39 РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1069.
- 40 РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1069 об.
- 41 РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1072 об.
- 42 Рычков П.И. История. С. 41–42.
- 43 Рычков П.И. Топография. С. 78–79.
- 44 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12; Витевский В.Н. Указ. соч. 1. 3. С. 510–512; Рычков П.И. Топография. С. 80.
- 45 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 об., 25 об.; Сборник РИО. Т. 117. С. Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 511.
- 46 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.
- 47 Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 512; Рычков П.И. Топография. С. 81.
- 48 НА РГО. Раз. № XXXVII. Д. 39. С. 32–33; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. 11. Л. 174 об.
- 49 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 62; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. 5 об.; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 516.
- 50 Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 516–517.
- 51 РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 316.
- 52 РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 314, 331
- 53 Сборник РИО. Т. 124. Юрьев, 1906. С. 466–467.
- 54 РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 101. Л. 14 об.
- 55 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 98 и об.
- 56 Сборник РИО. Т. 117. С. 711.
- 57 РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об. – 176.
- 58 РГАДА. Ф. 248. Д. 1159. Л. 14 об.
- 59 РГАДА. Ф. 342. Оп. 2. Д. 3608. Л. 142.
- 60 ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 109–111; Сборник РИО. Т. 117. С. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 181 об. – 182.

- ⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 182-184.
- ⁶² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 181 об.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 181; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 310. Л. 208.
- ⁶⁴ Попов Н. В. Н. Татищев. С. 263.
- ⁶⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 47-47 об.
- ⁶⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.
- ⁶⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 47 об.
- ⁷⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 51 об.
- ⁷¹ Попов Н. В. Н. Татищев. С. 155-156.
- ⁷² Лавринов Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 гг. и первые годы существования: Автореф. дис.. канд. ист. наук. Воронеж, 1990. С. 20.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 189 об.; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 313. Л. 9; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 32 об.; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. X. С. 586.
- ⁷⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 186 об., 187 об.; РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 21. Л. 197 об.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 187-187 об.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 189.
- ⁷⁸ Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730-1741. Riga, 1784. S. 102.; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 32 об.
- ⁷⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 75 об.; Русский Биографический словарь. [Т.3]. Спб., 1908. С. 651-652.
- ⁸⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 38 об.
- ⁸¹ Витевский В. Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 154.
- ⁸² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. X. С. 585.
- ⁸³ Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981. С. 254-255
- ⁸⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 6 об., 16 об.
- ⁸⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 35 об.-36.
- ⁸⁶ Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13. С. 16.; Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 18.
- ⁸⁷ Рычков П. И. История. С. 33.
- ⁸⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. X. С. 590-591.
- ⁸⁹ Рычков П. И. История. С. 42.
- ⁹⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 58.; Рычков П. И. История. С. 42.
- ⁹¹ Попов Н. В. Н. Татищев. С. 203.
- ⁹² Попов Н. В. Н. Татищев. С. 204; Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1887. С. 156.
- ⁹³ Кузьмин А. Г. Татищев. С. 254-257.
- ⁹⁴ Пекарский П. Жизнь Рычкова. С. 156-157.
- ⁹⁵ Пекарский П. Жизнь Рычкова. С. 157-159; Кузьмин А. Г. Татищев. С. 257, 300.

- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 807. Л. 6-8.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 19, 20 об., 39, 41, 42.
- ⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 317. Л. 451-452 об.
- ⁹⁹ Казанско-Богородицкий старый собор в г. Самаре: 150-летие его существования (1744-1894). Самара, 1894. С. 7.
- ¹⁰⁰ Жуков А.Н., Мельникова Н.В. Культурное зодчество Самары // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 212.
- ¹⁰¹ Ср.: Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI-XVIII веках // Краеведческие записки. Куйбышев, 1971. Вып. 2. С. 14; Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары: Очерки истории градостроительства. Куйбышев, 1986. С. 59-60, 66, 77.
- ¹⁰² Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 31, 43.
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 163 об.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 807. Л. 7.
- ¹⁰⁶ Сборник РИО. Т. 126. Юрьев, 1907. С. 515.

Глава 3. ИСПОЛНЕНИЕ НАЧИНАНИЙ

§ 1. Заволжье под управлением Урусова. Перепись беглых

Место Татищева во главе Оренбургской комиссии по указу от 17 июня 1739 г. занял советник Адмиралтейской коллегии князь Василий Алексеевич Урусов, произведенный тогда же в чин генерала-поручика. В оценке его человеческих качеств и административных методов мнения расходятся. Близко знавший его Рычков ни о ком из своих многочисленных начальников не отзывается с такой теплотой, как об Урусове, высказываясь от имени "всех бывших в его команде людей, к которым он чрез все время правления своего многие благодеяния показал и чрез то имя милостивого и благоприятельного командира не напрасно получил". Согласно же традиции, на которую опирался в своем труде Витевский, Урусов был "человек умный, энергичный, но жестокий, не любивший никому давать пощады"¹.

По поводу взаимоотношений Урусова с сослуживцами и подчиненными скорее можно поверить Рычкову как очевидцу. К тому же судьба предшественника по должности была серьезным предупреждением всякому, кто пожелал бы проявить излишнюю жесткость в отношении командиров и чиновников заволжской "Новой России".

Урусов не был столь яркой и разносторонней фигурой, как Кирилов или Татищев, оставившие след в отечественной культуре. Значимость его государственной деятельности уступает делам пришедшего ему на смену Неплюева. Однако по мнению Рычкова, Урусов в "произведении порученных ему дел такое имел счастье, что каждое его начинание с благополучным успехом в действо происходило и ни в чем дальних затруднений не было". Правда, удача не всегда сопутствовала Урусову, которому так и не удалось вслед за Кириловым и Татищевым по-настоящему утвердить Оренбург. Но в глазах современников это компенсировалось успешным решением других вопросов, доставшихся ему в наследство от прежних начальников комиссии. Главными из них, считает Рычков и ставит по значению рядом, были подавление башкирского восстания и "начатое им поселение гарнизонных и ландмилицких полков, которые... на фундаментальное поселение в новые крепости были расположены"².

Доставшееся от предшественника наследство во многом определило последующую деятельность начальника Оренбургской комиссии. Своеобразным административным "завещанием" стал указ Урусову от 20 августа с резолюциями на доклад, поданный

еще Татищевым³. Поднятые последним вопросы, таким образом, легли в основу действий уже нового руководителя. Среди главных поручений, которые предстояло выполнить ему, были постройка нового Оренбурга с переименованием старого на устье реки Ори в Орскую крепость, устройство новых крепостей, упразднение Закамской линии и поселение полков ландмилиции на Самарской и Оренбургской дистанциях. Ко всему этому добавлялись традиционные проблемы отношений с башкирами и казаками. Указ наглядно отражал преемственность в деятельности Оренбургской комиссии. Эта преемственность проявлялась и в конкретных делах, в том числе связанных с Заволжьем, хотя "в прочем все оренбургской комиссии правление положено было на его, князя Урусова, верность и в том не только по изображенному в указе, но по его разсуждению, ежели что к лучшей пользе усмотрит, чинить подтверждено"⁴. Урусов своей нацеленностью на реальные и практические дела также напоминал Татищева, хотя отличался меньшей самостоятельностью в разработке стратегических вопросов и большей исполнительностью в решении поставленных перед ним задач.

Заволжские дела оставались для Урусова среди важнейших, а штаб Оренбургской комиссии при нем по-прежнему располагался в Самаре, куда новый начальник прибыл 17 августа 1739 г. Но пример Татищева подсказывал Урусову, что надолго здесь засиживаться не стоило. С завидным рвением уже "с первых чисел сентября отправился он из Самары с легкой командой в намерении, чтоб ему дойти до Оренбурга и, осмотря всю ново-застроенную линию, тем в наилучшее сведение и разсуждение вступить." Ранние морозы и слухи об опасной эпидемии вынудили его повернуть назад от Татищевой крепости. Но все крепости по Самарской линии были осмотрены, из них Тевкелев Брод было решено перенести на новое место⁵.

Урусов перенес основную тяжесть фортификационных работ на устройство новой линии от Оренбурга до Верхнеяицкой крепости и далее до Челябинска и до Уйской крепости. Но при нем не оставалась без внимания и Самарская дистанция. Вблизи нее, чтобы обеспечить безопасность провиантских обозов, на р. Кутлуке в 25 верстах от Борской крепости по тракту на Сергиевск была основана "крепостца", куда поселили роту ландмилицкого Сергиевского полка. Впоследствии это укрепление как находившееся в стороне от пограничной линии и ненужное было покинуто. В 1741 г. на новое место перенесли Ольшанскую крепость.

Причиной стали высокие весенние разливы р. Самары, которые затопляли первоначальное место поселения здешних казаков⁶.

Для экономии времени, сил и средств Урусов добился разрешения "на первый случай" строить по р. Самаре крепости "не регулярные", то есть "с одними редантами и от внешних сторон чтоб был ров с крутостями, а за ним вал с брусверками и внутреннюю крепостию". Хотя Урусов утверждал, что здесь против кочевников "регулярные" укрепления, возведенные по всем правилам фортификации, не нужны вовсе, ему предписывалось со временем "их помалу строить по надлежайшей регуле"⁷.

29 сентября 1739 г., после того как казахи дважды за лето разбили и ограбили торговые караваны на Московской дороге, Урусов издал определение об охране купцов, которым отныне предписывалось "как из Самары в Оренбург, так из Оренбурга в Самару ездить непорознь, но компаниею и небезоружейно". Компании должны были даже обзавестись легкими пушечками и содержать по 2 пушкаря. Командиры же крепостей должны "таким купеческим компаниям, буде опасности известны будут, объявлять и, когда они будут требовать провожатых, то давать ис казаков оружейных крепость до крепости от дватцети до тритцети человек конных и бесконных, которым за такое провожание платить от компаней по деньге на версту, а безлошадным вполы." Первоначально были назначены три срока сбора таких компаний в июне, начале августа и сентябре, а затем к ним добавили два зимних срока в декабре и марте⁸.

От кочевых набегов не было спокойно и в месторасположении штаба Оренбургской комиссии. Перед Военной коллегией в 1740 г. был поставлен вопрос о ремонте укреплений и усилении гарнизона г. Самары. Непосредственной причиной тому стали нападения калмыков и других "воровских людей" на окрестности Самары и Алексеевска, другие селения Самарского уезда, неоднократно повторявшиеся в мае, июне, июле этого года и закончившиеся угоном скота местных жителей, а также захватом некоторых из них в плен. Летом следующего года Оренбургская комиссия вновь предупреждает самарскую ратушу, обитателей Алексеевска и деревень по обеим сторонам Волги о предосторожности от набегов казахов и калмыков⁹.

Кочевники были не единственной угрозой спокойствию и порядку в крае, где привычным оставался разбой на волжском пути. 22 мая 1740 г. едва спасшийся от гибели ставропольский комендант, которым по-прежнему оставался Змеов, сообщал: "В урочище де пониже села Винновки напала на него на Волге реке

разбойническая партия человек с 80 и больше, от которых он, Змеов, с командою едва с немногими людьми отшел отводом, а других у него многих побили до смерти". Самарский воевода Новиков в связи с этим жаловался, что в его ведении для службы по городу и уезду, в том числе на охрану путей сообщения, остались только отставные чины, а все служащие дворяне и казаки находятся в посылках от Оренбургской комиссии¹⁰.

Хотя самарские и алексеевские казаки в целом не подчинялись напрямую Урусову, но для нужд комиссии их действительно использовали постоянно. Большой расход людей требовал пополнения. Было обращено внимание на команду из 60 самарских казаков, находившихся в Нижнем Поволжье при калмыцких делах. Эти казаки, утверждал Урусов, "Оренбургской комиссии необходимо надобны для всегдашних походов и партий". Он настаивал на скором решении этого вопроса, поскольку казаки "чрез долговременное отлучение от домов своих, приходят в великое оскудение и бедность, отчего все они, ежели от той калмыцкой комиссии уволены не будут, могут чрез краткое время притти в такое несостояние, что для Оренбургской комиссии употреблены быть не могут". В результате самарские и алексеевские казаки, которые "напред того с переменою служили у калмыцких дел" в команде царицынского коменданта полковника Кольцова, были переведены на службу в родные места. Вместо них в калмыцкой степи велено "по близости быть при том волским и хоперским казакам". Также осталось без исполнения решение, принятое еще Татищевым и подтвержденное в указе 21 января 1739 г., вывести из Самары казаков и других городских служилых людей и "поселить ниже казачьего Яицкого городка"¹¹.

Кроме военной службы, казаков широко привлекали к самым различным делам по нуждам комиссии. 23 января 1740 г. именным указом утверждалось предложение Урусова "о козаках, чтоб им в службе и в гонбе подвод и иных" быть "по учиненному росписанию". В том же указе содержалось предписание "о заплате казакам заработных денег за казенные работы по плакату"¹², то есть по расценкам, которые были предусмотрены законом для оплаты труда приписных и иных крестьян на работах, выполняемых в порядке государственной повинности.

Службы и работы казакам "новопоселенных" крепостей Самарской линии прибавлялось, а вопрос о беглых среди них по-прежнему оставался нерешенным. В указе от 20 августа 1739 г. от Урусова, как ранее от Татищева, потребовали "для поселения

в крепостях великороссийских людей и крестьян впредь не принимать, а которые доньше приняты и в крепостях поселены помещиковы, тех возвратить помещикам, а вместо того набрать и поселить в тех крепостях из городских Казанской и других губерний старых служб служилых людей...", а также "к тому для поселения принимать вам из черкас", то есть украинцев¹³.

Первоначально, только что прибыв в г. Самару, Урусов донес, что "о населении новых, поставленных по Самаре и Яику рекам и в других местах крепостей усматривает он способы, непротивные указам", то есть нормам крепостного права. Он предполагал заселять укрепленную линию "из яицких казаков и уфимских мешеряков и другими охотниками" и только просил, "чтоб в Малую Россию и в Казанскую и Сибирскую губернии о неудержании таковых охотников подтвердить из Кабинета особливými указами и об определении желающих на пашню и о снабдении оных и прочем"¹⁴.

Однако спустя совсем немного времени Урусов при всей своей исполнительности встал в данном вопросе на сторону опального Татищева. После получения конкретного указания о высылке беглых из крепостей он определил: "Ныне паки объявить, что в том обстоит разные затруднения, в чем сослатца на оное прежнее всеподданнейшее доношение (Татищева — Ю.С.), представя, что все зачатое, доколе ... на места их сысканы будут городовые служилые люди, запустеет, ибо казаки в них почти все такие (беглые — Ю.С.). И, как в нынешней ево, генерал-лейтенанта, проезд усмотрено, жилищами несколько уже утвердились, пашнею заводятся, а иные уже совершенно завелись и обселись, и крепости караулами и работами содержат." Урусов предложил крестьян помещикам не возвращать, а зачесть их как взятых в рекрутский набор. Иначе, предупреждал он, не только сейчас, но и впредь нет надежды, что удастся заменить этих беглых служилыми людьми¹⁵.

На сей раз такие аргументы на правительство подействовали, может быть, потому что шли не от Татищева, подозреваемого в нелояльности, а от другого начальника Оренбургской комиссии. В указе Урусову от 23 января 1740 г. требование о немедленной высылке беглых было снято, "а розвозить на прежния жилища казаков за представленными от генерала-лейтенанта князя Урусова резонами... не повелено", но с таким условием, чтобы всех их переписать с обязательным указанием подлинного происхождения под угрозой возвращения бывшим владельцам за дачу ложных показаний¹⁶.

Кириловым "в регулярные и другие службы" было зачислено "сходцев" 5154 человек мужского пола. Большинство из них были поверстаны в казаки, перепись которых была проведена весной 1740 года¹⁷.

Переписью были охвачены 18 крепостей, подведомственных Оренбургской комиссии, в том числе в Заволжье. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождение переселенцев. Список прежних мест жительства беглых был очень широк. В Бузулукской крепости, например, переписаны выходцы из 36 уездов России. Схожая картина наблюдалась и в других крепостях. В большинстве селений свыше половины "сходцев" пришли из Симбирского, Нижегородского, Алатырского, Пензенского и других уездов Среднего Поволжья. Лишь в крепостях Исетской провинции преобладали выходцы с Урала и из Сибири. Сословный состав "сходцев" также был неоднородным¹⁸.

Для нас особо интересными являются данные по крепостям Самарской и Яицкой линий без учета Зауралья. Эти результаты были подсчитаны и в свое время даже опубликованы.¹⁹ Как ни странно, нам не пришлось встретить хотя бы одну ссылку на них ни в литературе по заселению Заволжья и Приуралья, ни в работах, посвященных истории казачества. Поэтому эти материалы частично воспроизведены ниже с уточнениями, полученными нами при сверке их с подлинным архивным делом.

Сведения собирались от глав семейств, "настоящих казаков", как называет их перепись, хотя в сказках сообщаются известия и об их женах, детях и живущих с ними других родственников. Всего в 14 крепостях по Самаре и Яику перепись насчитывает 2097 "настоящих казаков", 1567 чел. их родни мужского и 2343 чел. женского пола. Социальное происхождение жены и место ее родины определяются по мужу и, следовательно, не всегда соответствуют действительности. То же можно сказать о детях и боковых родственниках. В целях достоверности в подсчетах приходилось пользоваться только данными о "настоящих казаках", которые оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков и других территориальных единиц.

Распределяя беглых по местностям, откуда они родом, на первый план следует поставить Среднее и Нижнее Поволжье, где встречаются и самые крупные поуездные цифры (далее приводятся уезды и города, а затем число "настоящих казаков", из них происходящих): Симбирский — 257 чел., Нижегородский — 152, Казанский — 105, Самарский — 63, пригород Алексеевск —

4, Сызранский — 17, пригород Кашпир — 6, Свяжский — 14, Саратовский — 12, пригород Петровск — 11, Чебоксарский — 10, Починковская волость — 9, Курмышский — 5, г. Астрахань — 4, г. Биярск — 3, Тетюшский — 2, гг. Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин — по 1, а всего 678 чел.

За этой группой следует поставить уезды и города по бывшим пограничным чертам, соединявшим центр России с волжским Правобережьем. Здесь также встречаются довольно крупные цифры: Алатырский — 102 чел., Пензенский — 98, Арзамасский — 79, Саранский — 58, Керенский — 24, Ломовский — 14, Инсарский — 11, Кадомский — 6, Норовчатский — 5, Карсунский — 2, г. Мокшан — 1, а всего 410 чел.

Преобладание выходцев из Поволжья и местностей, расположенных между средней Волгой и старинными русскими областями, вполне понятно. Это был ближайший к Оренбургской пограничной линии край, где в XVIII в. уже было значительное оседлое население. Однако относительная величина цифр объясняется здесь еще другим обстоятельством. Через указанные районы проходили в XVIII веке беглецы из внутренних областей государства. Нередко оказывалось, что родители беглых сами были "сходцами", жили далее к западу и мы имеем дело с переселением из внутренних областей государства, хотя и более медленным.

Отец казака А.Т. Резвякова из ямщиков г. Касимова ушел в Алатырский уезд к помещику Акинфому, где и родился его сын, позднее "не похотевший" жить у Акинфова и "сошедший" в Самару, где находилось руководство Оренбургской комиссии. Казак Д.Г. Стрельцов, отец которого был в Москве стрельцом, родился уже в Нижнем Новгороде, откуда перешел в Пензенский уезд, а потом на Оренбургскую линию.

Таким образом, часть выходцев из Поволжья могла быть отнесена на долго центральных уездов и городов России, которые, впрочем, и сами по себе дают довольно значительные цифры: Костромской — 38 чел., Балахнинский — 21, Пошехонский — 19, Ярославский — 8, Галицкий — 6, Кашинский — 6, Юрьевецкий — 5, Романовский — 5, Устюженский — 5, Углицкий — 5, Унженский — 2, Кинешмский — 1, Тверской — 1, г. Судиславль — 1, Муромский — 39, Переяславский-Рязанский — 16, Касимовский — 16, Скопинский — 9, Коломенский — 9, Пронский — 6, Темниковский — 4, Михайловский — 4, Каширский — 3, Калужский — 2, Сапожковский — 2, Тульский — 1, Елатемский — 1, Суздальский — 69, Владимирский — 57, Московский

— 22, Переяславский-Залесский — 18, Ростовский — 14, Гороховецкий — 12, Вязниковский — 6, Луховский — 6, Юрьев-Польский — 6, Дмитровский — 1, Звенигородский — 1, а всего из центральных областей 458 выходцев.

Несомненно, большое количество уроженцев местностей по Оке и верхней Волге указывает, какое значение имели в передвижении населения речные пути. Большое число беглецов из уездов, не примыкавших прямо, но близко подходивших к Оке и к Волге или же расположенных по их притокам, подчеркивает последний раз это значение.

Далее идут выходцы из Слободской Украины — 139 чел., к которым следует добавить и украинцев из бывшей Гетманщины в количестве 55 человек. Украинцы единицами встречаются почти во всех крепостях, но лишь в Илецкой крепости на Яике они составляли большую компактную группу. За ними следуют русские казачьи центры, Дон (47 чел.) и Яик (105 чел.) с Сакмарским городком (2 чел.), а вместе — 154 самовольных переселенца в Оренбургский край. На следующем месте стоит соседний с Оренбургской линией Уфимский уезд, давший 71 чел., преимущественно нерусского происхождения.

Север, вместе с Новгородским краем и Прибалтикой представлен 46 выходцами, распределяющимися по уездам следующим образом: Вологодский — 17 чел., Белозерский — 7, Новгородский — 5, Олонецкий — 5, Великоустюжский — 3, Важский — 3, Тотемский — 2, Петербургский — 1, Псковский — 1, Каргопольский — 1, Ревельский — 1. Весьма немного “настоящих казаков” назвали своей родиной уезды Тамбовского и Воронежского краев (50 чел.), а также Прикамья (11 чел.), имеющие свои ближайшие выходы на вольные земли Юга и Сибири: Шацкий — 17 чел., Тамбовский — 13, Рязский — 3, Козловский — 2, Борисоглебский — 1, Воронежский — 5, Елецкий — 5, Ливенский — 3, Рылский — 1, Кунгурский — 4, Хлыновский — 3, Пермский — 1, Яранский — 1, Елабужский — 1, Кайгородский — 1.

Общая картина завершается далекой Сибирью — 9 чел., полусамостоятельной Калмыцкой ордой — 8 чел., а также Смоленской землей (2 чел.) и Речью Посполитой (10 чел.). Выходцы с западной окраины Империи, как мы видим, еще более редки, чем с южной, поскольку тогдашние польские владения сами привлекали к себе беглецов из Российского государства.

Таким образом, подавляющее число беглецов давали города и уезды по Волге (32%), старые пограничные линии волжского

Правобережья (20%), центральные районы страны (21%), причем первые два региона иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра государства. Все другие территории дают в общей сложности только 27%, что объясняется или их отдаленностью, или же особыми местными причинами.

Перейдем к социальному составу казаков. Почти 47% общего числа их (983 чел.) — бывшие дворцовые крестьяне. Население дворцовых земель менее других категорий сельского населения было опутано сетью повинностей, состояло под менее зорким контролем и потому более других сохранило фактическую свободу передвижения. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось также тяжестью государственных налогов и притеснениями раскольников.

Второе место занимают крестьяне церковных учреждений. Их 327, или 15,6%. Видимо, надзор монастырских приказчиков и посельских старцев был недостаточно сильным, чтобы прекратить побег. С другой стороны, именно крепким надзором следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел., или 7,6%), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских. За ними идут (135 чел., 6,4 %) крестьяне из потомков служилых людей (пахотные солдаты) и ямщики.

Больше всего монастырских крестьян происходит из уездов Алатырского, Арзамасского, Владимирского, Костромского, Луговского, Нижегородского и Суздальского, т.е. из местностей, где землевладение духовных учреждений было сильно развито. Помещичьих крестьян обычно меньше, нежели монастырских. Исключение составляют ближайшие к Заволжью, развивавшиеся с конца XVII в. дворянские гнезда, вроде Пензенского, Саранского, Симбирского и Казанского уездов, где выходцы с помещичьих земель преобладают над беглецами из монастырских вотчин. Представителей пахотных солдат и близких к ним категорий населения в заметном числе дают только поволжские уезды, т.е. вновь заселенные местности, где такие группы были представлены довольно ярко. Данные переписи показывают, что многие местности выделяли более всего такие сословные категории крестьянства, которые в них преобладали.

Выходцы из нерусского крестьянского и служилого населения Поволжья и Приуралья составляют 89 чел. (4,2 %). Не велико число бывших посадских людей — 28 чел. (1,4 %). В количестве 366 чел. представлены казаки (17,4 %), между которыми видное место занимают как русские с Дона и Яика, так и украинские.

Странствования беглых оканчивались в большинстве случаев в Самаре, где производилась запись во вновь строящиеся крепости. Однако редко когда переход на казачью службу в Заволжье был прямым. Из 168 сказок о казаках Красносамарской крепости, не более чем в 10 указывается прямой побег, подобный тому, что совершил крестьянин Арзамасской вотчины графа Савронского Лукьян Куклев, который ушел без ведома приказчика и старосты в Самару, где и определился в казаки.

В большинстве передвижение было сложнее. П.И. Мухин, уроженец Суздальского уезда дворцовой Юхмоцкой волости, сошел в с. Селитьбу Нижегородского уезда в вотчину кн. А.М. Черкасского, затем бежал в Симбирский уезд и только потом в Самару. Казака С.И. Юдина из дворцовой Ярополческой волости Владимирского уезда отец в малолетстве вывел в Алатырский уезд, где они жили в церковных бобылях, откуда первый и бежал в Самару. С.И. Кабулицкий, бобыль Троицкой вотчины Переяславль-Залесского уезд, бежал с отцом, кормился в солдатских селах Симбирского уезда, а оттуда ушел в Самару. Н.И. Коленников, крестьянин Нижегородской вотчины Ф.Ф. Плещеева, ушел в ясачные села Казанского уезда, а потом в Самару. Сложный и постепенный побег — явление самое обычное. Лишь самые выносливые и энергичные достигали, наконец, относительного улучшения своей судьбы и избавления от неволи.

Причины побегов разнообразны. Часто ими были произвол и притеснения помещика. Среди казаков Борской крепости встречаются объяснения побега голодом. Еще одна веская причина — разорение от податей. Самой же распространенной из причин называлось уклонение от подушной переписи.

Исходной точкой побега нередко было плавание на волжских судах и вообще отхожие промыслы. Казак Красносамарской крепости Игнатий Козлов был пономарем церкви Рождества Христова в селе помещика С.В. Лопухина Гуслицкой волости Романовского прихода Московского уезда, а из села был отпущен приказчиком на заработки, но домой не вернулся, а явился в Самару.

Положение беглеца, скрывавшего свой самовольный уход, было тяжким. Положение укрытого другими было не лучше. Стоило только сказать слово, донести, и беглый крестьянин попадал в критическое положение. Сотники, старосты, посадские люди, духовенство и наконец воеводы, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд батраков,

которых держали в повиновении угрозой выдачи. Такая эксплуатация беглых была особенно распространена в Поволжье.

Набор в казаки для наиболее смелых из беглецов открывал выход из невыносимого положения. Служба на пограничной линии была тяжела, но она давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгих страданий и скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним душевное спокойствие и защиту от произвола, которых он был лишен.

§ 2. Состояние казачества на пограничных линиях

Сведения о казаках в поселениях на юго-восточной границе, полученные по данным переписи 1740 года, могут быть существенно дополнены на основании "Табели о состоянии в нижеписанных новопостроенных от Самары до Оренбурга и в других местах крепостях о казаках и протчих всякого звания пребывающих нелегулярных людях" (1741 г.)²⁰ Результаты обработки и проверки этого документа приведены ниже в таблицах.

Штатами предусматривалось помещение казаков в 13 крепостях (см. табл.3). В число последних не входили Олышанская кре-

Таблица 3.

Штат казаков в крепостях по рекам Самаре и Яику. 1741 г.

Название крепостей	Атаманы, прочие командиры и писари	Пушкари	Рядовые казаки	ИТОГО (чел.)	В % от всех казаков
Красносамарская	7	3	160	170	6.6%
Борская	7	3	160	170	6.6%
Бузулукская	7	3	160	170	6.6%
Тоцкая	7	3	160	170	6.6%
Сорочинская	11	4	192	207	8.0%
Тевкелева	11	4	192	207	8.0%
Переволокская	11	4	192	207	8.0%
Татищева	11	4	200	215	8.3%
Чернорецкая	11	4	200	215	8.3%
Бердская	11	4	200	215	8.3%
Оренбургская	11	4	200	215	8.3%
Озерная	11	4	200	215	8.3%
Орская	11	4	200	215	8.3%
Во всех крепостях	127	48	2416	2591	100.0%
В т. ч. по р. Самаре	61	24	1216	1301	50.2%
по р. Яику	66	24	1200	1290	49.8%

пость на р. Самаре, слободы на реках Моче и Илеке. В этих трех поселениях жили казаки, которые служили сверх или вне штата. В ряде крепостей по р. Яику казаков не было вовсе, и в них размещались только регулярные воинские команды.

Согласно штатам, численность служилых казаков в поселениях увеличивалась с запада на восток. В целом же штаты делили всех казаков Московской дороги примерно пополам между крепостями по Самаре и Яику.

Реальная численность казаков заметно отличалась от штатной (см. табл.4). Служившие из жалования казаки не составляли и половины количества, положенного по штату. Особенно это было заметно на Яике.

По Самаре крепости были укомплектованы жалованными казаками чуть больше чем наполовину штатного состава. Более или менее благополучной ситуация была в Красносамарской,

Таблица 4.

Численность казаков на жаловании в крепостях по рекам Самаре и Яику в 1741 г.

Крепости	Атаманы, другие командиры, писари и толмачи	Пушкари	Рядовые казаки	ИТОГО (чел.)	В % от всех казаков на жаловании
Красносамарская	5	17	109	131	10.8%
Борская	7	8	132	147	12.1%
Ольшанская	4	4	33	41	3.4%
Бузулуцкая	6	3	135	144	11.9%
Тощая	6	9	108	123	10.2%
Сорочинская	9	8	86	103	8.5%
Тевкелева		2	2	4	0.3%
Переволокская		5	1	6	0.5%
Татищева	7	7	75	89	7.3%
Чернорецкая	5	4	54	63	5.2%
Бердская	11	4	141	156	12.9%
Оренбургская	4	4	70	78	6.4%
Озерная	6	4	84	94	7.8%
Орская	1		31	32	2.6%
Во всех крепостях	71	79	1061	1211	100.0%
в % к штату	55.9%	164.6%	43.9%	46.7%	
В т.ч.					
по р. Самаре	37	56	606	699	57.7%
в % к штату	60.7%	233.3%	49.8%	53.7%	
по р. Яику	34	23	455	512	42.3%
в % к штату	51.5%	95.8%	37.9%	39.7%	

Борской, Бузулуцкой и Тоцкой крепостях. Значительный некомплект отмечен в Сорочинской, и практически не было начато заселение казаков в Тевкелеву и Переволокскую крепости. Правда, часть казаков, получавших жалованье, была размещена в Ольшанской крепости, что не было предусмотрено штатами. Более чем в полтора раза превысила штат численность пушкарей. Однако количество пушкарей и обеспеченных жалованьем ольшанских казаков было незначительно и не покрывало общего некомплекта.

Некомплект людей, положенных по штату, восполнялся за счет казаков, жалованья не получавших (см. табл. 5). Они обеспечивали себя всем необходимым сами, за счет предоставленных им сельскохозяйственных угодий. Большинство казаков, служивших без жалованья, приходилось на поселки, в которых размещение казаков по штату вообще не предусматривалось: Илецкую и Мочинскую слободы, Ольшанскую крепость. Почти три четверти всех безжалованных казаков отмечены именно в

Таблица 5.

Численность казаков, служащих без жалованья, на своем содержании, в крепостях по рекам Самаре и Яику в 1741 г.

Крепости	Атаманы, другие командиры и писари	Пушкарни	Рядовые казаки	ИТОГО (чел.)	В % от всех казаков без жалованья
Красносамарская	1		23	24	2.8%
Мочинская слобода	5		115	120	13.9%
Борская	0		23	23	2.7%
Ольшанская	0		77	77	8.9%
Бузулуцкая	0		49	49	5.7%
Тоцкая	0		2	2	0.2%
Сорочинская	0		1	1	0.1%
Татищева	0		11	11	1.3%
Чернорецкая	0		2	2	0.2%
Бердская	0		29	29	3.4%
Оренбургская	0		11	11	1.3%
Озерная	0		1	1	0.1%
Орская	0		1	1	0.1%
Илецкая слобода	13	13	484	510	59.2%
ИТОГО	19	13	829	861	100.0%
в % к штату	15.0%	27.1%	34.3%	33.2%	
В т.ч. по р. Самаре	6		290	296	34.4%
в % к штату	9.8%		23.8%	22.8%	
по р. Яику	13	13	539	565	65.6%
в % к штату	19.7%	54.2%	44.9%	43.8%	

этих трех селениях. Практически только в них имелись казачьи командиры, писари и пушкари, которые служили без жалованья. Тем не менее служившие без жалованья казаки были в небольшом количестве и в тех поселениях по Самаре и Яику, которые предусматривались в штате.

Желание сэкономить казенные средства приводило к мысли о распространении такого порядка содержания и на других здешних казаков. В указе от 23 января 1740 г. Урусову было предложено "писать со мнением, не лутче ли вместо жалованья удольствовать их землями". На это было дан негативный ответ: "Что же объявлено, дабы казакам служить без жалованья из одних земель, разсуждено за невозможно, но разве тогда когда крепости другими людьми исполнены будут"²¹.

Вместе со служившими без жалованья общее количество казаков по Московской дороге (см. табл. 6) составляло $\frac{4}{5}$ от того

Таблица 6.

Численность служащих казаков на жаловании и без жалованья в крепостях по рекам Самаре и Яику в 1741 г.

Крепости	Атаманы, другие командиры, писари и толмачи	Пушкари	Рядовые казаки	ИТОГО (чел.)	В % от всех служащих казаков
Красносамарская	6	17	132	155	7.5%
Мочинская слобода	5	0	115	120	5.8%
Борская	7	8	155	170	8.2%
Ольшанская	4	4	110	118	5.7%
Бузулуцкая	6	3	184	193	9.3%
Токская	6	9	110	125	6.0%
Сорочинская	9	8	87	104	5.0%
Тевкелева	0	2	2	4	0.2%
Переволокская	0	5	1	6	0.3%
Татищева	7	7	86	100	4.8%
Чернорецкая	5	4	56	65	3.1%
Бердская	11	4	170	185	8.9%
Оренбургская	4	4	81	89	4.3%
Озерная	6	4	85	95	4.6%
Орская	1	0	32	33	1.6%
Илецкая слобода	13	13	484	510	24.6%
Во всех крепостях	90	92	1890	2072	100.0%
в % к штату	70.9%	191.7%	78.2%	80.0%	
В т. ч. по р. Самаре	43	56	896	995	48.0%
в % к штату	70.5%	233.3%	73.7%	76.5%	
по р. Яику	47	36	994	1077	52.0%
в % к штату	71.2%	150.0%	82.8%	83.5%	

числа, что предусматривалось по штату. Примерно таково же было отношение к штатной численности всех рядовых казаков, находившихся на службе. Более заметен был недостаток командиров и писарей. Зато пушкарей было почти в два раза больше, чем предусматривалось штатом.

Чуть большая доля казаков приходилась на Яицкую, чуть меньшая — на Самарскую дистанцию. Но все равно обеспеченность служилыми казаками крепостей по Самаре была в целом более удовлетворительной. Самой многолюдной на Яике была Илецкая слобода, причем исключительно за счет безжалованных казаков. В остальных же яицких крепостях, кроме Бердской, численность всех служилых казаков не превышала 100 человек. По Самаре же только в самых верхних Тевкелевой и Переволокской крепостях эта численность не достигала указанной цифры. Все остальные самарские крепости имели от 104 до 193 служилых казаков.

Рядовые казаки в рассматриваемой Табели делятся на “русских” и “иноверцев”. Указана также группа “черкас”, то есть украинцев в Илецкой слободе. Речь идет о делении не столько по этническому, сколько по конфессиональному признаку. Под “русскими” (вместе с “черкасами”) понимается православное население вообще. В “иноверцы” включены те представители народов Поволжья и Приуралья, которые исповедовали ислам (казанские татары, ногайцы и т.п.) и буддизм (калмыки). В соответствии с этим были сделаны подсчеты по тем группам, у которых указаны конфессиональные признаки:

рядовые казаки с жалованьем (968 “русских” и 93 “иноверца”);
рядовые казаки на своем содержании (565 “русских”, 150 “черкас”, 114 “иноверцев”);

самовольно переселившиеся казачьи родственники и свойственники (17 “русских” и 21 “иноверец”).

При преобладании православного населения в крепостях Московской дороги доля иноверцев (мусульман, ламаистов и, возможно, язычников) была здесь довольно значительна. К последним относился почти каждый восьмой рядовой казак. На Самарской линии эта доля была еще выше. “Иноверцы” здесь составляли большинство в Мочинской слободе (68%), заметную группу в Борской (24%), имелись в Бузулуцкой (8%) и Красносамарской (4%) крепостях. Не случайно, что среди казачьих командиров указан только один татарин-хорунжий именно в Мочинской слободе. Видимо, все остальные были русскими или

украинцами. В Табели среди казаков отмечены два "толмача" — переводчика, и оба они служили именно на Самарской линии.

Наряду с самими служилыми казаками в крепостях находились лица, зачисленные в казаки, но оказавшиеся не способными к службе, которых стали числить за комплектом. Оставались на новых местах жительства также казаки, которых отставляли от службы за старостью, ранами и болезнями. Сюда стали отправлять на поселение и отставных солдат. Наконец, значительную часть жителей новых крепостей составили члены семей служащих и неслужащих казаков. Вместе с их женами и обоего пола детьми числились другие родственники и свойственники, а также работники, жившие в этих семьях. Численность неслужащего мужского населения, а также общее количество всех жителей крепостей по Московской дороге показаны в таблицах 7–8. В это количество не включены военнослужащие регулярных гарнизонных и ландмилицких команд в данных крепостях.

Таблица 7.

Численность неслужащих мужчин в крепостях по рекам Самаре и Яику в 1741 г.

Крепости	За комплект- том	Отставные казаки	Отставные солдаты	Сыновья, свойствен- ники и работ- ники	Итого неслу- жащие	В % к служа- щим каза- кам
Красносамарская		14	2	125	141	91.0%
Мочинская слобода				231	231	192.5%
Борская	13	17	2	129	161	94.7%
Ольшанская	36	1		42	79	66.9%
Бузулуцкая	2	9		125	136	70.5%
Тоцкая	3	12		68	83	66.4%
Сорочинская	2	3	1	71	77	74.0%
Татищева		7		31	38	38.0%
Черноречная		5		35	40	61.5%
Бердская	6	21		151	178	96.2%
Оренбургская		4		26	30	33.7%
Озерная		25		51	76	80.0%
Орская		2		54	56	169.7%
Илецкая слобода				444	444	87.1%
Во всех крепостях	62	120	5	1583	1770	85.4%
в % к неслужащим	3.5%	6.8%	0.3%	89.4%	100.0%	
в т.ч. по р. Самаре	56	56	5	791	908	91.3%
в % к неслужащим	6.2%	6.2%	0.6%	87.1%	100.0%	
по р. Яику	6	64	0	792	862	80.0%
в % к неслужащим	0.7%	7.4%	0%	91.9%	100.0%	

Таблица 8.

Общее количество жителей в крепостях по рекам Самаре и Яику в 1741 г.

Крепости	Мужчины	Женщины	Об. пола	В % от всех жителей об. пола
Красносамарская	296	190	486	7.8%
Мочинская слобода	351	131	482	7.8%
Борская	331	205	536	8.6%
Ольшанская	197	70	267	4.3%
Бузулуцкая	329	242	571	9.2%
Тоцкая	208	124	332	5.4%
Сорочинская	181	146	327	5.3%
Тевкелева	4		4	0.1%
Переволоцкая	6		6	0.1%
Татищева	138	51	189	3.0%
Чернорецкая	105	48	153	2.5%
Бердская	363	259	622	10.0%
Оренбургская	119	60	179	2.9%
Озерная	171	121	292	4.7%
Орская	89	47	136	2.2%
Илецкая слобода	954	662	1 616	26.1%
Во всех крепостях	3 842	2356	6 198	100.0%
в % ко всем жителям	62.0%	38.0%	100.0%	
<i>в т.ч. по р. Самаре</i>	<i>1903</i>	<i>1108</i>	<i>3011</i>	<i>48.6%</i>
<i>в % ко всем жителям</i>	<i>63.2%</i>	<i>36.8%</i>	<i>100.0%</i>	
<i>по р. Яику</i>	<i>1939</i>	<i>1248</i>	<i>3187</i>	<i>51.4%</i>
<i>в % ко всем жителям</i>	<i>60.8%</i>	<i>39.2%</i>	<i>100.0%</i>	

Данные таблиц 7–8 характеризуют уже не столько военный потенциал, сколько степень заселенности и обживания переселенцами Московской дороги. Не состоявшие на службе комплектные и отставные чины, малолетки и женщины были вовлечены в мирное хозяйственное освоение новоприсоединенных территорий Юго-Востока России.

До поры до времени именно лица, записанные в казачье сословие, независимо от реального отношения к военной службе, пола и возраста, составляли первоначальное оседлое население узкой, но весьма протяженной (от низовьев Самары до слияния Ори с Яиком) полосы земель в Заволжье и Приуралье. Численность мужского населения увеличивалась за счет лиц, уже не пригодных или не подоспевших к службе, на $\frac{9}{10}$ в крепостях по Самаре и на $\frac{8}{10}$ в поселениях по Яику. Еще более возрастало общее количество жителей за счет женщин, составлявших до

40% всех переселенцев. Все постоянное население поселков Московской дороги в 1741 г., то есть всего лишь через пять лет после закладки первых из них и через четыре года после начала настоящего освоения этих мест, превышало 6 тысяч человек.

Об обживании новоприбранными казаками новых поселков дает также представление число жилых домов, которых всего было поставлено более полутора тысяч. В среднем один дом приходился на четырех жителей обоего пола. Это число практически одинаково для Самарской и Яицкой дистанций. В отдельных крепостях средняя численность жителей в одном доме также разнилась незначительно: от 3,4 до 4,4 человека.

Лучшая обустроенность новых поселков по Самаре, чем по Яику, видна из соотношения изб и временных землянок в них. Если на Яике еще каждый десятый дом был землянкой, то на Самарской линии — лишь каждый двадцать пятый. Причем половина землянок Самарской дистанции приходилась на Мочинскую слободу. Это не случайно. На всей дистанции она оставалась единственным поселком, куда продолжали прибывать новые казаки-переселенцы. В течение 1741 года здесь поселились 40 служилых казаков, 25 их жен, 94 ребенка и других родственников обоего пола.

Полученную в расчетах среднюю численность обитателей одного дома надо признать несколько преувеличенной. Не все казаки успели или смогли обзавестись собственными домами, а потому жили в казенных постройках. Так, например, не отмечено вовсе казачьих домов в Тевкелевой и Переволоцкой крепостях. Однако нет сомнения в том, что число домов достаточно точно отражает количество казачьих семей и хозяйств.

Для оценки хозяйственного состояния казаков-переселенцев наиболее наглядными из имеющихся в источниках являются сведения о наличии у них скота. Небольшая часть этого скота была получена казаками в счет жалованья. Всего от казны им по самарским и яицким крепостям было передано 100 лошадей, 73 жеребенка, 61 корова и 19 телят. В основном же скот был приведен переселенцами с прежних мест жительства или приобретен на новом месте самостоятельно. Так, например, со 159 переселенцами обоего пола и всех возрастов, перебравшимися в Мочинскую слободу в течение 1741 года, было пригнано 44 лошади, 8 жеребят, 14 коров и 12 овец.

Среди рабочего скота преобладали лошади (1294 головы). Особенно это относится к Самарской дистанции. Практически все поголовье волов (184) Московской дороги было сосредоточе-

но в Илецкой слободе на Яике, что объясняется притоком в нее переселенцев с украинских земель.

В среднем же на один дом (семью, хозяйство) приходилось примерно по одной голове рабочего скота и одной корове (всего коров было 1629), а также до двух голов мелкого скота (его поголовье — 2745), который состоял в основном из овец, и одна коза или свинья приходилась в указанных крепостях на 19 овец. В некоторых крепостях обеспеченность скотом была даже несколько выше средней. К их числу на Самарской дистанции можно отнести Мочинскую и Сорочинскую. Общее количество скота в это время у казаков следует признать минимальным для обеспечения себя самым необходимым.

§ 3. Поиск новых источников переселенцев

Пребывание беглых на новых линиях, явочным порядком допущенное при Кирилове, было усилиями Урусова в определенной мере легализовано. Но формально вопрос об их возврате на прежние места жительства оставался пока открытым. Вывод беглых представлялся еще делом вероятным. “Ныне к тому не бес способа”, — сообщала канцелярия комиссии в 1741 году, подразумевая возможный отказ от использования на службе казаков или их резкое сокращение, — “ибо во оных крепостях селятся команды регулярные”²².

В восьми крепостях по Самаре и в десяти по р. Яику было размещено 39 регулярных рот гарнизонных полков и ландмилиции, чуть более половины которых (21) являлись пехотными, а немногим менее половины (18) — кавалерийскими²³. Драгунские роты были поделены между Самарской и Яицкой дистанциями поровну (по 9). Что же касается соотношения пехотных, то на 8 таких рот, размещенных в крепостях на Самаре, приходилось 13 рот на Яике. Общая численность регулярных войск на Яицкой линии была несколько выше, чем на Самарской, что объясняется большей протяженностью первой и большим количеством крепостей на ней. Все же нетрудно заметить, что ландмилицкие и гарнизонные роты, выделенные для защиты степной границы Заволжья, тогда практически не уступали по числу тем регулярным войскам, что были определены к охране уральских рубежей. Ситуация походила на распределение казаков по тем же двум рекам.

Хотя регулярные команды могли быть размещены в крепостях на достаточно долгий срок, но их чины не могут по самому

характеру службы считаться здесь постоянными жителями как по степени оседлости, так и по занятиям. Привлечение драгун и солдат к работам, в том числе сельскохозяйственным, имело место, но носило эпизодический характер. Казаки же, включая бывших на жаловании, напротив, лишь частично находились на казенном содержании и должны были обеспечивать себя и семьи собственным трудом.

Несмотря на использование на линиях регулярных частей, случая отказаться от казаков или резко сократить их численность в здешнем крае так в ближайшие годы и не представилось. А значит и не появилось возможностей таким образом избавиться от принятых на службу беглых.

Власти все-таки продолжали питать надежду на замену казаков, набранных в обход законов. В том же указе от 23 января 1740 г., наряду с вынужденным признанием самовольных переселенцев, было повторено прежнее требование "о населении крепостей городовыми служилыми людьми и черкасами, о чем велено послать указы из Сената в Малую Россию, в которую отсель определено отправить нарочного надежного человека, адресовав его к генералу Румянцову и дав ему надлежащую инструкцию о нечинении обид и стараться, чтоб показанные крепости вышеписанными людьми кроме беглых населены были". Первый из названных источников пополнения оказался совершенно ненадежным. Канцелярия комиссии по этому поводу докладывала: "О населении крепостей всегдашнее старание чинится, токмо городских служилых людей в поселении никою еще нет, да и быть нечаятельно, ибо хотя о сем во все губернии и правинции писано, однако в присылке ниоткуда их нет..."²⁴.

Более успешно и активно велся набор на Украине. Кабинет 23 января 1740 г. распорядился послать указы "о публикации в Малой России, чтоб черкасы, желающие на поселение в новых крепостях по Самаре и Яику-реке, записывались..." Туда был послан капитан Качалов, который, как сообщалось, черкас "немалое число принял и в Самару прислал, а ныне оные в новых крепостях действительно селятся". Переселенцам обещали жалование для переезда и переселения, свободную продажу недвижимого и движимого имущества, освобождение от уплаты долгов. Для зимовки по пути следования их разместили севернее г. Самары, в расположении Шешминского полка ландмилиции, имевшего запасы продовольствия и фуража²⁵.

К осени 1741 г. по "Ведомости присланных из Малороссии от капитана Качалова малороссийцов, которым велено быть на

поселении при Оренбурхе"²⁶, числилось всего 689 семей, а в них годных к казачьей службе 935 мужчин, их сыновей — 1134, жен и дочерей — 1661, всех же обоего пола 3730 человек. На всех переселенцев приходилось 846 лошадей, 664 вола и 141 корова с подтелками. Больше всего переселенцев-украинцев (201 семью) дал Гадяцкий полк. Вслед за ним идут полки Лубенский (161 семья) и Полтавский (87 семей). По 50–70 семей были выходцами из Сумского, Харьковского, Нежинского полков, а также из Прилуцкого вместе с Переяславским.

Обнадеживающие перспективы переселения казаков с Украины сохранялись по крайней мере до конца 1741 г. Начальники Оренбургской комиссии получали оттуда рапорты с предложениями набрать, помимо уже записанных Качаловым, до тысячи семей новых добровольцев. Однако реальные результаты набора украинцев на казачью службу в Оренбургскую комиссию оказались не столь радужными. Недовольство этой мерой стали высказывать власти разных уровней. Малороссийская старшина боялась ухода подвластного населения, а петербургское чиновничество терзалось опасениями, что новый набор казаков еще больше наполнит пограничный Юго-восток России беглыми. Качалову строго-настрого приказывалось украинцев на службу принимать только "с явным свидетельством, откуда оныя соидут и прямо ли черкасы, брали б пашпорты ис Малороссийской войсковой канцелярии. А которые черкасы ж пойдут из слободских полков, тем также пашпорты брать ис канцелярии комиссии слободских полков"²⁷.

В некоторых украинских селениях желание переселиться на Юго-восток России изъявляли почти все жители за исключением нескольких семей. Малороссийская Генеральная войсковая канцелярия была напугана оттоком людей и начавшимся брожением среди украинских крестьян. Она просила Сенат, чтоб тот отдал распоряжение об ограничении числа переселенцев. Сенат в мае 1740 г. передал в Верховный Кабинет и получил от него согласие на предложения "о принятии казаков... не всех из одного места, но из 10 или 20 семей десятую часть, чтобы прежние их жилища не запустели", но при этом полагал возможным "для новости" начатого дела в отдельных случаях позволить переселиться до четвертой доли семей"²⁸.

Более снисходительными к жалобам малороссийской старшины петербургские власти стали после прихода к власти в ноябре 1741 г. Елизаветы Петровны, благодаря личным симпатиям той к украинцам, их старине и традициям. Противодействие набору

переселенцев стало более действенным. Окончательно же этот набор был прекращен в силу изменившегося подхода к нему оренбургского начальства после смерти Урусова. Таким образом, с помощью набора украинцев не получилось ни серьезного пополнения пограничных войск, ни исключения из них беглых.

Не оправдывались расчеты на массовое привлечение к заселению Заволжья и Оренбуржья отставных чинов регулярной армии и флота. Еще 30 января 1736 г. Кабинет получил доношение от Кирилова "о позволении принимать в службу отставленных вовсе от службы с свободными пашпортами, кои пожелают и о селении их в Оренбурге и в других местах." В ответ на это в указе от 11 февраля, данном Кирилову, появился пункт "о принятии и поселении отставных драгун и салдат и матрозов и о снабдении оных... деньгами и хлебом, так же и пахотною землею"²⁹. Наделы их должны были составить от 20 до 80 четвертей на семью, а на проезд и первоначальное обзаведение выдавались ссуды.

Мотивы, которыми руководствовалось при этом правительство, были ясно выражены в одном из последующих указов: "От этих поселений имеет быть следующая польза, что поселившиеся домами от времени до времени могут множиться, и дети их в возрасте употреблены будут в службу, отчего крестьянству в рекрутах будет помощь, а служащие в полках уедава то, что по отставке даны будут им земли и, яко помещики, владеть и пользоваться ими будут, от побегов удержатся и бродящих отставных солдат уже не будет; но, имея свои собственные дома и пашню, не токмо сами довольствоваться будут, но еще в пользу и другим пашни и хлеба умножат, и когда они селиться будут на границах, как и ландмилицкие, то во время неприятельского нападения не токмо сами себя, но и других охранять и оборонять могут"³⁰. Таким образом, ожидался многозначный успех как при освоении и обороне новых территорий, так и в деле комплектования и повышения морального духа регулярной армии.

Кроме рядовых, приглашались к переселению и отставные офицеры, не имевшие своих деревень. Они получали земельные наделы соответственно своим рангам. Им выплачивали жалованье наравне с гарнизонными офицерами, а также назначали их начальниками над поселенцами из отставных нижних чинов. Селить отставных солдат предписывалось большими слободами, во сто и более дворов, для безопасности от неприятеля.

По указу от 27 декабря 1736 г., земли, отведенные отставным солдатам, делались наследственным владением их детей мужского пола; отдавать их в приданое за дочерьми, продавать и закладывать воспрещалось. 6 июля 1737 г. состоялось дополнительное постановление: "...а после кого останется сына два или три и больше, из оных отеческую землю наследовать одному; ему же кормить братьев малолетних, а которые из них возмужают и поспеют в службу, тем отводить особые участки". Дочери становились наследницами земельных участков отцов в том случае, если последние не оставили сыновей, но со следующим ограничением: "...с тем недвижимым приданым в супружество вступать за солдатских же детей, а не за других чинов людей, дабы между ними ничьего постороннего владения не было". Правительство также приняло на себя заведение церквей для отставных солдат, открытие школ для обучения их детей чтению и письму учеными священниками и церковнослужителями. В случае желаний родителей, их дети могли поступать и в гарнизонные школы для обучения "вышним наукам, у кого к которой приклонность будет, — с дачею жалованья и провианта во все время учения"³¹.

В 1737 г. была открыта Переселенческая канцелярия, которая заведовала делами, касавшимися до поселений отставных солдат. В состав ее вошли бригадир Антон Дубасов, статский советник Чириков и подполковник Стрелков. Им в помощь было велено "придать из майоров людей достойных трех человек, дать им секретаря и потребное количество приказных служителей, а для отвода земель под пашню и поселение человек четырех геодезистов"³².

В январе 1738 г. императрице было подано доношение Сената об исполнении указа о поселении отставных солдат. Говорилось о том, что во все губернии и провинции посланы печатные указы, определены денежные суммы и люди к этому делу, но "на вышеобъявленные посланные указы из некоторых мест репортовано, что отставных к поселению желающих, никого не явилось". Резолюция Анны на этот пункт, наложенная 16 марта, отразила крайнее раздражение царицы по поводу хода дела: "...Для поселения отставных, офицеры отправлены ль, Сенат и по се время неизвестен, а что показывают, якобы на поселение охотников нет, да сколько их где есть, о том неизвестны, которые ведомости через год собрать было нетрудно и когда б о них известие в руках было, то хотя б они и не похотели, можно б иное учинить определение"³³. Верховная власть тем самым пока-

зала желание решить проблему расселения в новом крае отставных солдат принудительными мерами.

Отставным солдатам, которых насчитали в разных губерниях до 4152 чел., разослали особые печатные листы с извещением о предложениях правительства; но в течение трех лет со времени первого указа о солдатских поселениях выискалось только шесть человек, которые изъявили желание переселиться в Оренбургский край. Спустя еще два года, а именно в 1741 г., канцелярия Оренбургской комиссии об исполнении данного указа отчитывалась так: "Исполнение чинено, только принято и поселено весьма небольшое число". Одну из причин нежелания солдат добровольно переселяться на новые земли исследователи не без основания находили в запрещении им "брать с собою, под угрозою жестокого наказания, детей, определенных до 1732 г. к штатским делам, прижитых за помещиками и на посадах до взятия их в службу, родившихся хотя во время службы их, но воспитанных в деревнях у прежних помещиков или других владельцев, или в слободах на посадах и там записанных в подушный оклад, также и тех, которые были записаны в купечестве, в цехах, или отданы на фабрики"³⁴.

Столкнувшись с отсутствием добровольцев, правительство решилось на более строгие меры и постановило впредь посылать на поселение всех солдат, отставленных от полевой и гарнизонной службы, кроме таких увечных и дряхлых, которые уже не "могут жениться и дома содержать". Распоряжение о принудительном поселении оказалось более действенным. К концу 1740 года из разных мест было переведено в Закамье, Заволжье и Оренбургский край 967 отставных военнослужащих, но как доносил в Сенат статский советник Оболдуев, заведовавший в то время солдатскими переселениями, многие из новоселов "были босы и наги и весьма претерпевали нужду". Оболдуев выхлопотал из казны 10000 рублей на первоначальное обустройство поселенцев, но на счет этой же суммы было отнесено и содержание самой Переселенческой канцелярии. В общем, ни в количественном отношении, ни по физическим кондициям, ни по наличию хозяйства и просто крестьянского опыта отставные солдаты также не были способны заменить собою осевших на пограничной линии казаков из беглых, которые, как говорилось выше, составляли большинство жителей в крепостях Московской дороги из Самары в Оренбург.

Среди переселенцев в Заволжье были не только оседлые жители, но и кочевники-калмыки. Хотя калмыки считались в не-

посредственным ведении Коллегии Иностранных дел, но ставропольский комендант подчинялся начальникам Оренбургской комиссии в военном отношении, да и по другим вопросам согласовывал с ними свои действия. Как и Урусову, ставропольскому коменданту Змеову на рубеже 30–40-х гг. довелось приводить в жизнь многие решения, принятые еще Татищевым или по предложению последнего. Так, 26 февраля 1739 г. вышел указ о размежевании земель, отведенных калмыкам, а также поселяемых с ними духовным лицам, приказным служителям, купцам и лекарю. Межевание провел инженер-майор Ратиславский³⁵.

Змеов хлопотал, чтобы 282 разночинца, обнаруженных и положенных в подушный оклад в правобережном селе Новодевичьем и других ближних монастырских селениях, были расселены между ставропольскими калмыками, а не были бы высланы в слободы Симбирского уезда и на прежние места жительства, как предполагала в 1736 г. Камер-Коллегия. Позиция Змеова полностью соответствовала решению, принятому совместно Татищевым и Соймоновым еще в декабре 1737 г., о переводе на земли, отданные крещеным калмыкам, разных лиц, не учтенных в ходе ревизии и не платящих подушной подати. Им отводились земли и угодья как черносошным (государственным) крестьянам и накладывались соответствующие подати. Сами упомянутые разночинцы были выходцами из Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерний, из городов Темникова, Вязников и других отдаленных мест. Среди них было 144 станичных казака, 34 пахотных солдата, 32 стрельца, а также из посадских людей — 20, ямщиков и записных неводчиков — 11, бобылей и кузнецов — 41. Они охотно предпочли переселение на левый берег Волги почти прямо напротив Новодевичьего возвращению в родные края, удаленные за сотни и даже тысячи верст³⁶.

Кабинет Министров окончательно удовлетворил просьбу разночинцев и Змеова об их переселении к калмыкам резолюцией от 6 июня 1741 г., но предупредил, что “ежели из оных явятся чьи помещичьи беглые, тех по подлинному свидетельству, как указами повелено, отдавать” законным владельцам. Одновременно давалось указание выяснить, нет ли в вотчине Новодевичьего монастыря или в других местах людей, которых тоже можно переселить на калмыцкие земли³⁷.

Переселение это было осуществлено по именному указу от 5 сентября 1741 г. В результате возникло три новых слободы государственных ясашных крестьян из числа бывших разночинцев: Курумоч (Богоявленская) на одноименной реке, Преображенс-

кая (Кошки) на р. Кондурче, Воскресенская (Ягодное) на Волге. Первые две были устроены на местах, где раньше существовали земледельческие селения, которые в описи 1738 года значатся «выведенными»³⁸.

Во всех этих слободах русских селили вместе с калмыками, в надежде на то, что кочевники, живя между крестьян «и смотря на них, весьма охотно за кошение сена и за пашню и к строению дворов своих примутся..; к тому ж можно приводить, чтоб калмыки женились на русских, а русские брали калмычек, и тем мешать их с российской нацией». Это также полностью соответствовало решению уже упомянутого совещания Татищева и Соймонова в декабре 1737 г. Тогда, по предложению Змеова, калмыкам разрешили расселяться слободами по выбранным ими самими местам, но при этом предлагалось «к ним же калмыкам для лутчего б им приохочивания и к скорой переимке того земледельства населить между ими по стольку ж дворов разночинцов русских людей...»³⁹.

Змеову было дано позволение и отпущены средства на строительство церквей и первых ста изб для калмыков в четырех слободах. Но энергичная деятельность первого ставропольского коменданта, произведенного в 1741 г. в бригадиры, была прервана его смертью. Он скончался в один год (1742) с княгиней Анной Тайшиной⁴⁰.

Не успел Змеов завершить еще одно дело, предложенное им Татищеву с Соймоновым и одобренное теми в декабре 1737 г., а именно перевод в Ставрополь на постоянное жительство 40–50 семей торговцев из ближних городов Казанской губернии. И вообще смерть коменданта и правительницы внесла неурядицу в неустроенную еще жизнь ставропольских переселенцев. «Княгиня Тайшина и бригадир Змеев, — жаловались калмыки, — при жизни своей, будучи в Ставрополе, поистине великое о нас старание имели и, желая здешнюю крепость умножить российскими купецкими людьми, доношением своим просили Коллегию Иностраннных дел о переводе в оную крепость российских купцов пятидесяти семей, но на то мы никакой резолюции не имеем; и хотя около нас и лежат города, токмо от нас в отдалении, и для того мы здесь с великим трудом за деньги мясо достаем, а присланный к нам, по милости тайного советника Татищева, купчина Моисей Богданов никаких торгов здесь не производит, и мы здесь, в Ставрополе, живем без настоящего командира и за тем старания о нас приложить некому, тако ж и дела, и прошения наши производятся не по-прежнему»⁴¹.

Из-за отсутствия постоянно обитающих в новом городе купцов было решено в начале 1739 г. "построить в Ставрополе лавок до 20, а позади их жилые малые покои и дать российским купцам дозволение там жить и торговать, чтобы крещеные калмыки в продаже своих и в покупке потребных им вещей нужды не имели"⁴². Поручение по строительству лавок Змеов в свое время выполнил, но они стояли пустыми и без дела, так как даже приезжих торговцев пока здесь не было.

Кроме контроля за делами ставропольского ведомства, Урусову была вверена комиссия по примирению враждовавших между собой владельцев некрещеных калмыков, "что по многим затруднениям едва во окончание было приведено". Недалеко от Ставрополя и Самары, в Красноярской крепости на Новой Закамской линии, было предоставлено в 1739 г. жилье и убежище некрещеному калмыцкому владельцу Дондук Даше, прибывшему вместе со своей семьей и людьми своего улуса. Там "для него и для ево калмык надлежащие дома построены и целая рота драгун с надлежасчими офицеры для смотра на поступки ево определена была". Этот вопрос опять-таки был сначала поставлен перед Татищевым, а исполнять пришлось Змеову. В Красном Яре, правда, некрещеные калмыки надолго не задержались. Дондук Даше, впоследствии ставшему ханом волжских калмыков, было указано переехать в Царицын⁴³.

Основным же местом обитания некрещеных калмыков в Заvolжье оставались степи южнее р. Самары и западнее р. Яика. В отношении этой группы кочевников местные власти не только препятствовали их перекочевкам вне указанных границ, но и старались пресечь всяческие их контакты за этими пределами как с единоплеменниками-христианами, так и с близкими по языку и вере джунгарами.

В 1741 г. в Самаре было успешно выполнено весьма щекотливое поручение, связанное с кочевыми соседями. Здесь были задержаны джунгарские посланцы к волжским калмыкам. Из Петербурга поступило распоряжение всячески отговаривать их от этой поездки и заполучить письма, которые они везли: "Ежели ж учнут о пропуске усильно требовать и предусмотрится опасность, что они могут степью проехать, то посланца в Самаре удержать и листов от него по вышеписанному требовать и отправить, а ево до указа под добрым и искусным присмотром иметь, чтоб с калмыками видется не мог". Руководством комиссии "всякие вымыслы чрез переводчика употреблены были, чтоб имеющийся у него лист к хану Дондук Омбе посмотреть, кото-

рой не только высмотрен, но и копия с него чрез переводчика получена" и отослана в Иностранную коллегию. Болезнь и смерть главного посла также помогли воспрепятствовать опасным с точки зрения российских властей контактам двух родственных кочевых народов⁴⁴.

§ 4. Хозяйственные дела и состав Оренбургской комиссии. Смерть Урусова

Осеннее и зимнее время, как и при предшественниках, использовалось Урусовым для более основательной подготовки новых походов в Оренбург, уходило на совершенствование аппарата управления, другие мероприятия по заселению и освоению присоединенного края. При канцелярии Оренбургской комиссии "учреждены были особые конторы, яко то — казначейская и оберпровиантмейстерская". Особую роль в деле освоения новых земель сыграла "контора экономии", созданная "...для порядочного поселения и содержания купечества и служилых казаков и для произведения казенной и партикулярной пашни при новых крепостях и для всех строений..."⁴⁵.

Общая численность начальников, специалистов, рядовых сотрудников Оренбургской комиссии, других подведомственных лиц в середине 1741 г. подсчитана в табл. 9. В основу положена "Ведомость о состоянии канцелярии Оренбургской комиссии и подчиненных ей контор, о морских адмиралтейских и прочих служителях"⁴⁶, в которой приведено распределение этих людей по службам и подразделениям комиссии, а также по месту их пребывания.

Самый большой по численности контингент людей, предоставленных в распоряжение комиссии, составляли ссыльные. При этом отдельной категорией указаны лишь те ссыльные, что еще не были приставлены к определенным занятиям или не осели на землю. Таким образом, 244 ссыльных обоего пола, указанные в таблицах, то есть треть списочного состава Оренбургской комиссии, представляют собой только содержащихся на самарском каторжном дворе. На самом деле ссыльных и в крае, и в составе служителей комиссии было гораздо больше.

О роли ссыльных при заселении края выше уже говорилось, поскольку широкое их использование для разных целей было санкционировано еще указом от 11 февраля 1736 г. Начальство Оренбургской экспедиции (комиссии) по своему усмотрению могло не только распределять их в казаки или селить на пашню,

Таблица 9.

Численность канцелярии Оренбургской комиссии, подчиненных ей контор и прочих служителей на середину 1741 года

Основные службы Оренбургской комиссии и в них всякого звания	По списку		Из них в посылках и отлучках					В Самаре	
	чел.	В % ко всему штату	В Орен- бурге и крепостях	В сто- лицах	В других городах и губерниях	Всего чел.	В % к спис. составу	чел.	В % к спис. составу
Присутствующих в комиссии и канцелярских служителей	47	6,5%	4	3	1	8	17,0%	39	83,0%
В счетной кон- торе	9	1,2%	0	1	0	1	11,1%	8	88,9%
В провиантской конторе	5	0,7%	0	0	0	0	0%	5	100%
В казначейской конторе	5	0,7%	0	0	0	0	0%	5	100%
При госпитале	15	2,1%	0	1	0	1	6,7%	14	93,3%
При аптеке	5	0,7%	0	0	0	0	0%	5	100%
В школе служат и учатся	58	8,0%	0	0	0	0	0%	58	100%
При Оренбург- ском духовном правлении	6	0,8%	0	0	0	0	0%	6	100%
При комис- сарствах	5	0,7%	0	5	0	5	100%	0	0%
Экономических служителей	151	20,8%	86	1	0	87	57,6%	64	42,4%
Морских служителей	23	3,2%	3	0	0	3	13,0%	20	87,0%
Адмиралтейских служителей	27	3,7%	8	0	0	8	29,6%	19	70,4%
Архитектор и инженерные служители	15	2,1%	12	0	0	12	80,0%	3	20,0%
Геодезических служителей	45	6,2%	0	0	33	33	73,3%	12	26,7%
Мастеровых и рабочих людей	47	6,5%	0	0	0	0	0%	47	100%
Оренбургского купечества	19	2,6%	0	0	0	0	0%	19	100%
Содержащихся в остроге ссыльных									
обоих полу	244	33,6%	0	0	0	0	0%	244	100%
Всех чинов	726	100%	113	11	34	158	21,8%	568	78,2%

но и записывать на службу в подведомственные регулярные ко-
манды, использовать для добычи руд и в других казенных рабо-
тах. Так, в 1740 г. Урусову был дан указ об обязательном
“имении в крепостях для повседневных работ из ссыльных”⁴⁷.

Однако ссыльных использовали и на различных должностях при канцелярии и службах самой Оренбургской комиссии. По этому поводу в указе от 26 августа 1736 г. давалось разъяснение "о определении к делам посылаемых в Оренбург в ссылку". Подобным образом разрешалось использовать только "таких, которые не в важных винах, да и то к меньшим делам и нижними чинами, чтоб они только от жалованья пропитание свое иметь могли". Обо всех таких случаях, "кто определен будет", надлежало "в Сенат репортовать с требованием на то конфермации"⁴⁸.

Как прежде Татищеву, так и Урусову приходилось сталкиваться в этом вопросе с различными трудностями. Некоторые из них были преходящими, другие приобретали постоянный характер.

Во-первых, требовалось время для определения места поселения и рода занятий. Это во многом объясняет многочисленность содержащихся на самарском каторжном дворе.

Во-вторых, Урусов, подобно своему предшественнику, не раз жаловался, что "между ссыльными в Оренбург многие престарелые такие, кои ни в какую службу и пользу употреблены быть не могли"⁴⁹. Таких отправлять с каторжного двора было просто некуда.

В-третьих, надежность многих из этого контингента была по понятным причинам была сомнительной. В использованном нами при подсчетах документе была сделана весьма примечательная приписка: "После сочинения сей ведомости из оных ссыльных бежало шестьдесят шесть человек." Наиболее надежными среди ссыльных Урусов, вслед за Татищевым, считал людей семейных. В ответ на свой доклад по данному вопросу он получил из столицы разрешение "о посылке, куда надлежит... указов и промеморий, чтоб впредь в ссылку посылали с женами и з детьми". К уже сосланным мужьям и отцам было приказано "туда же на житье выслать" тех жен и детей, которые "остались на прежних жилищах". Это распоряжение не распространялось только на тех членов семей ссыльных, "кои по подушному платежу помещикам принадлежат", то есть являются чьими-то крепостными людьми⁵⁰.

Таким образом, ссыльными продолжали пополняться и воинские команды, и казаки, и различные службы самой Оренбургской комиссии. С определением к постоянным обязанностям эти люди начинали числиться по конкретному ведомству. Их появление из числа ссыльных достаточно редко упоминалось в доку-

ментах. Так, в рассматриваемой ведомости такое упоминание сделано только раз. Среди извозчиков экономической службы отдельно учтены взятые из рекрут (65 чел.) и из ссыльных (26 чел.).

В целом же служащие и работники Экономической конторы предстают самой многочисленной по численности группой в наших подсчетах после ссыльных. Предыстория экономической службы Оренбургской комиссии насчитывала несколько лет. Еще в инструкции 1734 года Кирилову предписывалось: "Стараться о экономии градской о сыскании металлов и минералов, свободное купечество размножить, умножать доходы и нужное к пропитанию человеческому заводить; а чего тут нет, из других мест благовременно покупкою и подрядом доставать". В одном из пунктов указа Кирилову от 11 февраля 1736 г. предлагалось, "когда время допустит, заводить пашню и хлеб салдатами и драгунами..." В указе Татищеву от 22 июня 1737 г. вопрос этот был поставлен вновь: "...Не возможно ли от того времени при Оренбурге и других в близости стоящих городках пашню заводить и тем хлебом тамошних людей бес прибавки (перерасхода — Ю.С.) содержать"⁵¹.

Однако как сообщал Кабинету Урусов весной 1740 г., "по оным указам, что до тамошней экономии принадлежит, основного определения по се число учинено не было". Наконец, исходя из "интересов и надобность тамошних обстоятельств, определено от него учинить следующее: для всех экономических дел, во основании и утверждении новопостроенных, строящихся и назначенных крепостей жителями и прочими потребным к содержанию их, для градских сборов и для всякого лучшего изобретения ожидаемой от заселения тамошних мест государственной прибыли, учинить особое правление, а именовать оное «Оренбургской комиссии экономической конторою» и во оную до дальнейшего усмотрения определен ландмилицких полков майор Семен Владыкин, и к нему канцелярские служители, как тамошние, так оренбургские и во всех оренбургских крепостях оренбургских градских и акцизных сборов правления, что принадлежит до экономии, и всем атаманам впредь всякие свои прошения подавать в ту экономическую контору, которая должна суд и расправу чинить безволочно..."⁵².

Так при Урусове была учреждена Экономическая контора. Под ее ведением заводилось все "нужное к житию человеческому", в том числе "также и казенная пашня начата", которая "год от года" умножалась⁵³.

На экономических служителей приходилась пятая часть всего состава Оренбургской комиссии, включая ссыльных. Если же не считать последних, то только рядовые работники экономической службы составляли почти четверть от итоговой численности людей всех чинов и званий, служивших в комиссии. Подавляющее большинство из этих работников были извозчиками и кучерами (96 чел.) или мастерами (18 чел.).

Фактически в ведении той же экономической службы состояли мастера и торговые люди, записавшиеся для поселения в новый город Оренбург. Тот еще оставался не построенным, а потому его будущее купеческое и посадское население использовалось на службе по усмотрению Оренбургской комиссии и составляло почти десятую часть людей, ей подчиненных.

Наряду с рядовыми служителями и переселенцами экономической служба была укомплектована офицерами, унтер-офицерами, канцеляристами, а также выборными от торговых людей. Еще в инструкции Кирилову 1734 года было установлено "к сборам экономическим, к промыслам, продажам и к менам, к приходу и расходу определять верных и надежных людей с вобсчаго согласия, будусчи притом смотря верности и достоинства". По этому пункту, как упоминалось выше, при Урусове "исполнение учинено; и ныне у зборов определены из присланных в Оренбург на житье бывшей майор Бобровской камисаром, а к нему в помось приданы бурмистры". Казенные доходы в целом при Урусове были "в таком уже состоянии, что около 5000 рублей в год собирается, а для умножения всего того от него, генерала-лейтенанта, в высочайший кабинет генеральное представление учинено от 24 ноября 1740 году..." Благодаря этому "как оному Бобровскому, так и всем при Экономии находящимся штаб и обер-офицерам и канторным служителям жалование велено производить из Оренбургских доходов, а не из суммы комисской"⁵⁴.

О значении Экономической конторы говорит тот факт, что из всех руководителей отдельных служб Оренбургской комиссии штаб-офицерский чин премьер-майора имел только упомянутый Бобровский. Еще двое штаб-офицеров, упомянутых в Табели, служили в ее высшем органе — присутствии, но не постоянно, а по совместительству с военной службой. В середине 1741 года таковыми являлись полковник Уфимского гарнизонного драгунского полка Борис Останков (вскоре замененный Петром Шумаевым из ландмилицкого Алексеевского полка) и того же Алексеевского полка подполковник Максим Куроедов. Еще од-

ним членом присутствия Оренбургской комиссии был тогда "в должности ассессора секретарь Петр Рычков".

Заметные усилия были предприняты для уменьшения расходов Оренбургской комиссии на закупку и доставку провианта. Первой предпосылкой тому стало развитие земледелия в новых поселениях. Во-вторых, "немалая польза учинена при генерал-лейтенанте, ибо сыскан новой блиской путь". В-третьих, "отдатчики сами в новые крепости провиант ставят до Сорочинска", откуда, правда, основная часть грузов по-прежнему перевозилась на казенных судах и лошадях, но все же не столь большие расстояния, как прежде⁵⁵.

Экономическую службу озабочивали и дела, направленные на развитие новых отраслей хозяйства края и соответственно на получение новых источников казенного дохода. Так, еще в 1738 г. последовало, а в 1739 г. было подтверждено распоряжение правительства рассмотреть возможности закупки верблюжьей шерсти, способы ее использования и выделки. На 1741 год выполнение этого поручения было в следующем состоянии: "Оная шерсть в Комерц коллегия отдана и для чисчения посланы были с Яику бабы. А в Самаре оной шерсти ныне еще несколько закуплено, которую определено, вычистя перепрясть, что под смотрением Экономической конторы и исправляется, а как изготовлена будет, тогда... исполнение учинено имеет быть"⁵⁶.

В ведении Экономической конторы находились дела по поиску руд и полезных ископаемых. Поэтому в ее составе числились специалисты горного дела: подштейгер, рудоискатель, пробирный мастер. Наладить промышленную добычу и производство металлов Оренбургская комиссия не смогла, поскольку разысканные их месторождения находились на Урале, где продолжалось восстание башкир. Однако еще Татищев, считавший преждевременным развитие здесь металлургической промышленности, обращал внимание на использование поделочных и самоцветных камней, находки которых приходились не только на горные районы Урала, но и были сделаны в Заволжье.

Эти предложения Татищева вначале столичное начальство не заинтересовали. По поводу отправки "камня марморов и агатов" Татищеву было предписано с этим делом не торопиться и "того смотреть, чтоб нужнейшия работы прежде всего отправлены были, понеже уповательно, что по основательном утверждении в тех местах еще многие такие земляные богатства с вящей выгодною и легостию сысканы быть могут". Тем не менее несколько камней в 1739 г. были отправлены в Петербург в Акаде-

мию наук, а в Самаре "для обделывания оных при Оренбургской комиссии учреждена точильная и парировальная (полировальная) работа..."⁵⁷. По Табели 1741 г. под ведением Экономической конторы в Самаре обучались гранильному делу 4 ученика.

Не будучи прославлен трудами на ниве науки и просвещения, как его предшественники, Урусов внес посильный вклад в их развитие в подведомственном крае. В марте 1741 г., извещая Татищева об успехах татаро-калмыцкой школы в Самаре, заботу о которой Урусов принял на себя, он пишет о работе над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами книг с восточных языков: "Во всем том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь ваше-му превосходительству известны"⁵⁸.

В 1741 г. в Самаре "при комисской школе в разных науках" состояло учеников, учителей и служителей:

"науки" и "школы"	"звания" и "чины"	количество (чел.)
В певческой	Учитель	1
В певческой	Школьников	3
В словесной	Учитель	1
В словесной	Школьников	19
В писчей	Учитель	1
В писчей	Школьников	15
В татарской	Учитель ахун	1
В татарской	Школьников	10
В калмыцкой	Школьников	5
При школах	Сторож	1
При школах	Писчик	1
Итого		58

6 июня 1741 г. было приказано завести школу и для калмыцких детей в Ставрополе. Резолюция Кабинета Министров об этой школе появилась стараниями коменданта Змеова. Средства на нее выделялись за счет убавки жалованья тем священникам и церковнослужителям, определенным к кочевникам, которые не знают калмыцкого языка. Обучение калмыцкому и русскому языкам в школе взял на себя ставропольский протопоп Андрей Чубовский⁵⁹.

Но за хозяйственными и прочими мирными заботами не приходилось забывать о делах военных. До Самары докатывались отголоски восстания в Башкирии. Сюда на переговоры с Урусовым явились мятежные старшины Алдарбай Сскеев, Сентбай и другие. По требованию генерал-майора Соймонова Урусов ото-

слал их из Самары в Мензелинск с просьбой не наказывать до царского указа. Но Соймонов приказал обезглавить пленников⁶⁰.

Личная встреча с Соймоновым долго откладывалась. Урусов сносился с ним письменно, предлагал по первому зимнему пути быть в Самаре, что получило характер приказа после подтверждения в именном указе. Более того, в начале 1740 г. "всю башкирскую комиссию от упомянутого генерал-майора ему, генерал-лейтенанту, принять было повелено", но поездка Соймонова в Самару сорвалась, как и сдача им башкирских дел Урусову из-за обострения обстановки по причине мятежа Карасакала. Указом от 23 мая Соймонову было "повелено остаться в Башкирии по-прежнему"⁶¹.

Объединение в одних руках Башкирской и Оренбургской комиссий не произошло. Взаимоотношения их начальников строились по-прежнему с учетом Табели о рангах, в которой чин Урусова стоял выше, чем Соймонова, но прямой подчиненности не было.

В оренбургский поход 1740 года Урусов вышел 13 мая и, как оказалось, слишком рано. Отряд почти в 4,5 тыс. чел. расположился лагерем "от Самары в 15 верстах у старого Падовинского ретражемента" и до 27 мая не мог переправиться через р. Самару из-за большого половодья и сильных ветров. Однако поход все-таки начался, и 5 июня уже прошли Бузулук, когда был получен указ Военной коллегии отменить движение к Оренбургу и действовать против мятежных башкир совместно и по сношению с Соймоновым⁶².

До Оренбурга Урусов в это лето добрался только 24 июля, но повстанцам в тот год было нанесено решительное поражение. Пробыв в Оренбурге до начала сентября, он вернулся в Самару 28 числа того же месяца, задержавшись по дороге для проведения массовой экзекуции разбитых мятежников⁶³.

Дела, связанные с башкирским восстанием, еще некоторое время продолжали отзывать в Самаре. Сюда, как в более безопасное по сравнению с находящимися в самой Башкирии городами место, был прислан от Соймонова и содержался под караулом мулла Елдаш, один из главных предводителей повстанцев, приговоренный к смертной казни. Существовал план, так и не осуществившийся, заманить в Самару скрывшегося у казахов военного вождя мятежных башкир Карасакала и там заключить его, скованного, в "секретное крепкое место"⁶⁴.

В конце 1740 г. Урусов заболел цингой. Весной болезнь обострилась, а 22 июля 1741 г. он скончался и был похоронен в Самаре. Над могилой его в трапезе церкви Казанской Божией Матери была установлена чугунная позолоченная плита с надписью и фамильным гербом⁶⁵.

Получив известие о кончине Урусова, Кабинет Министров стал слать распоряжения по Оренбургской комиссии в ее канцелярию, а 5 сентября последовал указ о передаче дел по этой комиссии Соймонову, пожалованному в генерал-лейтенанты. Однако выполнить немедленно приказ о выезде в Самару Соймонов не смог и "того ради, взяв к себе оной комиссии секретаря Рычкова с несколькими канцелярскими служителями, всею комиссиею управлял, будучи в Мензелинске, канцелярию потребными наставлениями снабдив..."⁶⁶.

П.И. Рычков стал к тому времени одним из видных деятелей комиссии. 23 января 1740 г. он был произведен из бухгалтеров в секретари. Представление об этом производстве сделал еще Татищев, а соответствующий указ получил Урусов⁶⁷.

Рычков одним из первых администраторов буквально врос корнями в "Новую Россию", где прочно обосновался с семьей. Сюда приехали и здесь умерли в 1738 г. его родители, отец — в заботах о развитии восточной торговли в Оренбурге, а мать — в Самаре на руках сына. Все дети Рычкова родились в этих краях: первенец — в Уфе, за ним трое — в Самаре, остальные появлялись на свет позже уже в новой Оренбургской губернии⁶⁸.

Рычков безотлучно находился при всех сменявших друг друга начальниках края, пользовался их доверием и расположением. "При таких обстоятельствах, — вспоминал он, — имели они меня всегда и во всех походах при себе и подлинно содержали меня в отменной милости". Даже опальный Татищев, в свое время сгоряча чуть было не посадивший Рычкова на цепь, с 1741 г. начал хлопотать за него перед Петербургской Академией, чтобы та отметила и наградила его усердие в науках, и, "хотя он тогда от Оренбургской комиссии и отлучен был", поддерживал ходатайства Урусова и Соймонова о новом повышении Рычкова в чине⁶⁹.

По словам Рычкова, Урусов его "безмерно любил". Незаменимым помощником он оказался и для Соймонова. За последним сохранялось начальство над Башкирской комиссией, а потому он последовал примеру предшественников, которые "в таких строгих случаях" возлагали на Рычкова "все канцелярское правление" Оренбургской комиссии. Из дел, связанных с За-

волжьем и поднятых в правление Соймонова, можно отметить направленное в Кабинет Министров представление, "чтоб самарских городских дворян и казаков, яко уже ненужных в Самаре, перевести в Оренбург"⁷⁰.

Соймонов не решался отъехать в Самару также из-за конфликта с уфимским вице-губернатором Петром Дмитриевичем Аксаковым. После тяжбы Татищева с Шемякиным это был уже второй случай, когда взаимоотношения руководителя Оренбургской комиссии и начальника Уфимской провинции приобретали столь острую форму. Вновь это было связано с обвинениями в злоупотреблениях и корыстолюбии. Не останавливаясь на подробностях произошедшей ссоры и следствия по этому делу, поскольку они связаны были с делами башкирскими и практически не касались заволжских и оренбургских, отметим, что Соймонов не решился покинуть Мензелинск и оставить без надзора опасного противника, обладавшего прочными связями и поддержкой в столице. Кроме того, Соймонов опасался покушения на пути в Самару со стороны башкир, с одной стороны, подстрекаемых Аксаковым, а с другой, и без того ненавидевших его за действия при подавлении восстания, во время следствия и расправы над бунтовщиками⁷¹.

Лишь добившись разрешения на поездку в Петербург для дачи личных объяснений по делу Аксакова, Соймонов выехал 2 февраля 1742 г. из Мензелинска под охраной сильного конвоя, предполагая сначала заехать в Самару. Вслед за ним под предлогом принесения поздравлений новой императрице Елизавете Петровне по случаю вступления ее на престол должна была отправиться в столицу депутация тех башкир и мещеряков, что стояли на стороне Соймонова против уфимского вице-губернатора. Видимо, не без помощи петербургских покровителей Аксакова появление при дворе генерала с его сторонниками не состоялось. Уже по дороге в Самару Соймонову встретился курьер с указом о назначении начальником в Оренбургскую комиссию тайного советника И.И. Неплюева. Тем же указом Соймонову предписывалось явиться в Сенат только после сдачи всех дел новому командиру. В итоге башкирские депутаты выполнили в столице только официальную часть своей поездки, принесли положенные поздравления, получили подарки, но не смогли без генерала подать свои жалобы и тем повредить положению Аксакова⁷².

По прибытии 15 февраля в Самару Соймонов занялся приведением в порядок дел. Он "ни о чем уже столько старания не

прилагал, как токмо о сем, чтоб ему состоящие тогда в ведении оренбургской комиссии гарнизонные и ландмилицкие полки... укомплектовать." На офицерские должности подведомственных полков "по чиненному тогда баллотированию и по аттестатам немалое число произведено". Неплюев приехал сюда в конце апреля, а в первых числах мая Соймонов сдал ему команду и убыл в Москву, где продолжало рассматриваться его дело с Аксаковым⁷³.

История причудливым образом повторялась. Жизненный путь Урусова, как и Кирилова, оборвался в Самаре. Соймонов завершил свою деятельность в Оренбургской комиссии подобно Татищеву безрезультатной тяжбой с другими местными командирами.

Оставались без исполнения не только широкомасштабные проекты 1734 года, но и конкретный замысел построения Оренбурга. Однако условия освоения Юго-востока Европейской России заметно изменились. Усилиями Кирилова и Тевкелева, Татищева и Змеова, Урусова и Соймонова край был близок к тому, чтобы войти "в общую систему прочих областей Российской Империи..."⁷⁴. Завершить эти труды и выполнить задачу окончательного включения огромной территории в состав государства выпало на долю И.И. Неплюева.

§ 5. Неплюев — последний руководитель комиссии и первый оренбургский губернатор

Иван Иванович Неплюев связал свою судьбу с Заволжским и Оренбургским краем не по своей воле, как Кирилов, и даже не в порядке обычного перевода по службе, как Татищев или Урусов. Для одного из самых высокопоставленных администраторов царствования Анны Ивановны это была откровенная ссылка. Новая императрица Елизавета Петровна не была жестокой, но в ее окружении было достаточно людей, которые не собирались прощать Неплюеву прежних его успехов и своих обид. Лишенный чинов, наград и деревень, Неплюев оказался в первые недели правления Елизаветы на грани окончательного падения, но столь очевидная суровость продлилась недолго. В начале 1742 г. он был вызван ко двору, и ему возвратили орден св. Александра Невского⁷⁵.

Пытавшийся поправить свое положение Неплюев, пользуясь случаем, "сделал визиты всем знатным", чтобы добиться нового престижного назначения и выслужить окончательное прощение

у новой государыни.хлопоты оказались тщетными. За него уже все было решено: "Через несколько дней сделана мне от сената повестка, чтоб я во оный явился, где мне объявлен ся величества именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром". Место, ему предназначенное, обрадовать никак не могло, а на домашних произвело самое тягостное впечатление: "По содержанию того высочайшаго повеления отправился я с покойным по невинности моей духом; но в несчастье таковое приведенная жена моя, с самого сего дня, подверглась в уныние, и от того никаким советом ее я извлечь не мог, от чего и почувствовала тяжкие болезненные припадки"⁷⁶.

В тяжелом душевном состоянии Неплюев прибыл 26 апреля 1742 г. с молодой женой Анной Ивановной (родной сестрой знаменитых впоследствии графов Н.И. и П.И. Паниных) и двумя детьми, Анною и Николаем, в Самару. Личные неурядицы усугубляли удручающие впечатления от здешних дел. Как и Татищев, Неплюев был не всегда справедлив в оценке дел своих предшественников. Но, в отличие от Татищева, он бросил первый критический взгляд не на счета и конторские порядки, а на общее состояние стратегических планов, положенных в 1734 г. в основание Оренбургской комиссии. Может быть, он первым из преемников Кирилова по-настоящему понял, чего тот добивался.

Уже минуло три года, как очевидное желание Татищева осесть в Самаре было поставлено в вину руководству Оренбургской комиссии. Однако по-прежнему в этом, "на Волге лежащем городе, все командиры той экспедиции имели свое пребывание, а граница оставалась вся неукрепленною, кроме некоторого малого числа крепостей по Самарской и Яицкой линиям, и главнейшая из тех крепость, именуемая Оренбург, а после ... Орскою, на реке Яике, была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером и снабженная малым числом гарнизона. В ту крепость Орскую по однажды в год езжали командиры со многочисленным конвоем, потому что по всей той линии регулярных команд нигде не было, кроме беглых крестьян, названных казаками, в некоторых местах населенных, а в зиму и вовсе коммуникация с Яицкою линиею пресекалась"⁷⁷.

Своим первым долгом Неплюев посчитал произвести осмотр крепостей и укрепленных линий, "почему того ж 1742 году по оным и ездил". В тот год Неплюев выступил из Самары уже 9 июня. 13 июня он прибыл в Красносамарскую крепость, "где будучи, о должности тамошнего командира учинена обстоятельная

инструкция, а 14 числа отправлен курьер о походе его, тайного советника, и о разных делах в Правительствующий Сенат с доношением. Следуя далее в сем походе, и у каждой крепости состояние ее рассматривая, снабждал он командиров достаточными инструкциями"⁷⁸.

28 июня отряд Неплюева был уже в Переволоцкой крепости, "а 30 о расположении военных людей в построенных по Самаре реке крепостях с штаб-офицерами консилиум был и учинено о том надлежащее представление". В другой редакции "Истории" Рычкова, а также в его "Топографии" в схожем тексте вместо "Самаре" напечатано "Сакмаре"⁷⁹, видимо, по ошибке. Устройство Сакмарской укрепленной линии действительно рассматривалось тогда же на совете командиров, но это был отдельный пункт обсуждения. К тому же никаких "построенных" крепостей на только что намеченной к сооружению линии еще не существовало, так что в приведенном выше отрывке речь шла действительно о Самарской дистанции.

Наведение порядка на установившейся заволжской границе требовало не менее пристального внимания нового начальника, нежели создание новых укрепленных рубежей по Яику и его притокам. Неплюев по результатам произведенной инспекции, "сделав примечания, определил: заведенныя селения и вновь мною на пустых и удобных местах назначенныя укрепить и по правилам фортификационным и, от степного народа к обороне достаточным, снабдя все те места гарнизоном из регулярных, артиллериею и пороховыми казнами"⁸⁰.

Однако в стратегическом отношении, заволжские дела действительно отодвигались на второй план по сравнению с главной задачей — строительством нового Оренбурга, для которого Неплюев, отказавшись от мест, подобранных как Кириловым, так и Татищевым, выбрал наконец — то удачное расположение. Этот выбор был сделан уже на второй неделе пребывания Неплюева в Самаре по подсказке людей, хорошо знавших здешнюю ситуацию на собственном опыте. О выгодах нового положения Оренбурга Неплюев представил "обще с генералом-лейтенантом Соймоновым в рапорте от 9 мая Правительствующему Сенату"⁸¹.

Вместе с тем Неплюев, не желая совершить ошибку в своем выборе, во время летнего похода не раз возвращался к этому вопросу. После того, как его отряд 1 июля перебрался с р. Самары на р. Яик, он 4 июля сам осмотрел намеченное под новый город место при Бердской слободе. 11 июля туда для совещания

с Неплюевым приехал уфимский вице-губернатор Аксаков, который не только доложил о башкирских делах, но и одобрил новое местоположение Оренбурга. Витевский неправильно называл местом их встречи Уфу, что не только не соответствует фактам, но и искажает характер взаимоотношений двух начальников, субординацию их чинов⁸².

На новом совете командиров Оренбургской комиссии в Орской крепости 28 июля вопрос о строительстве нового города был опять поставлен на обсуждение. По нему было выработано окончательное решение, о котором Неплюев на обратном пути в Самару 27 сентября из Сорочинской крепости сообщил в столицу вместе с прочими своими рапортами и предложениями по результатам летнего похода: "О всем вышеписанном донес я как в сенат, так и в Коллегию Иностранных дел, от коих и получил во всем том апробацию". Указ из Правительствующего Сената от 21 октября о возобновлении строительства Оренбурга при Бердской крепости был получен Неплюевым в Самаре 15 ноября⁸³.

В стремлении решить наболевший "оренбургский вопрос" руководство комиссии неизбежно начинало смотреть на Заволжье как на свой более или менее безопасный тыл, источник пополнения людьми городов и крепостей по Яику. Показательным в этом отношении является представление Неплюева о выдаче полкам, которые будут расположены по рекам Сакмаре, Яику и Ую, повышенного жалованья по сравнению с теми, что останутся по р. Самаре и во внутренних районах Башкирии. В том же ряду стоят планы увеличения в Оренбурге как торгово-ремесленного населения, "приманивая купцов из Самары и из других мест разными выгодами", так и служилых людей путем обязательного перевода на новое место жительства. Неплюев поддерживал предложения своих предшественников, Татищева и Соймонова, "о самарских дворянах и казаках..., дабы их на основании прежних указов перевести в Оренбург с объявлением, что город Самара ныне прикрыт новою линиею, и оных дворян и казаков на таком жалованье, какое они прежде получали, при городе Самаре содержать нужды не признается..."⁸⁴.

При этом Неплюев вовсе не хотел и не мог допустить безоглядного ослабления воинских сил в Самаре и ближних к ней районах. По данному поводу он получил в указе от 21 октября 1742 г. соответствующие предупреждения высших органов власти: "Что до распределения команд по всей там новоразположенной линии принадлежит, оное особливо ему, тайному советнику

в рассмотрение поручить, ибо где сколько регулярных, так и нерегулярных содержать надлежит, о том точного определения по отделенному месту Правительствующему Сенату учинить невозможно и для того ему, тайному советнику, яко сведущему все тамошние места о том достаточное определение учинить и того одного смотреть и держаться, дабы вся линия селением распоряжена, чтоб в случае нечаянных воровских подбегов не только отпору чинить было можно, но, скорой сикурс доставши, таких воров не упустить и во всех местах, где бывали или быть могут воровские ж перелазы, там для пресечения того надлежащее укрепление сделать, чрез что вся безопасность от перебегов утвердиться может и подданные в покое останутся и переезды из крепости до крепости всегда будут свободны, а наипаче когда между за прочными крепостями, как он, тайный советник, доносил, також селении ж учинено будет”⁸⁵.

В прямой связи с данными указаниями Неплюев дополнил свои предложения о переводе самарских и алексеевских служилых людей в Оренбург тем, что “за потребно признал... в Самаре же оставить для градских потребностей взятых при покойном генерале-лейтенанте князе Урусове из Саратова казаков шездесят человек, набрав к этому из их детей сорок человек”. Нашелся “способ” и к тому, “чтоб и Алексеевск без таких людей не остался”. Неплюев обратил внимание на казачью Мочинскую слободу, “в которой ныне никакой потребности нет, паче же и не полезна тем, что выдана за реку Самару в степь... и за тем всегда она подвержена означенным воровским подбегам калмык и бедным казакам ежегодно причиняются от них разорении, и для того надлежит оную, яко никак не полезную оставить, а поселенных казаков в помянутой Алексеевск перевести и определить из них на жалованье человек сто”⁸⁶.

Пока это доношение дошло в Сенат и было там рассмотрено, Неплюев побывал в Ставрополе. Там, “будучи с тамошним комендантом бригадиром Змеевым обще согласное определение учинил, чтоб в ставропольском гарнизоне быть двум пехотным ротам, а третью тамо имеющуюся перевести и поселить при городе Самаре гарнизоном же”. Компенсацией за перевод этой роты должно было стать создание в Ставрополе постоянной казачьей команды в 50 человек.⁸⁷

10 января 1743 г. Сенат вынес определение о разрешении вывода самарских и алексеевских казаков в Оренбург, но вновь обязал Неплюева “прилежно рассмотреть по таковым их всех переселении, не будет ли в тех городках какой к содержанию и

обранению нужды..." Для окончательного решения этого вопроса его вынесли на совет командиров Оренбургской экспедиции, на котором "за лутчее разсуждено из Мочинской слободы пятьдесят человек перевести в Ставрополь, где им и дома готовые дадутся, а достальных в Алексеевск". Переводу в эти города подлежали только православные и русские казаки. "А поселившихся в той крепости казаков же из иноверцов" было решено "перевести и переселить между Алексеевска и Красносамарска близ дороги (Московской — Ю.С.) для способнейшего проезду, куда и артиллерию из той крепости им перевести"⁸⁸.

Новое поселение казаков-мусульман на пограничной линии сохранило название прежнего места жительства ее поселенцев. Оно продолжало называться Мочинской слободой, хотя стояло теперь не при р. Моче, а на р. Самаре (современное с. Красносамарское).

Передислокации гарнизонных и казачьих частей, намеченные зимой, имели одно примечательное следствие. Формально остававшиеся вне прямого ведения Оренбургской комиссии приволжские левобережные города Ставрополь (столица крещеных калмыков, управлявшихся Коллегией Иностранных дел) и Самара (состоявшая в Симбирской провинции Казанской губернии) в военном отношении оказались под командой Неплюева. Тот в свою очередь поручил "ставропольскому коменданту иметь попечение" "о всей тамошней страны безопасности, яко же о городе Самаре и о Закамской линии"⁸⁹. Ставрополь из крепости при калмыцком войске превращался в административный центр северо-западной части Заволжья.

После отъезда Соймонова и прекращения с ним деятельности Башкирской комиссии общее руководство вооруженными силами в Заволжье и на Южном Урале переходило в руки Неплюева, который не был боевым генералом и не имел опыта командования войсками. Обстановка же в подведомственном ему крае оставалась по-прежнему тревожной, поэтому "для воинских дел требовал он себе в помощь генерала-майора, который в команду его и прислан"⁹⁰.

В командировку к Неплюеву был определен генерал фон Штокман⁹¹. Однако не боевые заслуги последнего, а совсем другое поручение оставило его имя в истории освоения Юго-востока России.

Сам Неплюев в январе 1743 г. выехал из Самары в многомесячную поездку в Башкирию и Зауралье. Но предварительно в первые дни нового года были "учинены основательные опреде-

ления, как о строении города Оренбурга, и о поездке для того в марте месяце генерала-майора фон Штокмана в Бердскую крепость, с надлежащими к тому инженерами и с прочими служителями, так и о переведении туда из города Самары всей Оренбургской комиссии, и каким образом в отсутствии тайного советника поступать". Кстати, этим тоже не закончилось обсуждение планов устройства Оренбурга. Прибыв в Уфу, Неплюев вновь рассматривает их на новом совещании с Аксаковым, по результатам которого 7 февраля в Сенат препровождается общее определение⁹².

Казалось, что предусмотрено было все необходимое. Почти год вопрос изучался со всех сторон, чтобы обезопасить дело от неприятных неожиданностей. И, действительно, 19 апреля Штокман отправил Неплюеву донесение о закладке нового Оренбурга. Однако одновременно с этим Неплюеву пришли и тревожные известия, "что как по Самаре реке, так и по Яику, а особливо в новозаложенном городе Оренбурге, и в застроенных по Сакмаре реке крепостях, цинготная болезнь над людьми столько умножилась", что уже к маю в гарнизонных и ландмилицких полках было 1357 больных. С января от цинги умерло 631 чел. Цинга утихла летом, но возвратилась осенью, продолжала свирепствовать весной следующего года "и немалое же число людей поморила"⁹³.

Планы построения столицы российского юго-востока который уже раз оказались под угрозой срыва, и виновата была не только болезнь. Предчувствия военной угрозы не обманули Неплюева. На сей раз она исходила из казахских степей. Набеги степняков застали врасплох многих переселенцев на пограничных линиях. На Яике в плен было захвачено и угнано до 100 украинцев. Настоящие бои развернулись на Самарской дистанции, где казахи атаковали "редут Честного Креста, между Сорочинской и Новосергиевской крепости имеющийся..., однако никакой удачи не получили и от показанного редута с немалым уроном отбиты..." Не удался им и ночной набег на саму Сорочинскую крепость, где содержался в аманатах сын хана Малого Жуза. На границу были переброшены дополнительные воинские команды, "по собрании коих пакости и наглости киргис-кайсацкие удержаны"⁹⁴. Обстановка грозила увлечь основные силы Оренбургской комиссии в новый вооруженный конфликт, как то уже было во время башкирского восстания.

Продолжавшиеся нападения казахов, "что, как выше значит, чинились от них на нижней Яицкой и по Самарской линиям",

заставили Неплюева прервать поездку по восточным районам подведомственной ему территории и поспешить тогда в Оренбург. Для решения вопроса "о прекращении оных злодейств" там состоялся новый совет командиров, на котором выбиралась тактика действий, оборонительная или наступательная. Из-за обилия работ в крепостях, невозможности оставить их без защиты, а также из-за крайнего изнурения людей и лошадей этими работами было решено "поступать сперва оборонительною рукою". На будущее предполагалось собрать необходимые сведения от всех губернских и провинциальных властей Поволжья и Приуралья, от ставропольского коменданта и яицкого атамана и на основании их учинить "генеральный план". Он должен был предусмотреть все необходимые меры "к конечному и совершенному таких Киргис-Кайсацких наглых и злодейственных поступков пресечению...", чтоб во время потребностей всегда по тому поступать и действовать". Этот план был составлен Неплюевым и Штокманом в первые дни 1744 г. и 14 января отправлен в Сенат⁹⁵.

Но ни цинга, ни кочевники уже не могли остановить Неплюева. Его успех был обеспечен не столько тщательностью разработки планов, сколько удачным сочетанием качеств, присущих каждому из его предшественников по отдельности, но в совокупности слитых только в нем. Он не меньше Кирилова стремился к поставленной цели, но превосходил того опытом. Столь же богатый опыт административной деятельности был и у Татищева, которому, однако, не хватало гибкости одного из лучших русских дипломатов, каким являлся Неплюев. Умение расположить к себе людей было присуще и Урусову, к тому же похожему на Неплюева своим военно-морским началом карьеры, но не обладавшему достаточной инициативностью, да, наверное, и твердостью воли в достижении цели. Особо следует отметить особое "неплюевское" чувство ответственности за порученное дело, каким бы ни казалось оно сначала тягостным и даже обидным.

К неприятным новостям 1743 года добавилась личная драма. Сопровождавшая мужа в его дальней поездке А.И. Неплюева, молодая 26-летняя женщина, так и не примирившаяся с превратностями судьбы, скончалась. Случившееся в семье Неплюева еще до прибытия в Оренбург несчастье ничуть не умалило его "старание привести тот город в порядок... и снабдить достаточным гарнизоном и поселянами, для коих, как и многия публичныя строения, построил..."⁹⁶.

Последним резервом, какой можно было использовать в той трудной ситуации, когда все людские и материальные ресурсы комиссии были напряжены тяжелой работой в крепостях, подорваны цингой, отвлечены военной тревогой, оставалась личная самоотверженность руководителя. Начальник комиссии повел себя так, как будто за ним больше не было заволжских тылов и зимних квартир. О переломе, произошедшем в строительстве Оренбурга во второй половине 1743 года, Неплюев рассказывал так: "...А как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители — в их дома, а гарнизон — в казармы, и более уже (по прежнему обычаю командиров) в Самару, то есть, в Русь, не возвращался". Уже вскоре Оренбург становится не только новым административным центром Российского Юго-востока, но и местом "знатного торго", о чем мечтал еще Кирилов⁹⁷.

Заканчивался не только самый длительный этап в деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), который характеризовался тем, что основной ее базой являлась Самара и прилегающие к ней районы Заволжья. Близились к концу история самой комиссии. Ее последний, "оренбургский", период оказался гораздо короче и "уфимского", и "самарского". Он продлился всего несколько месяцев и, наряду с постройкой Оренбурга и заботами об обороне границы, был отмечен прокладкой новой основной дороги, связывающей этот город с внутренними районами страны: "Того ж лета, и для свободного к Оренбургу из Казанского уезду поездка учреждена и разными деревнями до Кичуйского фельдшпанца населена"⁹⁸.

Дорога, получившая название Новой Московской, заменила в стратегическом отношении ту старую Московскую дорогу, что провел вдоль Самарской линии Кирилов. Выгода нового пути на Оренбург состояла в том, что оставались в стороне от него не только внутренние районы Башкирии, но и оказавшаяся спокойной казахская степь.

Для истории Заволжья события 1743 года (обострение русско-казахских отношений, утверждение Оренбурга, появление Новой Московской дороги), взятые в совокупности, имели двоякие последствия. С одной стороны, ослабло значение укрепленной линии, пролежавшей вдоль р. Самары, и активность властей

на данном участке границе. С другой стороны, активизировалось освоение северо-восточных районов Заволжья, до того времени еще практически не заселенных, так как они лежали в удалении и от Закамской, и от Самарской линий.

Оренбург, после долгих злключениях наконец-то по-настоящему основанный, был важным козырем для Неплюева в восстановлении его авторитета и положения перед лицом новой государыни. Он стал добиваться в конце 1743 г. позволения явиться ко двору с докладом. 3 февраля 1744 г. им было получено в сенатском указе от 18 января разрешение прибыть в Москву. Неплюев выехал туда, взяв с собой П.И. Рычкова. Управление комиссией на время отсутствия было поручено фон Штокману⁹⁹.

В Москве, как пишет сам Неплюев, "...представил я о переименовании сей экспедиции в губернию и о приписании ко оной от Казанской Уфимской и от Сибирской Исецкой провинций, что также апробовано"¹⁰⁰. Таким образом, в начале 1744 года на карте Российской Империи появилась новая обширная губерния.

Пределы компетенции ее губернатора Неплюева были весьма обширны. Границы и круг деятельности губернаторской власти определялись в данной ему инструкции. В ней, между прочим, говорилось: "...быть в Оренбурге губернии и именоваться Оренбургская губерния и в ней губернатором тайному советнику Неплюеву, а в оной губернии ведомым быть всем тамошним по той Оренбургской Коммиссии вновь построенным и кои ныне строятся крепостям, определенным в них регулярным и нерегулярным войскам и прочим поселившимся людям, которым указами позволено, да той губерниєю под ведомством состоять, по-прежнему, Исетской провинции и с зауральскими башкирами; да ныне вновь в ведомство той губернии подчинить Уфимскую провинцию, со всеми башкирскими делами, таким порядком, как и в прочих губерниях провинции приписаны, и в вышеписанные Уфимскую и Исетскую провинции определить воевод и их товарищей по рассмотрению сенатскому, как и в прочие провинции оные определяют, и состоять им под указами Оренбургской губернии, а особо той Уфимской провинции и в ней вице-губернатору не быть, также и Оренбургской Коммиссии делам ведомым быть в той же губернии, а особливою Коммиссиею не именоваться; ему же губернатору ведать и Киргиз-Кайсацкий народ и тамошние пограничные дела, как поныне в Оренбургской Коммиссии находятся"¹⁰¹.

Таким образом, оренбургский губернатор должен был вести башкирские, казахские и пограничные дела, линии внешних и внутренних крепостей в обширном крае. Вскоре в его ведомство поступили Ставропольские калмыки и Яицкое казачье войско, приписанное прежде к Астраханской губернии. Указание на отмену вице-губернаторской должности в Уфе означало окончание постоянных конфликтов оренбургских властей с уфимскими, последним из которых стал конфликт с П.Д. Аксаковым.

Учитывая неудачу Соймонова обуздать уфимского начальника, а также влияние, опыт, связи последнего, дипломатичный Неплюев на первых порах старался поддерживать с Аксаковым добрые деловые отношения, что мы уже видели. Но согласие между ними длилось недолго. Злоупотребления и самовольство Аксакова втянули Неплюева в число противников уфимского вице-губернатора. Однако действовал Неплюев предельно осторожно, не давая повода ни Аксакову, ни его столичным покровителям обернуть начатое дело против себя самого. "Не желая восстанавливать против себя Аксакова, подобно Соймонову, Неплюев вовсе не был намерен и шадить необузданного бригадира; но старался направить дело о нем так, чтобы исполнителями его желаний были другие", — справедливо писал о тактике своего героя в этом деле Витевский¹⁰².

Несмотря на отрешение от должности в конце 1743 г., Аксаков покинул Уфу только в сентябре 1744 г., причем так и не сдав дела новому начальству в должном порядке. В столице обвинения против него, как ранее против Шемякина и Бардукеевича, были преданы забвению, а в 1745 г. была даже учреждена следственная комиссия по его обвинениям в адрес командиров Оренбургского края. Любопытно, что в тот же год вновь было поднято и "дело Татищева".

Череда постоянных повторений схожих ситуаций при выяснении отношений между начальниками юго-восточных окраин России продолжалась. Аксаков почти в формулировках Татищева, обвинявшего инициаторов Оренбургской экспедиции в личной корысти, заявлял о том же в адрес создателей Оренбургской губернии. На этот раз в паре с Тевкелевым было поставлено имя не Кирилова, а Неплюева, который, по словам Аксакова, "с умыслу представлял, дабы учинить Оренбургскую губернию и башкирский народ взять к себе в точную команду, а меня оттуда выжить". Тем не менее Неплюев сумел порвать порочный круг бесконечных тяжб и наветов, избежал судьбы Татищева

или Соймонова и не был затянут в водоворот пристрастного судебного разбирательства.

Еще одно громкое дело, порученное Неплюеву в Уфимской провинции в связи с неповиновением А.И. Тевкелеву его крепостных крестьян-татар, было решено в пользу помещика¹⁰³. На такое решение явно накладывалось не только желание Неплюева уйти от противостояния с Тевкелевым, которое грозило, судя по "делу Татищева", весьма опасными последствиями, и не только необходимость союза против Аксакова. Тевкелев был губернатору просто необходим, чтобы вывести из тупика отношения с ханом Малого Жуза и с казаками в целом.

В течение 1744 года много беспокойства продолжал доставлять "Абулхайр ханов сын Ходжа Ахмет Салтан со всеми бывшими при нем в аманатстве", который "содержан был на Самарской линии в Сорочинской крепости, от которого, так и отца его... весьма наглые поступки и неистовства происходили... По возбуждению отцовскому покушался он разными образы искать себе способ к побегу". Утихомиривать ханского сына посылали специально в Сорочинскую П.И. Рычкова, а 28 декабря Ходжу Ахмета выслали отсюда в Москву¹⁰⁴.

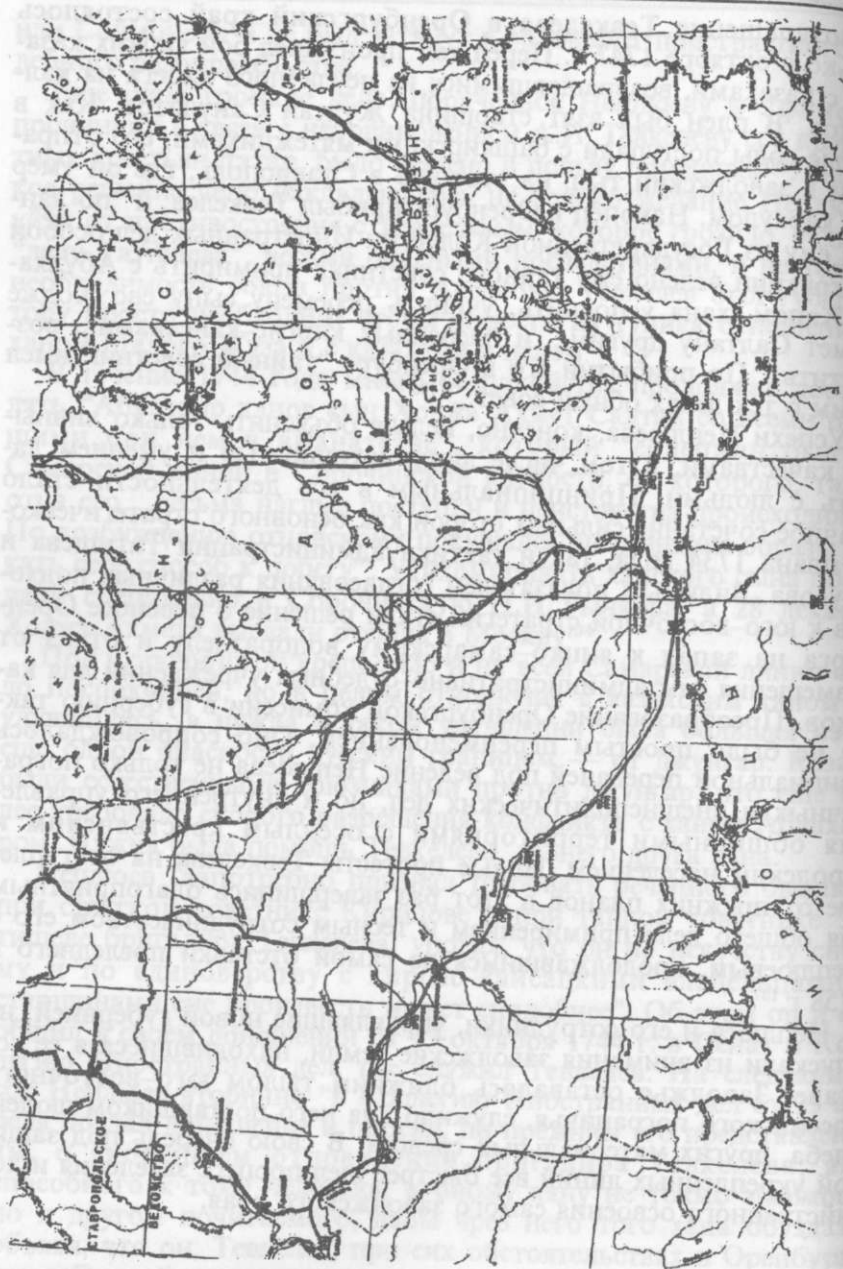
Под Сорочинской крепостью и на всей Самарской линии стало поспокойней, но в целом отношения с казахским ханом не улучшились, а нужда в таком улучшении была большая из-за еще одной опасности русским границам — от джунгар. Казахи были естественными союзниками против джунгар, что еще более требовало скорого разрешения конфликта с ханом Абулхайром. Нужна была помощь Тевкелева, давнего друга хана.

Неплюев "запотребно признал требовать реченного бывшего при статском советнике Кирилове и при тайном советнике Татищеве бригадира Тевкелева, уповая, что он по искусству своему и по единоверству с киргис-кайсацкими владельцами и старшинами сие произвесть может сподобнее". Об этом он и сообщил в своем доношении от 13 октября 1744 г. в Сенат и Коллегию Иностранных дел, где служил Тевкелев. На следующий год Неплюев вторично "в Коллегию Иностранных дел от 23 апреля послал доношение и просил, по прежним его представлениям, о скорейшем отправлении бригадира Тевкелева, яко способного к тому человека, и оному хану не токмо знакомого, но и другом почитаемого, дабы чрез него того хана обуздать, объявля, что он, Тевкелев, при сих обстоятельствах в Оренбурге, или в Орской крепости, с пользою употребляем быть может"¹⁰⁵.

Возвращение Тевкелева в Оренбургский край состоялось только в октябре 1747 г. Перед тем произошел бой яицких казаков с казаками, возвращавшимися из неудачного набега на калмыков. В плен был взят старшина Жултай Сапулатов. Как в былые годы поступали с башкирскими мятежниками, его отправили в заволжский тыл, на этот раз в Ставрополь, где он умер под караулом. Наконец в Оренбург прибыл Тевкелев, и "по данной ему из Государственной Коллегии Иностранных дел особой инструкции велено ему тайного советника примирить с Абулхаир Ханом, хана успокоить, учинить перемену сыну ево Ходже Ахмет Салтану другим... и плененных киргис-кайсаками... возвратить." По прибытии его в Оренбург "тайный советник имел с ним о тех делах общей совет..."¹⁰⁶.

Успехи Неплюева, конечно, нельзя объяснить только личными качествами, в том числе дипломатичностью и умением ладить с людьми. Принципиальным в его деятельности стало удачное сочетание сильных сторон как основного стратегического плана 1734 года, так и тактики администрации Татищева и Урусова. Видимым показателем согласования различных подходов к юго-восточной стратегии стали решение о переносе Оренбурга на запад к яйцко-самарскому водоразделу и отказ от размещения там административно-судебных учреждений для казахов. Преобразование Оренбургской комиссии в губернию также не было простым переименованием. Оно сопровождалось официальной передачей под ведение Неплюева не только пограничных и внешнеполитических дел, но и внутреннего управления обширными территориями с оседлым крестьянским и городским населением. Новые протесты Тевкелева на отступление от прежних планов в этот раз завершились благоприятным для общего дела примирением и тесным сотрудничеством его с Неплюевым, продолжавшимся до самой отставки последнего в 1758 г.¹⁰⁷

Неплюев и его сотрудники, управлявшие новой губернией, не упускали из внимания заволжские земли, находившиеся в ее составе. Заволжье оставалось ближним тылом юго-восточного российского пограничья, служило для него поставщиком людей, хлеба, других материальных средств. В свою очередь под защитой укрепленных линий все быстрее шел процесс заселения и хозяйственного освоения самого заволжского края.

Заволжье и Приуралье в составе Оренбургской губернии

§ 6. Крестьянское и посадское население заволжских земель Оренбургской губернии

Оренбургская губерния была образована 15 марта 1744 г. Юго-западная граница новой губернии носила довольно условный характер. По Рычкову, для представления об этой границе "от города Самары можно дать еще прямую линию на Яицкий казачий городок". Это приблизительно совпадало со степной дорогой рыбных обозов с Яика на Самару. Однако реально граница заселенных оседлыми жителями земель по-прежнему была обозначена Самарской укрепленной линией. В административном отношении населенная территория Заволжья к северу от р. Самары входила в эту губернию следующими территориальными единицами¹⁰⁸:

* Ставропольским уездом (провинцией), образованным 29 февраля 1745 г.;

* Самарской дистанцией крепостей, существующей с 1736 г., с военно-служилым населением, как регулярным, так и вошедшим в состав Оренбургского казачьего войска;

* Ведомством Бугульминской земской конторы, учрежденной в 1747 г. и обеспечивавшей заселение и функционирование Новой Московской дороги.

Город Самара и пригород Алексеевск формально находились в пределах Симбирской провинции Казанской губернии. Однако они сами, их округа и население находились в сильной зависимости от оренбургских властей. Численность городских купцов и других посадских людей в них вместе составляла в 1744 г. (по II ревизии) 437 душ мужского пола. Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли немногочисленные группы постоянных жителей города. Невелика была и принадлежавшая им дворян. Некоторое число крепостных дворовых людей имелось у зажиточных купцов и казачьих командиров. Всего в Самаре по II ревизии числилось 34 души м.п. дворовых людей. Никаких сельских поселений с податным населением в левобережной части Самарского уезда тогда не было¹⁰⁹.

Основная часть освоенной территории Заволжья входила в Ставропольский уезд. Фактически в его территорию включались и многие селения как вблизи Новой Московской дороги, так и Самарской линии крепостей, хотя сами укрепления и гарнизоны последней подчинялись не Ставропольской воеводской канцелярии, а комендантам, назначаемым непосредственно из Оренбурга. Первые итоги движения населения на новые заволжские

земли подвела перепись Ставропольского уезда, проведенная в 1747 г. в рамках II ревизии. Ниже в тексте и табл. 10 использованы именно материалы этой переписи¹¹⁰.

В ходе переписи не только фиксировался существующий состав населения, но и отмечались места выхода переселенцев. Таким образом, можно увидеть динамику передвижения населения во вновь обживаемый край. Исходная точка отсчета — 1-я ревизия 1719–1721 гг. Все переселившиеся в край после нее отмечены особо.

Единственным городским поселением уезда был Ставрополь. Податное население, по сказкам 1747 г., насчитывало здесь 305 душ м.п. К сословию купцов относилось 124 души м.п. К цеховым мастерам принадлежало 173 души м.п. и к дворовым людям — 8 душ м.п.

Подавляющее большинство ставропольских купцов были выходцами из Симбирска (60 душ м.п.) и из селений Симбирского уезда (24 души м.п.), в том числе отмечены выходцы с правобережья Самарского края. Так, из села Ахтуши написали в купцы г. Ставрополя А.А. Трубникова с пятью детьми, как его собственными, так и оставшимися после умерших зятя “да племянника его ж Трубникова родного”. Трубников с родней числились дворцовыми крестьянами, но на самом деле, видимо, были беглыми. Показательна судьба его племянника, “который из того села взят был по крепостям помещицей”, а затем продан “Самарского рыбного двора подъячему” И.С. Линеву, а от того был отпущен с сыном на волю. Также шесть душ м.п. были записаны в ставропольские купцы из села Усоля (дворцовые крестьяне и поповский сын), а также один человек из села Жигулей. Кроме них, в Ставрополе в купцах оказались перешедшие из Сызрани, Астрахани, Карсуна, Белого Яра, Саранска, Тетюшей, Москвы, Шуи, Казанского и Балахонского уездов и даже 5 душ м.п. “польской нации”.

В “приписные к купечеству цехи” Ставрополя были записаны выходцы из Сызрани и Сызранского уезда (7 душ м.п.), Симбирска (63) и Симбирского уезда (37, в том числе из ближних сел Усы и Усоля), Белозерска и Белозерского уезда (5), городов Астрахани (6), Азова (3), Саратова (1), Тамбова (1), пригорода Майны (1), уездов Саранского (4), Курмышского (3), Свияжского (5), Арзамасского (2), Чебоксарского (2), Казанского (4), Костромского (3), Ярославского (2), Ставропольского (1), Алатырского (1), Пензенского (1), Пошехонского (1). Кроме русских, которых было подавляющее большинство, среди них были

новокрещенные татары (5), чуваша (8, к ним относились все упомянутые выходцы из Курмышского и Чебоксарского уездов) и мордва (7, в их числе были все выходцы из Саранского и Пензенского уездов).

Среди записанных в цехи были также не указавшие место выхода незаконнорожденные и “не помнящие родства”. Имелись также лица “польской нации” (5 душ м.п. из Могилева, Варшавы, Витебска, Вильны) и “персидской нации” (1 чел.) Национальный состав дворовых людей в Ставрополе был следующим: русские — 3 души м.п., башкиры — 3, калмыки — 2.

Результаты переписи крестьянского населения Ставропольского уезда подсчитаны в таблице 10. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что среди сельского населения уезда подавляющее большинство (две трети) составляют переселенцы. Преобладание переселенцев над старожилами было бы еще более заметным, если бы в составе Ставропольского уезда оказались только вновь присоединенные территории Заволжья. Но его граница была проведена по течению р. Черемшан, и ряд селений Симбирского и Казанского уездов по левому берегу этой реки, являвшихся окраиной исторического Закамья и возникших еще в конце XVII — начале XVIII вв., были переданы в новый уезд. Поэтому более половины населения уезда (51,3%) проживало в старых селениях, зафиксированных еще первой ревизией. В этой группе селений соотношение старожилов и новоприходцев было обратным, именно первые составляли две трети ревизских душ. Хотя число сходцев, осевших в старых селениях, было значительным (1688 душ м.п.), подавляющее их большинство водворилось в новые поселки (4867 душ м.п., или почти три четверти переселенцев).

Во всех сословных группах крестьян, кроме немногочисленных дворцовых, переселенцы также составляли большинство от двух третей среди государственных (ясачных) до трех четвертей среди владельческих (монастырских и помещичьих). Потомки служилых людей (русские одноворцы и иноверцы) практически все оказались новопоселенцами края.

К 1747 г. ясачные крестьяне разных национальностей составляли две трети сельского населения уезда. Пятая часть всех крестьян были крепостными отдельных помещиков. Остальные сословные категории были не очень значительны по численности.

С середины 40-х гг. XVIII в. в Заволжье стало быстро расти помещичье землевладение. В 1746 г. М.А. Богданов купил у

Таблица 10.

Состав сельского населения Ставропольского уезда в 1747 г.

Сословные по национальные группы крестьянского населения	Всего (чел.)	В % ко всем жителям	Написаны в прежнюю ревизию и их дети		Новопоселившиеся	
			чел.	в % от числен. групп	чел.	в % от числен. групп
общая численность	9995	100%	3440	34.4%	6555	65.6%
в том числе по сословным группам крестьянства:						
ясачные	6597	66.0%	2741	41.5%	3856	58.5%
служилые и новорцы	716	7.2%	20	2.8%	696	97.2%
однородцы	66	0.7%	0		66	100%
дворцовые	157	1.6 %	121	77.1%	36	22.9%
монастырские	372	3.7%	96	25.8%	276	74.2%
помещичьи	2087	20.9%	462	22.1%	1625	77.9%
по национальностям:						
русские	2652	26.53%	450	17.0%	2203	83.1%
мордва	2548	25.49%	934	36.7%	1614	63.3%
татары	1359	13.60%	291	21.4%	1068	78.6%
чуваши	3421	34.23%	1765	51.6%	1656	48.4%
черемисы	3	0.03%	0		3	100%
башкиры	4	0.04%	0		4	100%
калмыки	1	0.01%	0		1	100%
персы	1	0.01%	0		1	100%
поляки	4	0.04%	0		4	100%
латыши	2	0.02%	0		2	100%
по проживанию в селениях:						
в уже существовавших	5128	51.3%	3440	67.1%	1688	32.9%
во вновь поселенных	4867	48.7%	0		4867	100%

башкир из д. Шурановы Уфимского уезда земли по р. Кинелю, на которой возникло с. Богдановка. В уплату он отдал 100 руб. и обязался вносить за продавцов ясак по 3 руб. 75 коп. в год. Предание, сохраненное церковной летописью этого села, уточняет, что первоначальный поселок был основан в 1748 г. и состоял из 10 дворов, переведенных из д. Бирючевки Симбирского уезда¹¹¹.

Кроме покупки у башкир, служившие здесь дворяне получали земли путем пожалований. Еще будучи начальником Оренбургской комиссии, И.И. Неплюев вместе с сибирским губернатором Сухаревым донес 17 марта 1743 г. в Сенат: "Некоторые из штаб

и обер-офицеров имеют охоту и просят, чтоб им ис порозжих земель для населения деревень к содержанию своему в службе дать дачи, о чем також де и служащие при Оренбургской комиссии военных и штатских чинов служители просят же..." Они предлагали разрешить раздачу земель "внутри оренбургской и сибирской линий по препорции рангов и службу со взятъем пошлин по указам", так как это "не только не противно, но и полезно тем, что чрез такие дачи пустые места заселятся и служащие люди свое удовольствие возымеют". Просимый на то от Сената разрешительный указ был прислан 31 августа 1743 г. и способствовал развитию в Заволжском крае помещичьего землевладения¹¹².

Среди прочих дворян подали челобитье о наделении землями поручик Пензенского пехотного полка В.М. Страхов, подполковник Уфимского драгунского полка А.М. Языков и секретарь Оренбургской губернской канцелярии И.А. Коптяжев. Определение этой канцелярии о даче им имений состоялось 20 апреля 1749 г. В.М. Страхов получил, например, уже на капитанский чин 100 четвертей пашенной земли с угодьями. По соседству получили в конце 1740-х гг. земли капитаны В.Я. Ляхов и Д.М. Стригин, поручик И.Д. Путилов, прапорщик М.Е. Карамзин (отец знаменитого писателя и историка Н.М. Карамзина)¹¹³.

Среди различных народов быстрее всего росла за счет переходов численность русского крестьянства края. Они составляли самую большую группу переселенцев (2203 душ м.п.). Лишь шестая часть русского сельского населения была старожилами в уезде. Благодаря столь высоким темпам притока, русские крестьяне обошли по численности в уезде мордву, хотя среди старожилов последней было в два раз больше, чем русских.

Вслед за русскими по числу переселенцев стояли чуваши (1656 душ м.п.). Однако они были единственной национальной группой в уезде, которая более чем наполовину состояла из старожилов. Большое количество последних вместе с притоком значительного числа сходцев обусловили общее преобладание чувашей среди сельских жителей уезда, где они составляли более трети ревизских душ. Заметной, хотя и уступавшей русским, чувашам и мордве, была татарская часть заволжского крестьянства.

На долю остальных национальностей, не перечисленных выше, приходились лишь доли процентов от всего населения. Среди крестьян были отдельные выходцы из других народов Поволжья (черемисы-мари, башкиры, калмыки), а также из

представителей народов, живших за пределами России или недавно включенных в ее состав (персы, поляки, латыши).

Две трети переселенцев (4349 чел.), как указано в сказках, перешли в Ставропольский уезд добровольно. Прежде всего это относится к государственным крестьянам (ясачным и служилым), а также к дворцовым, которые более свободно могли распоряжаться собой, нежели прикрепленные к частным владельцам. Исходя из особенностей национального состава сословных групп, понятно полное преобладание "перешедших сами" среди народов Поволжья, а среди русских — переведенных принудительно и возвращенных из бегов. Дело в том, что владельческие крестьяне были преимущественно русскими, также среди них была небольшая часть мордвы. Чуваши и татары практически поголовно были государственными крестьянами (ясачными и служилыми).

Среди ясачных отмечены лишь отдельные случаи возвращения из бегов и принудительной записи в подушный оклад не учтенных в первой ревизии. Все ясачные, официально переведенные властями, — это жители трех слобод на землях, отведенных калмыкам: Курумоча, Кошек, Ягодного. Фактически же переселение в эти селения также совершалось, как уже сказано выше, добровольно взамен возвращения новодевиченских "разночинцев" на прежние места жительства в коренных российских уездах.

Владельческие крестьяне (монастырские и помещичьи) в большинстве своем формально оказались в уезде по воле владельцев. Однако среди 1624 душ м.п. помещичьих крестьян, переселенных в Заволжье, более половины (871 душа, или 53,63%), считались "возвращенными из бегов". Следует задуматься о странностях массового водворения "возвращенных из бегов" на окраинные земли страны, почти на самой границе, откуда легче совершить повторный побег. Дело в том, что часто "возвращение из бегов" обозначало фиксацию в ходе переписи на новых местах уже осевших здесь беглецов. Развитие событий могло идти в разных вариантах:

* В первом случае, обнаружив своих беглых в новых поселениях, помещики старались оформить на себя земли, где те обоживались.

* Во втором хозяева этих земель, допустившие на них беглых, задним числом оформляли сделки купли-продажи крепостных с законными владельцами.

* В третьем варианте действительно происходил предусмотренный законом вывоз беглых крестьян с нового места жительства в селения, принадлежавшие душевладельцам, в том числе и в те, которые появлялись в Ставропольском уезде.

Так, еще в 1700 г. из дворцовой Терюшевской волости Нижегородского уезда бежала большая группа мордовских крестьян, которая расселилась в ясачных селениях на юге Казанского уезда у Закамской линии. В том же году эта волость была пожалована грузинскому царю Арчилу, а от него перешла его дочери Дарье. Та, в свою очередь, отдала в 1728 г. это имение племяннице Софье Александровне, вышедшей замуж за грузинского князя и русского генерала Егора Дадьяна. Когда строительство Новой Закамской линии усилило контроль властей за пограничными землями в Заволжье и сделало их более привлекательными для помещиков, царевна Дарья Арчиловна и ее родственники потребовали вернуть им бежавших из Терюшевской волости крестьян как крепостных людей. К тому времени беглые осели в ряде мордовских селений, в том числе на территории будущего Ставропольского уезда: Старой Кармале, Степной Шентале, Малькле, Бесовке, составляя в них где треть, где половину, где подавляющее большинство жителей, поэтому царевна просила сысканных беглых записать за племянницей в деревнях, где они найдены, не возвращая в прежние жительства¹¹⁴.

Два старейших помещичьих селения за Закамской линией, Старый Буян и Федоровка, представляют собой пример другого определения судьбы беглых. Владелец Буяна майор Г.Я. Дмитриев населил село крепостными шести помещиков: Ф.Ф. Хрущева, А. Лопухина, М. Баженова, П.С. Чемесовой, И. Сипягина, И.Ф. Исаева, большинство которых помечены как "возвращенные из бегов". Его старинными крестьянами здесь были лишь 4 жителя из 67 душ м.п. В Федоровке крепостными владельца села Ф.В. Наумова стали 120 душ м.п. (при общей численности жителей в 131 душу м.п.) разного происхождения (помещичьих, ясачных, монастырских и проч.) из множества деревень Казанского, Симбирского, Юрьевского, Нижегородского, Галицкого, Шацкого, Балахонского, Самарского и Коломенского уездов. Очевидно, что в Старом Буяне и Федоровке происходил прием беглых с дальнейшим оформлением покупки у настоящих хозяев, не пожелавших или не сумевших вернуть своих людей на прежнее место жительства.

Таким образом, доля добровольных переселенцев была заметно выше, чем 66,35%, указанных при переписи как "перешедшие

сами". Самовольные сходцы были и среди переведенных властями и помещиками, и среди "возвращенных из бегов", хотя не всегда в источниках имеются уточнения о реальном характере обстоятельств переселения. Несомненно, что стихийная народная колонизация проявлялась в самых разных формах. Попытки четко отделить ее не только от правительственной, но даже от помещичьей оказываются малоуспешными.

Местами выхода переселенцев были 44 уезда России, а также 6 городов и крепостей. Кроме того, имелись выходцы из-за российских пределов и со вновь присоединенных к империи территорий. При всем разнообразии территорий, откуда приходили крестьяне в Ставропольский уезд, отчетливо выделяются направления основных потоков, которые шли из ближайших к Заволжью регионов, а именно из Закамья и с правобережья Средней Волги. Эти регионы входили тогда в Казанский, Симбирский и Самарский уезды. Часть территории двух первых из названных уездов была включена в Ставропольский. Из сел и городов Казанского и Симбирского уездов вышло две трети переселенцев, а вместе с Самарским эта доля достигает 70%. По отдельным сословным категориям число и процент переселенцев из ближайших трех уездов и городов составляют (в первой строке — число душ мужского пола, пришедших с указанных территорий, а во второй — их доля от всех переселенцев данной группы):

*ясачные служилые дворяне монастырские дворцовые помещичьи
иноверцы*

2651	621	32	196	36	1045
68,73%	89,22%	49,23%	71,01%	100%	64,31%

Среди национальных групп переселенцев эти числа и соотношения выглядят следующим образом:

<i>русские</i>	<i>мордва</i>	<i>черемисы</i>	<i>татары</i>	<i>чуваш</i>	<i>поляки</i>
1557	1174	1	866	981	2
70,71%	72,74%	33,33%	81,09%	59,24%	50,00%

Следующим по роли в заселении Заволжья регионом являются остальные, более удаленные уезды Средней Волги, которые непосредственно не граничат с Заволжьем: Алатырский, Арзамасский, Карсунский, Козьмодемьянский, Курмышский, Пензенский, Саранский, Свияжский, Царево-Кокшайский, Цивильский, Чебоксарский, Ядринский. Из них прибыло 22,44% всех переселенцев. Их количество и доля в сословных группах переселенцев представлены ниже:

ясачные	служилые иноверцы	однодворцы	монастырские	помещичьи
1153	72	7	24	215
29,89%	10,34%	10,77%	8,70%	13,23%

В национальных группах количество и соотношение выходцев из этих уездов выглядит так:

русские	мордва	черемисы	татары	чуваши
256	356	2	198	659
11,63%	22,06%	66,67%	18,54%	39,79%

В итоге все уезды Средневолжья, как ближние, так и удаленные, дали 92,33% крестьян, переселившихся в Ставропольский уезд.

Все остальные территории центральной, северной и южной России заметно уступают Средней Волге по количеству переселенцев в Ставропольский уезд и, в свою очередь, также делятся на две неравные по площади, но почти одинаковые по количеству выходцев части. В одну из них можно включить Нижегородский край и нижнее течение Оки: уезды Нижегородский, Городецкий, Муромский, Касимовский.

Количество выходцев из них и доля среди сословных групп крестьян-переселенцев составляют:

ясачные	монастырские	помещичьи
4	3	187
0,10%	1,09%	11,51%,

а среди национальных:

русские	мордва
135	59
6,13%	3,66%

Оставшиеся коренные российские уезды, упоминаемые как места выхода, суть Балахонский, Бежецкий, Белозерский, Боровский, Владимирский, Вологодский, Галицкий, Дмитровский, Епифанский, Керенский, Кинешмский, Коломенский, Ломовский, Одоевский, Ростовский, Ряжский, Слободской, Суздальский, Тверской, Темниковский, Угличский, Шацкий, Юрьевский, Ярославский, а также крепость Азов. Они дали следующее количество и долю крестьян-переселенцев по сословным группам:

ясачные	монастырские	помещичьи
19	52	112
0,49%	18,84%	6,89%

и национальным:

русские	мордва	татары	чуваши
176	1	3	3
7,99%	0,06%	0,28%	0,18%

Нетрудно заметить, что в своем большинстве центральные и прилегающие к ним уезды страны выплескивали в состав переселенцев русских помещичьих крестьян. Это соответствует социальной и этнической ситуации в данных уездах. Численность других групп, за исключением мордвы (Нижегородского уезда) и монастырских крепостных (древней Владимирской Руси: Владимирского, Дмитровского, Угличского, Ростовского, Городецкого уездов), была очень незначительной.

Движение в Ставропольский уезд населения с востока было малозаметным. Выходцев из Уфимского уезда, Черемшанской крепости и Сакмарского городка было только 15 душ м.п., которые составляли от всех переселенцев 0,23%, а от их сословных групп:

ясачные	служилые иноверцы	помещичьи
10	3	2
0,26%	0,43%	0,12%

и национальных:

русские	мордва	татары	чуваши	башкиры
4	3	1	3	4
0,18%	0,19%	0,09%	0,18%	100%

К числу пришедших с юга и востока можно условно прибавить и тех переселенцев (21 чел. м.п.), которые побывали в плену у кочевников и вернулись на Родину. Других выходцев из районов Сибири, Урала, Нижней Волги в переписи Ставропольского уезда не отмечено. Полностью господствовало продвижение сходцев с запада и северо-запада.

Уезды, давшие наибольшее количество переселенцев, по сословному составу крестьян делятся на пять основных групп:

1. Районы, из которых шел поток переселенцев, практически полностью состоящий из ясачных крестьян: Арзамасский, Курмышский, Цивильский, Чебоксарский, Ядринский уезды;

2. Территории с преобладанием ясачных крестьян-переселенцев и одновременно с наличием заметного числа выходцев из других сословных групп (служилых иноверцев, помещичьих и монастырских): Алатырский, Казанский, Самарский, Симбирский уезды;

3. Уезды с разносословным составом переселенцев при некотором преобладании помещичьих крепостных: Пензенский, Саранский, Ярославский;

4. Районы почти исключительного притока помещичьих крепостных: Владимирский, Касимовский, Муромский, Нижегородский, Ростовский, Юрьевский, Суздальский;

5. Уезды, все переселенцы из которых были монастырскими крепостными: Дмитровский, Карсунский, Угличский.

Определенную группировку мест выхода крестьян можно представить и по их национальному составу.

Исключительно из русских крестьян состоял поток переселенцев из многих уездов, лежавших в центре страны, по течению Оки и других притоков Волги, в том числе из Владимирского, Вологодского, Дмитровского, Карсунского, Касимовского, Муромского, Ростовского, Суздальского, Угличского, Юрьевского, Ярославского.

Русские же крестьяне составляли большинство, но было много и мордвы среди переселенцев из уездов Пензенского и Саранского.

Мордва, в свою очередь, преобладала над русскими и татарами среди выходцев из уездов Алатырского, Арзамасского, Нижегородского и Самарского.

Татары составляли большинство, несколько превышая численность чувашей, между сходами из Свияжского уезда.

Исключительно чувашским был национальный состав переселенцев из уездов Курмышского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского.

Значительные группы переселенцев из числа всех четырех основных национальностей Ставропольского уезда (русских, мордвы, чувашей и татар) прибыли из Казанского и Симбирского уездов. Хотя из первого заметнее всего была группа мордовских, а из второго — русских переселенцев, но ни в одном из них представители одной национальности не составляли и половины всех выходцев.

Выходцы из-за пределов великорусских территорий являются случайными в переселенческом движении в Ставропольский уезд. Из Прибалтики и Речи Посполитой пришли 4 крестьянина, и ни одного — с Украины.

Хотя в Ставропольском уезде и проживали украинцы — "черкасы", но их не числили крестьянами, а считали неподатным сословием и поселили в особой слободе, история появления которой такова. В результате нападений кочевников число украинцев, поселенных по Оренбургской линии, за период с 1742 по 1743 гг. сократилось с 935 до 686 чел. Губернатор доносил в Сенат, что они непригодны для несения воинской службы, среди

них "много вдов, сирот, престарелых и малолетних", переселенцы "непрестанно скучают" и мечтают вернуться на родину. В отличие от соотечественников, заселивших Илецкую крепость и хорошо себя зарекомендовавших на службе, остальные переселенцы с Украины в основном не были казаками, не знали воинского дела и не могли успешно отражать нападения степняков. Это понял Неплюев, отмечая в донесении, что "исправной казачьей службы от них не надежно, яко они из прежних мест не из таких людей, как бы военным быть, но видно, что из крестьян или каких негодных шли". Правительство разрешило всем желающим возвратиться на Украину, дав остальным возможность переселиться в более безопасные места. Подавляющее число переселенцев отправилось в обратный путь, а 46 семей, согласившихся остаться, поселились в 1744 г. на р. Большой Кинель, основав здесь Черкасскую слободу¹¹⁵.

Определенными особенностями отличался начальный этап освоения заволжских территорий, лежавших восточнее Ставропольского уезда. В заселении Новой Московской дороги, начатом практически с нуля, с 1743 г. до начала 1750-х гг. главную роль играли мероприятия властей, обеспечивавших принудительный перевод сюда первых переселенцев. За эти годы на территории Бугульминского ведомства водворилось государственных крестьян: русских — 1650 душ м.п., иноверцев (мусульман и язычников) — 2001, "тептярей и бобылей" (припущенников из народов Поволжья на башкирских землях) — до 1000. Помещичьих крестьян было только 69 душ м.п., а всего податного населения — 4720 ревизских душ¹¹⁶.

Старейшими здесь были деревни ясачных и служилых татар. Это население было обязано содержать дорогу и перевозку по ней почты, грузов и людей. По сенатскому указу 1743 года "поселились от Кичуйского фелшанца до Сакмарского городка пятнатцеть ямов", из которых и сформировались постоянные земледельческие селения. Татарские деревни, возникшие по этой дороге при ее прокладке, заселялись прежде всего обнаруженными в Уфимском уезде уроженцами других уездов, не платящими подушный оклад. Тех из них, кто был записан где-то в ревизские сказки, отсылали на прежнее место жительства, а тех, кто сошел до первой ревизии или не был никуда приписан, отправляли на Новую Московскую дорогу¹¹⁷.

По своему положению самовольных сходцев и беглых людей татары этих деревень мало чем отличались от "не помнящих родства" из русских и мордовских слобод, которые вскоре воз-

ники на Новой Московской дороге. Ссылка на “невозможность” вспомнить свое происхождение, место рождения и прежнего проживания — обычный прием задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам или в прежнее состояние. В 1746 г. Сенат утвердил представление И.И. Неплюева о высылке всех “не помнящих родства”, обнаруженных во время ревизии в различных частях России, на поселение в Оренбургскую губернию. Там их водворяли на Новой Московской дороге, обязывали повинностями по ее содержанию и платёжом подушной подати наравне с ясачными крестьянами¹¹⁸.

Основание первой из них, Большой Бугульминской, в литературе принято относить к 1745 г. Сами здешние жители в середине XVIII в. называли датой ее поселения 1747 год, что более согласуется с началом массового переселения “не помнящих родства” в 1746 г. Однако возможно, что слобода встала на месте уже возникшей немногим раньше деревни близ одного из придорожных ямов. В начале того же 1747 года в Бугульме была открыта земская контора, ставшая административным центром Новой Московской дороги. Датой своего водворения обитатели Письмянской слободы указывали также 1747 г., а Малой Бугульминской слободы — 1750 г. Бугурусланская слобода была основана около 1748 г.¹¹⁹

В перечисленных слободах преобладали русские. “Не помнящих родства” из новокрещенной мордвы, как правило, водворяли в селах Мордовский Бугуруслан и Сок Кармала между Бугурусланом и Бугульмой.

Кроме податного населения, в Бугульминском ведомстве были категории жителей, не положенных в подушный оклад. Отставные нижние чины были поселены, как правило, в тех же селениях, где водворялись “не помнящие родства”, а также в отдельных поселках, например, Кувацкой слободе на р. Шешме. Не обязывались податями и повинностями также некоторые из “не помнящих родства”, которые оказывались престарелыми, больными и увечными. Наличие таковых среди людей, высланных на Новую Московскую дорогу, заставило Сенат в 1748 г. разрешить устройство в Бугульме богадельни. В нее первоначально было определено 34 чел., которые “за старостию, дряхлостию и одиночеством к платежу подушного оклада явились ненадежны”¹²⁰.

Общая численность населения Бугульминского ведомства приближалась к 5 тыс. чел. мужского пола или 10 тыс. чел. обо-

его пола. Суммируя подсчеты по всем административным единицам осваиваемой северной части Заволжья, находившейся так или иначе под управлением властей Оренбургской губернии в 1744–1781 гг. (левобережье Самарского уезда, Ставропольский уезд, Новая Московская дорога), можно утверждать, что число жителей, не причисленных к казачьему сословию и не состоявших в регулярной службе, к началу 1750-х гг. здесь немногим превысило 30 тыс. чел. обоего пола. Вместе с казаками и другими жителями пограничных крепостей эта численность приближалась к 40 тыс. жителей.

В основном достигнутые за короткий срок успехи в заселении края были связаны с вольной народной колонизацией, поселением (в т.ч. принудительным) беглых и последующей легализацией проживания последних. Обеспечение условий и поддержка местными властями такого рода освоения ускорили интеграцию заволжских земель в Российское государство. Вместе с тем социальный состав и настроения преобладающего числа жителей, связанные с их происхождением и предшествующими судьбами, были чреваты серьезными конфликтами с властями в случае перехода к мерам ужесточения крепостнических порядков, усиления податного гнета или административного произвола. Вызревание и обострение таких конфликтов произошло в следующий период истории Заволжья, приходящийся на последующие после его присоединения к России десятилетия XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник РИО. Т.126. Юрьев, 1907. С. 565; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 57; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889. С. 164.

² Рычков П.И. История. С.57.

³ ГАОО. Ф.2. Оп. 1. Д. 9. Л. 62 и об.

⁴ Рычков П.И. История. С.43–44

⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп.1. Д. 9. Л. 74 об.; Рычков П.И. История. С. 42–43; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 175.

⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 322–323.

⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 35 об.–36.

⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 462. Л. 828 и об.; Ф.767. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹⁰ РГАДА. Оп. 8. Д. 462. Л. 828–829, 831.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1072 об.; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 77 об.; Д. 7. Л. 32 об.; Сборник РИО. Т. 146. Юрьев, 1915. С. 15; Рычков П.И. История. С. 58.; Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907. С. 63.

¹² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 74 об.

¹³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.

¹⁴ Сборник РИО. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 218.

¹⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об.-9.

¹⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 35 об.; Д. 9. Л. 47.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144.

¹⁸ Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1992. С. 48-49.

¹⁹ Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 1-26.

²⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48 об.-50.

²¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 74 об.

²² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 51 об.

²³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 51 об.-52.

²⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

²⁵ Сб. РИО. Т. 138. 1912. С. 53-54; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 66; Завальный А.Н. Украинские этюды: Страницы истории самаро-украинских отношений. Самара, 1996. С. 8-12.

²⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 50 об.

²⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 66.

²⁸ Сб. РИО. Т. 138. С. 472.

²⁹ Сб. РИО. Т. 114. Юрьев. 1902. С. 46; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

³⁰ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 482.

³¹ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 482-483.

³² Сб. РИО. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 414; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 483.

³³ Сб. РИО. Т. 120. Юрьев, 1905. С. 201, 209.

³⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 18; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 483-484.

³⁵ ПСЗ. Т. XII. № 9110; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 520.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 794. Л. 204-205; Попов Н. В.Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 629.

³⁷ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 523-524.

³⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351. Л. 191, 197 об., 207; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 171, 174 об.

³⁹ ПСЗ. Т. XI. № 8393; Попов Н. В.Н. Татищев. С. 624, 629.

⁴⁰ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 525-526, 530.

⁴¹ Попов Н. В.Н. Татищев. С. 621-622, 629; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 534-535.

⁴² Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 567.

- ⁴³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 21, 61;
Рычков П.И. История. С. 44
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 80 об.-81.
- ⁴⁵ **Рычков П.И.** История. С. 45.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 44 об.-47 об.
- ⁴⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 74 об.
- ⁴⁸ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 68 об.
- ⁴⁹ **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 3. С. 463; ПСЗ. № 8093.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 68 об.; **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 3. С. 465; ПСЗ. Т. XII. № 9553.
- ⁵¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.; 16 об.; 30 об.
- ⁵² Сборник РИО. Т. 138. С. 375-376.
- ⁵³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об., 30 об.
- ⁵⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.-5 об.
- ⁵⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 30 об., 51 об.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 43, 70.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 50 об.
- ⁵⁸ **Пекарский П.** Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С. 11.
- ⁵⁹ **Артамонова Л.М.** Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2. С. 20.
- ⁶⁰ **Рычков П.И.** История. С. 45.
- ⁶¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.;
Рычков П.И. История. С. 44.
- ⁶² **Рычков П.И.** История. С. 45; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 76-77.
- ⁶³ **Рычков П.И.** История. С. 47, 54-55.
- ⁶⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 64; **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 2. С. 182.
- ⁶⁵ **Рычков П.И.** История. С. 57; **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 1. С. 176.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 81 об.; **Рычков П.И.** История. С. 58.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 5; **Рычков П.И.** Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский Архив. 1905. Кн. 3. № 11. С. 301.
- ⁶⁸ **Рычков П.И.** Записки. С. 297, 306.
- ⁶⁹ **Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.** Петр Иванович Рычков. М., 1991. С. 54-55.; **Рычков П.И.** Записки. С. 301.
- ⁷⁰ **Пекарский П.** Жизнь Рычкова. С. 83; **Рычков П.И.** Записки. С. 301; **Рычков П.И.** История. С. 58.
- ⁷¹ **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 2. С. 193; **Алекторов А.** История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 33.
- ⁷² **Рычков П.И.** История. С. 59; **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 2. С. 194-195.
- ⁷³ **Рычков П.И.** История. С. 60; **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 2. С. 179.
- ⁷⁴ **Витевский В.Н.** Указ. соч. Вып. 1. С. 176.
- ⁷⁵ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693-1773). СПб., 1893. С. 132.

- ⁷⁶ Записки Неплюева. С. 134–135.
- ⁷⁷ Записки Неплюева. С. 135.
- ⁷⁸ Записки Неплюева. С. 136; Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 5.
- ⁷⁹ Рычков П.И. История. С. 60; Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 5.
- ⁸⁰ Записки Неплюева. С. 136.
- ⁸¹ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 4.
- ⁸² Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 6–7; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 2. Казань, 1890. С. 180.
- ⁸³ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 8, 28; Записки Неплюева. С. 137.
- ⁸⁴ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 183; Записки Неплюева. С. 137; Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 30.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1071.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1071 об.
- ⁸⁷ Рычков П.И. История. С. 67.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1072.
- ⁸⁹ Рычков П.И. История. С. 67.
- ⁹⁰ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Июль. С. 4.
- ⁹¹ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 181.
- ⁹² Рычков П.И. История. С. 67; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 187.
- ⁹³ Рычков П.И. История. С. 68–70.
- ⁹⁴ Рычков П.И. История. С. 73.
- ⁹⁵ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Август. С. 120, 122–123.
- ⁹⁶ Записки Неплюева. С. 137, 140.
- ⁹⁷ Записки Неплюева. С. 137–139.
- ⁹⁸ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Август. С. 122.
- ⁹⁹ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Август. С. 123.
- ¹⁰⁰ Записки Неплюева. С. 141.
- ¹⁰¹ ПСЗ. Т. XII. № 8900.
- ¹⁰² Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 206.
- ¹⁰³ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 2. С. 218.
- ¹⁰⁴ Рычков П.И. История. С. 79.
- ¹⁰⁵ Рычков П.И. История. С. 79–81.
- ¹⁰⁶ Сочинения и Переводы к пользе и увеселению служащие. 1759. Ч. II. Август. С. 123; Октябрь. С. 322–323.
- ¹⁰⁷ Рычков П.И. История. С. 87.
- ¹⁰⁸ Рычков П.И. Топография. С. 8, 34–35.
- ¹⁰⁹ Переписи населения России. Итоговые материалы подворных пе-

реписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. III. С. 211, 214.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 3750. Л. 60, 74; Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края // Самара в моей жизни. Самара, 1994. С. 89–90.

¹¹² ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г.Р. Т. 17. Л. 9.

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г.Р. Т. 17. Л. 9 об.; РГАДА. Ф. 1336. Оп. 3. Д. 1336. Л. 1–2; Гостиный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Калуга, 1995. № 3. С. 226.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2643. Л. 39 об., 40, 47.

¹¹⁵ Завальный А.Н. Указ. соч. С. 13.

¹¹⁶ Рычков П.И. Топография. С. 268.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 274; Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 442, 490.

¹¹⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 464, 488.

¹¹⁹ Витевский В.Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 491; Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. XXIII; РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 309, 310, 311, 314; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VI. СПб., 1901. С. 431; Альтов В.Г. Бугуруслан. Челябинск, 1990. С. 4.

¹²⁰ ПСЗ. Т. X. II. № 9501. С. 864.

Заклучение

На врезке карты, помещенной в одном из рукописных списков "Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии", имеется любопытный рисунок (см. страницу 1), до сих пор не публиковавшийся и обойденный вниманием исследователей. Смотрящий с небес бог торговли Меркурий указывает своим крылатом жезлом на проходящий через Оренбургскую губернию путь из России в Индию на карте, которую разворачивает невысокий плотный господин в гражданском костюме чиновника. Сценка не лишена доброй иронии, что подчеркнуто и сопоставлением античной символики с обыденной реальностью тогдашнего быта, и шаржированным изображением человека, в облике которого проглядывают черты внешности П.И. Рычкова, автора рукописи.

Кто нарисовал картинку, можно только гадать. По манере это изображение совсем не похоже на рисунки Дж. Кэстля, вставленные в ту же рукопись. Оно выполнено и другой рукой, чем сама карта, исполнитель которой, впрочем, тоже прямо не указан. Очевидно одно, что перед нами аллегория, столь любимый в эпоху барокко прием, привычка к которому была не чужда и служащим Оренбургской губернской канцелярии. И если не известен автор рисунка, то, несомненно, его соавтором являлся сам П.И. Рычков, поскольку эта аллегория могла появиться в рукописи только с согласия ее составителя, и, вероятно, была им самим придумана.

Как и любая другая барочная аллегория, она многослойна. Во-первых, здесь указание на авторство, ведь рукописи "Известия" в отличие от печатного текста "Истории Оренбургской" не подписаны именем П.И. Рычкова. В то же время внешнее сходство с составителем рукописи передано весьма условно. При желании человека на рисунке можно сопоставить и с тогдашним губернатором И.И. Неплюевым, и с покойным И.К. Кириловым. Таким образом, в изображении чиновника, разворачивающего карту, перед нами предстает уже не дружеский шарж на конкретного человека, а обобщенный облик начальников и сотрудников Оренбургской экспедиции — комиссии — губернской канцелярии, то есть всех тех людей, усилиями которых Россия в 1730–1740 гг. открывала для себя новые земли, вбирала их в свой состав. Сам жест развертывания готовой карты одновременно символизирует успешно свершенные дела, призыв к завершению прежде начатого и неоконченного, разработку новых планов.

Замыслы и мероприятия Оренбургской экспедиции (комиссии) и после ее конца продолжали оказывать воздействие на политику и развитие России в самых разнообразных проявлениях. С одной стороны, сохранился геополитическая нацеленность кириловского проекта на Среднюю Азию, что особенно ярко обозначится уже в следующем XIX столетии. С другой стороны, установленные в 1730-х гг. новые пограничные рубежи открывали возможности для мирного хозяйственного освоения столь обширных земель, что на их заселение далеко не хватит и целого века.

Проблема роли Заволжья в юго-восточной политике Российской Империи, как выяснилось в ходе нашего исследования, была реальной в ситуации 1730—1740-х гг. Взгляд на эту роль был далеко не однозначен у различных руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) и даже мог меняться во времени у одних и тех же деятелей.

После строительства на самом рубеже XVII-XVIII вв. крепостей Алексеевской, Сергиевской и новой Самарской почти треть века никаких активных действий по продвижению в Заволжье российское правительство не предпринимало. Затем его внимание остановилось на северо-западной окраине Заволжья как новом пограничном рубеже, который устраивался по инициативе и под руководством Ф.В. Наумова для ограждения Правобережья и Закамья (1732-1734). В принципиально новом стратегическом замысле И.К. Кирилова (1734), нацеленном на продвижение в Казахстан, Среднюю Азию и Индию, Заволжью уделялось крайне мало внимания, что вызвало ряд серьезных неудач и потерь, а потому было признано впоследствии ошибкой и частично исправлено устройством Самарской линии, а вдоль нее — Московской дороги (1736).

В.Н. Татищев (1737-1739), наоборот, отодвигал на будущее основные стратегические цели плана Кирилова и довольно обстоятельно старался укрепиться и обосноваться в Самарском Заволжье. Так же в основном действовал и сменивший его В.А. Урусов (1739-1741). Рассматриваемый вопрос порождал конфликтные ситуации в руководстве Оренбургской комиссии, которые выходили на самый высокий государственный уровень. Объяснения громких следственно-судебных "дел" Татищева и некоторых других тамошних командиров только личными амбициями, корыстными интересами, придворными интригами являются односторонними и недостаточными. Наряду с указанными причинами, здесь сказывалась и борьба по принципиаль-

ным вопросам стратегии и тактики государственной власти на юго-востоке страны. Вовсе не случайно, что стремление обосноваться в Самаре стало в "деле" Татищева первым пунктом обвинения, заимствованным из "Протеста" А.И. Тевкелева, соавтора Кирилова по идее Оренбургской экспедиции.

Оживление деятельности комиссии по реализации первоначальных кириловских замыслов происходит при И.И. Неплюеве, что сопровождается решительным и даже несколько демонстративным переездом из Самары в Оренбург (1743), от которого была проложена Новая Московская дорога на Казань через северо-восточные земли Заволжья. Вместе с тем Неплюев удачно сочетал сильные стороны как основного стратегического плана 1734 года, так и тактики администрации Татищева и Урусова. До своей отставки в 1758 г. он, а затем другие руководители Оренбургской губернии не упускали из внимания обширные заволжские территории, находившиеся в ее составе с 1744 по 1781 гг.: Ставропольскую провинцию, Самарскую дистанцию крепостей, Бугульминское ведомство. В военном отношении оренбургским властям подчинялись даже состоявшие в Казанской губернии город Самара и пригород Алексеевск. Но военные дела для всех административных единиц Заволжья все больше уступали со временем ведущее значение вопросам их заселения и хозяйственного освоения.

Возвращаясь еще раз к рисунку из рукописи П.И. Рычкова, отметим, что к поиску новых путей и расширению пределов страны в этой аллегории призывает жезл мифологического покровителя торговли, а не какой-либо из военных атрибутов, гораздо более популярных в символике барокко петровского и послепетровского времени. Рисунок показателен для настроения зачинателей и активных деятелей юго-восточной политики России того времени. Он вполне соответствует смыслу проекта И.К. Кирилова, тексту сочинений П.И. Рычкова, большинству других документов, связанных с этими и другими сотрудниками Оренбургской комиссии. Для них слава России понималась прежде всего как приращение ее материальных богатств, безопасность мирных трудов ее жителей, культурный подъем. Военская служба оказалась для них вынужденным, хотя и необходимым делом.

Не случайно, что официальные руководители Оренбургской экспедиции (комиссии) не были опытными военачальниками и строевыми командирами. Кроме их административной деятельности на юго-востоке России, мы прежде всего отмечаем заслу-

ги Кирилова в статистике и географии, Татищева в инженерном деле и истории, Урусова в строительстве флота, Неплюева в дипломатии. В этот перечень надо включить виднейших из "вторых" лиц экспедиции: переводчика и разведчика Тёвкелева, экономиста и краеведа Рычкова. Это свидетельствовало не о том, что для дела расширения русских пределов на юго-восток не хватало боевых генералов, а том, что для этого дела они и не были нужны. Здесь требовались иные способности и качества, среди которых немаловажными были гибкость и самостоятельность в принятии решений. Особенно это проявилось в упорстве, с которым, вопреки давлению сверху, задачи освоения "Новой России" ставились всеми этими людьми выше соблюдения крепостнических порядков, которые постоянно усиливались на остальной территории государства.

Отрицание неизбежности крепостнических устоев имело у наместников юго-востока России, конечно, не мировоззренческий, а прагматический характер. Но и такого рода критический взгляд имел несомненное положительное значение. Период 1730–1740-х гг. был временем, когда в заселении Заволжья преобладающую роль играли самовольные "сходцы", в большинстве своем просто беглые люди. Традиционное в нашей историографии деление переселенческого движения на потоки вольный, государственный и помещичий выглядит как никогда условным в этом крае, где беглые составляли основное население не только ясачных и удельных селений, но также военных крепостей и помещичьих имений.

Успехи в ходе присоединения и начального освоения Заволжья обуславливались совместными усилиями властей и народных масс, близостью интересов различных сословных и этнических групп в этих процессах. Органы власти, созданные в Заволжье, сочетали достаточную твердость с необходимой гибкостью при выполнении своих функций и оказались вполне способными решать в рассматриваемое время одну из важнейших общенациональных задач, какой явилось продвижение на юго-восток Европейской России оседлых переселенцев, в котором с самого начала приняли участие вместе с русскими мордва, чуваш, татары, украинцы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На обложке:

Гравюра по рисунку Дж. Кэстля (вторая половина 1730-х годов).
Город Самара — вид с Волги

На С. 1:

Врезка на карте из рукописи П.И. Рычкова «Известие о начале и о состоянии Оренбургской Комиссии» (неизв. художник, середина XVIII в.)

На шмуцтитуле Введения:

Географические ландшафты Среднего Поволжья (по И.Х. Салимову)
П.И. Рычков (скульптор Н.Н. Осокин)

На шмуцтитуле Главы 1:

Экспедиция Кирилова на 11 судах на Волге в 1734 г. (рис. Дж. Кэстля из рукописи П.И. Рычкова «Известие о начале и о состоянии Оренбургской Комиссии»)

Герб города Самары. XVIII век

На С. 19:

Карта-схема. Среднее Поволжье и Заволжье в конце XVII века

На С. 38-39:

Фрагмент карты «Башкирской Орды или Уфинской провинции с прибавлением частей и всей Закамской стороны и первой земляной, а потом живой Оренбургской линии», составлена в 1737 г. в Самаре (Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. Приложение)

На шмуцтитуле Главы 2:

В.Н. Татищев (памятник основателю города в Тольятти, 1997)

Герб города Ставрополя (современный Тольятти). XVIII век

На С. 68-69:

Карта «Уфинской провинции или всему башкирскому жилью и около оною проложенной живой линии от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней земляной линии и протчему», составлена в 1736 г. геодезии прапорщиком Михаилом Пестриковым (Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. Приложение)

Литерами на карте обозначены:

- расположение воинских команд Ф.С. Хрущева (Z), И.К. Кирилова (S), И. Бардуковича (K), С.В. Шемякина (L), В.Н. Татищева (M);
- дороги от Казани (A), от Уфы к Оренбургу (B), от Оренбурга в Сибирь (C), от Екатеринбурга в Уфу (D), Московская дорога от Самары в Оренбург (F), от Самары в Яицкий городок (G);
- новая Закамская линия (E).

На С. 102-103:

Город Самара — штаб Оренбургской экспедиции (гравюра по рисунку Дж. Кэстля, вторая половина 1730-х годов)

На С. 105:

Спасо-Преображенская церковь (конец XVII в.) в г. Самаре перед разрушением в 1952 г.

На шмуцтитуле Главы 3:

Казанско-Богородицкий «старый» собор в г. Самаре (1744 г.) с Никольским приделом (XVII в.) — место погребения И.К. Кирилова и В.А. Урусова

Герб города Оренбурга. XVIII век

На С. 164:

Карта-схема. Заволжье и Приуралье в составе Оренбургской губернии

На шмуцтитуле Заключения:

Троицкий собор в г. Ставрополе (внешний облик по проекту П.А. Трезини, 1744 г.)

И.И. Неплюев (неизв. художник, XVIII в.)

О г л а в л е н и е

Введение	5
Глава 1. "ПРИ НАЧАТИИ ВЕЛИКИХ ДЕЛ"	15
§ 1. Исходные рубежи "Новой России"	16
§ 2. "Живая линия" и первые мероприятия по ее заселению	28
§ 3. Перевод штаба Оренбургской экспедиции в Самару. Наследие Кирилова	45
Глава 2. ЗАВОЛЖСКИЕ ДЕЛА И "ДЕЛО" ТАТИЩЕВА	63
§ 1. Наместник юго-восточных окраин России	64
§ 2. Переселения и переселенцы	76
§ 3. Конфликты между командирами и устранение Татищева от управления Оренбургской комиссией	92
Глава 3. ИСПОЛНЕНИЕ НАЧИНАНИЙ	113
§ 1. Заволжье под управлением Урусова. Перепись беглых	114
§ 2. Состояние казачества на пограничных линиях	124
§ 3. Поиск новых источников переселенцев	132
§ 4. Хозяйственные дела и состав Оренбургской комиссии. Смерть Урусова	141
§ 5. Неплюев — последний руководитель комиссии и первый оренбургский губернатор	151
§ 6. Крестьянское и посадское население заволжских земель Оренбургской губернии	165
Заключение	183
Список иллюстраций	188

Юрий Николаевич СМИРНОВ

**Оренбургская экспедиция
(комиссия)
и присоединение Заволжья к России
в 30—40-е гг. XVIII века.**

**Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
Кабытов П. С.**

**Редактор Н.А.Сидоренко
Корректор Н.В.Голубева
Компьютерная верстка, макет С.А.Агапов
Обработка изображений Д.С.Агапов**

Л.Р. №020316 от 04.12.96. Подписано в печать 04.07.97
Формат 60*84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем
11,16 усл. печ. л.; 12 уч.-изд. л. С.16. Тираж 1000 экз. Заказ № 1433
Издательство "Самарский университет". 443011, Самара,
ул. акад. Павлова, 1
ОАО "ПО СамВен". 443099, Самара, ул. Венцека, 60.